

Лариса Петровичева

Девушка
без имени

Annotation

Соня Тимофеева в один миг лишилась всего: собственного имени, друзей, родины. Теперь она попаданка, заброшенная мужем-психопатом в другой мир, и ставшая там злонамеренной ведьмой. Что выбрать: вернуться домой или попробовать выжить там, где на тебя ведется охота, пройдя через клетки человеческого зоопарка и застенки инквизиции к трону? И сможет ли новая любовь спасти там, где не осталось места для надежды?

Глава 1. Алита

Огюст-Эжен Лефевр, инквизитор первого ранга, терпеть не мог дождя. Осень с ее бесконечными ливнями и сыростью всегда нагоняла на него меланхолию. Вот и теперь, стоя на ступенях Дворца правосудия и дожидаясь, когда кучер выведет-таки его экипаж из-под навеса, Лефевр закрывал голову от потоков воды толстой папкой с документами по делу убийцы, прозванного Мороженщиком, ругал себя за то, что не взял утром шляпу и чувствовал, что, в общем и целом, жизнь снова повернулась к нему задом.

Наконец, экипаж остановился возле ступеней, и Лефевр, забравшись внутрь, бросил мокрую папку на скамью и сердито стукнул тростью в стенку: давай, двигайся, лентяй ты этакий. Впереди было целых три праздничных дня во славу Рождества святой Агнес, и Лефевр собирался поехать за город — отдохнуть в своем деревенском доме, посидеть у камина с бокалом хорошего вина и умной книгой, прогуляться возле озера. Теперь на этих прекрасных планах можно было ставить крест: в такую погоду лучше оставаться дома, сидеть, как сыч, в своем кабинете...

Экипаж подпрыгнул на какой-то колдобине, Лефевр прикусил язык и выругался. Столичные дорожники, сто бесов им в печень, снова начали ремонт мостовых — конечно, когда ж еще этим заниматься, как не осенью! Вот кого бы притянуть к суду инквизиции: их деятельность ничем не лучше злонамеренного колдовства. Некоторое время Лефевр думал о сегодняшнем процессе, своем выступлении и оправдательном приговоре — должно быть, именно поэтому судья и передал ему дело Мороженщика: наказывал за беспристрастность и четкую оценку событий. Во Дворце правосудия Лефевра не любили: дела о колдовстве он рассматривал чрезвычайно скрупулезно, пытаясь найти истину, а не просто отправляя подсудимых в тюрьму, как его коллеги. Подозреваешься в колдовстве — значит, виновен, и нечего тратить время на разбирательства: так считали почти все господа инквизиторы. Лефевр придерживался иной точки зрения: еще одна причина, по которой Страховид — так его называли коллеги, разумеется, за спиной и с оглядкой — не пользовался любовью товарищей по профессии. Первой причиной, конечно, была внешность: грубое скуластое лицо с чересчур крупными, тяжелыми чертами, высокий рост и некрасивые руки с длинными пальцами. На фоне прочих жителей столицы, изящных, тонкокостных, почти эльфообразных, Лефевр выделялся далеко не в лучшую сторону.

Он давно привык к своему уродству, перестал его стесняться и не вздрагивал, глядя в зеркало. Зачем стыдиться того, что ты не сможешь исправить? Покойная Бригитта, его сестра, так и не смогла смириться с тем, что родилась некрасивой — даже деньги его родителей не сумели превратить дурнушку в завидную невесту. Иногда Лефевр думал, что именно тоска и свела сестру в могилу. Когда всем сердцем желаешь давать и получать тепло и любовь, а в ответ летят злые насмешки, остается только тосковать... Лефевр не любил осень еще и потому, что Бригитта умерла от пневмонии в сезон дождей, а он не смог ее спасти. Как сказал врач, девушка просто не хотела жить, а медицина в таких случаях бессильна.

Экипаж сбавил скорость: выглянув в окно, Лефевр увидел, что они проезжают мимо человеческого цирка — его кучер, как и все остальные жители столицы, любил поглазеть на людей в клетках. Вот и сейчас, несмотря на проливной дождь, возле цирка толпился народ, таранился на уродов и уродок, тыкал пальцами, чавкал, пожирая сладкую вату. Лефевр

ненавидел человеческие цирки, считая их варварским пережитком прошлого, и хотел было крикнуть кучеру, чтоб тот прибавил скорость, но внезапно замер, словно от пощечины.

— Стой! — крикнул Лефевр, и кучер послушно остановил экипаж. Лефевр смотрел в одну из клеток и чувствовал, как кровь прилила к голове и отхлынула, и прилила снова. В клетке сидела молодая рыжеволосая женщина в грязных лохмотьях, ее бледное чумазое лицо было искажено застарелым страданием и болью, а глаза...

Глаза были карими. Как у Бригитты. Как у мамы. Ни у кого в Сузе больше не было таких.

Открыв дверцу, Лефевр спрыгнул на мостовую и, не обращая внимания на дождь, пробился сквозь толпу и крепко взял за рукав человека в красном сюртучке администратора. Человек в сюртучке хотел было выругаться, но обернулся, увидел Лефевра, и злоба на его изъеденной оспой физиономии мигом сменилась раболепным подобострастием.

— Я забираю эту женщину, — сухо сказал Лефевр и указал на клетку с рыжей. Человек в сюртучке даже закашлялся от неожиданности.

— Но милорд... — промолвил он, бурвя Лефевра колючим взглядом. — Это невозможно. Правила цирка.

Лефевр вынул из кармана пальто серебряный инквизиторский жетон и продемонстрировал человеку со словами:

— Ты знаешь, кто я?

— Разумеется, милорд, — по выражению лица администратора было ясно, что он с удовольствием засадил бы в клетку самого Лефевра: это во много раз увеличило бы выручку. — Но вы понимаете, наш хозяин...

— И ты, и ваш хозяин окажетесь в тюрьме через полчаса, — с ленивой угрозой промолвил Лефевр и, прищурившись, добавил: — Скажем, за укрывательство злонамеренных колдунов.

Администратор вскинул руки в жесте примирения и согласия и затараторил:

— Милорд, клянусь святой Агнес, я не знал, что она колдунья. Сейчас, сию секунду... Это ваш экипаж, да? Сейчас доставим.

Лефевр кивнул и двинулся к экипажу. Конечно, пришлось подождать: девушку доставили через четверть часа, когда инквизитор начал терять терпение — должно быть, администратор ругался с директором. Но, в конце концов, рыжую приволокли и засунули в экипаж. Администратор выглядел угрюмым и еще более озлобленным, чем раньше. На его физиономии наливался свежий синяк. Девушка забилась в самый темный угол, и Лефевр, смерив администратора презрительным взглядом, произнес:

— Благодарю за сотрудничество. Всех благ.

Когда экипаж снова покатил по улице, Лефевр всмотрелся в бледное девичье лицо с разводами грязи и следами давнишних побоев и спросил, вложив в голос всю возможную мягкость и доброжелательность:

— Как тебя зовут?

Девушка отшатнулась от него и вжалась в угол так, словно Лефевр ее ударил. Похоже, он и представить не мог, сколько ей довелось пережить. Побои, наверняка изнасилования, пытки... Лефевр почувствовал, как сердце болезненно сжимается от сочувствия.

— Ну я же не бью тебя, не ругаю, — с прежним теплом проговорил он. — Как тебя зовут, милая?

Рыжая закрыла лицо ладонями и заплакала.

— Ведьма нет имени, — проговорила она с ужасным каркающим акцентом. Впрочем, если смягчить этот акцент, лучше приспособить к валеатскому языку, то получится тот самый выговор, который Лефевр с детства слышал в речи матери.

На мгновение он закрыл глаза, вспоминая те слова, которым его обучила мать, и сражаясь с острым страхом того, что он мог забыть чужую речь или же незнакомка вообще не говорит на этом языке. Наконец, Лефевр собрался с духом и произнес по-русски:

— Как тебя зовут?

Девушка медленно отвела ладони от лица, и теперь в ее взгляде был чистый, беспримесный ужас, словно Лефевр выбрался из самых глубоких пещер Пекла. Ее губы задрожали.

— Вы тоже с Земли? — хрипло прошептала она по-русски и схватила Лефевра за руку. — Вы русский? Господи...

Лефевр притянул ее к себе и крепко обнял. Девушка уткнулась влажным лицом в его плечо и расплакалась — но теперь это были слезы счастья.

Когда они вошли в дом, дворецкий смерил лохмотья девушки настолько брезгливым и полным презрения взглядом, что Лефевр поежился. Должно быть, добрый Бланк терялся в размышлениях по поводу того, по какой такой прихоти его господин полез в помойку — потому что такие мерзопакостные бабы могут водиться лишь в самых грязных выгребных ямах на окраинах самых отвратительных трущоб. Помогая Лефевру снять пальто, дворецкий негромко и подчеркнуто вежливо осведомился:

— Прошу прощения, милорд, но кто это?

— Наш агент в Веренталии, — сухо ответил Лефевр. — Схизматики приговорили ее к смерти, ей с трудом удалось сбежать, — когда недоумение на лице дворецкого сменилось глубоким уважением, Лефевр продолжал: — Приготовьте для нее горячую ванну. И бывшую комнату Бригитты. Одежду сестры тоже можно взять. Ужин на двоих — в мой кабинет.

— Разумеется, милорд. Сию секунду, — с достоинством кивнул дворецкий и, обернувшись к девушке, поклонился и произнес: — Миледи, позвольте проводить вас.

Девушка неохотно отпустила руку Лефевра и пошла за дворецким к лестнице на второй этаж. Проводив их взглядом — Бланк осмелел настолько, что даже попытался о чем-то спрашивать гостью — Лефевр отправился в свой кабинет.

Закрыв дверь, он прошел к столу и, открыв нижнюю дверцу, вынул большую темную коробку, надежно запертую на замок. Лефевр провел ладонью по крышке, смахивая пылинки, и вспомнил, как незадолго до смерти мать, уже не встававшая с постели, позвала его и сказала:

— Огюст-Эжен, пообещай мне одну вещь. Возможно, однажды ты встретишь человека, который, как и я, будет чужестранцем, скитальцем среди миров. Дай мне слово, что ты обязательно поможешь ему или ей, как помог мне твой отец.

Ключ, который Лефевр постоянно носил с собой, повернулся в замочной скважине, и коробка открылась. Некоторое время Лефевр рассматривал ее содержимое, а затем вынул лист, лежащий сверху — на нем была изображена башня, белая с золотым, увенчанная тонким шпилем со сверкающим корабликом на верхушке. Перевернув лист, Лефевр прочел стихи, написанные беглым, легким почерком матери:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,

Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

Он выучил эти стихи еще в детстве, когда мать рассказывала ему и Бригитте об удивительном городе Ленинграде, в котором родилась и выросла. Мать хорошо рисовала, и ее рисунки, изображавшие чудесную северную столицу другого мира, занимали почти половину коробки. На обратной стороне рисунков она писала стихи: Лефевр, влюбившийся по ее рассказам в далекий город, выучил их наизусть. Ему казалось, что так он будет ближе к матери, несчастной чужестранке, по воле случая попавшей в Сузу.

Выложив рисунки, Лефевр достал из коробки тетради: в них были записаны слова на русском языке с транскрипцией и переводом на валеатский. Раскрывая их наугад и перелистывая пожелтевшие страницы, он жадно впивался взглядом то в одну, то в другую строчку, убеждаясь, что до сих пор прекрасно помнит родной язык своей матери. Отец в свое время ругал ее, говоря, что за речи на русском их всех заберет инквизиция: ведьма из иного мира в доме дворянина, слова, которые напоминают заклинания, дети, расппевающие непонятные песни — этого более чем достаточно для обвинения в злонамеренном колдовстве. Лефевр всегда поражался тому, почему отец, всегда производивший впечатление холодного и бездушного человека с каменным сердцем, привел в свой дом жалкую оборванку, встреченную возле кладбища — и не просто привел, а сделал законной женой, которой не изменял даже в мыслях.

В дверь постучали, и Луиз, одна из служанок, внесла в кабинет поднос с ужином. Лефевр кивнул ей и принялся убирать тетради обратно в заветную коробку.

— Миледи скоро спустится, — сообщила Луиз, накрывая на стол. Телятина в винном соусе с овощами издавала прямо-таки невероятный аромат. — Амина помогает ей одеться.

Лефевр снова кивнул. Будь воля Луиз, она болтала бы днем и ночью и уж точно выспросила бы у хозяина дома все подробности о неожиданной гостье — вот и сейчас едва сдерживается, чтобы не задавать вопросов. В дверь снова постучали, и дворецкий, открыв ее, пропустил в кабинет рыжую чужестранку и сделал служанке знак уходить. Луиз выскользнула из кабинета, закрыла дверь, и девушка посмотрела Лефевру в глаза и еле слышно прошептала:

— Спасибо вам. Спасибо вам огромное. Вы даже не представляете...

— Представляю, — Лефевр вышел из-за стола и приблизился к своей гостье. Сейчас, после горячей ванны, одетая в старое платье не по размеру, она казалась удивительно

красивой. Влажные рыжие волосы были наскоро подхвачены умелыми руками служанки в высокую прическу, карие с прозеленью глаза смотрели на Лефевра с благодарностью и надеждой, даже уродливые пятна старых синяков на светлой коже не портили впечатления. Лефевр смущенно отвел взгляд — в конце концов, неприлично так таращиться на девушку — и произнес:

— Все позади, теперь вы в гостях у друга. Прошу к столу, полагаю, вы голодны.

Судя по всему, девушке действительно пришлось голодать: она опустошила свою тарелку в считанные минуты и робко попросила о добавке. Лефевр с удовольствием положил ей еще телятины и сказал:

— Вам сейчас нужно отъедаться. Давно вы в Сузе?

Девушка неопределенно пожалала плечами. В глазах снова заблестели слезы.

— Я не знаю точно. Пять-шесть недель... Простите меня, в голове все путается...

Она шмыгнула носом и бессильно уронила руки на колени. Лефевр налил вина в высокий хрустальный бокал и протянул ей.

— Вот, выпейте. Вы ведь не помните вашего имени, так?

Девушка сделала глоток вина, поморщилась и кивнула. Лефевр придвинул свое кресло поближе и взял ее за руку. Девушка содрогнулась, словно прикосновение испугало ее, но руки не отняла.

— Мне как-то надо вас называть, — мягко произнес Лефевр. — Сегодня день поминовения святой Алиты, провозвестницы рождения Богоматери. Как вам имя Алита?

Девушка глубоко и прерывисто вздохнула и утвердительно качнула головой. Лефевр довольно улыбнулся.

— Хорошо, Алита. Меня зовут Огюст-Эжен Лефевр. Добро пожаловать в Сузу.

— Моя мать родилась в Советском Союзе. Вы ведь тоже оттуда?

Телятина давно была съедена, вино выпито, и дворецкий, разведя огонь в камине, отправился отдыхать, а Лефевр и Алита сидели в креслах, смотрели на языки пламени, лижущие дрова, и негромко разговаривали.

— Советского Союза больше нет, — сказала Алита, глядя на огонь. Страдание, которое, казалось, было намертво впечатано в ее лицо, медленно утекало прочь, и Лефевр был этому искренне рад. — Теперь есть Россия.

— А Ленинград? — с надеждой спросил Лефевр. — Ленинград есть?

Девушка кивнула.

— Есть. Я там была пару раз.

Заветная коробочка разинула пасть на полу возле кресла. Протянув руку, Лефевр вытащил рисунок со всадником на вздыбленном коне и передал Алите. Та несколько минут рассматривала рисунок, а потом сказала:

— Это ваша мама нарисовала?

— Да, она, — Лефевр вспомнил, как мать сидела у окна в компании с листком бумаги и ящичком акварели, и на белой глади возникали дома, дворцы, удивительные животные. — Она была очень талантливой художницей. Вот, посмотрите. Это мой отец. А это Бригитта, моя сестра.

Алита с уважительной осторожностью приняла листки с портретами и несколько минут пристально рассматривала отца и сестру Лефевра. Мать сумела изобразить их с невероятной точностью, и отец получился не вечным угрюмым сухарем, а искренним и любящим человеком, а Бригитта на рисунке была почти красивой. Должно быть, кистью матери

двигала любовь к мужу и дочери, и она нарисовала их настоящими, такими, какими их видела любящая душа...

— Очень красиво, — сказала Алита, возвращая листки. — А где они сейчас?

Лефевр вздохнул.

— Бригитта умерла шесть лет назад, — сказал он. Алита смотрела на него с неприкрытым сочувствием, и Лефевр продолжал: — Отец обожал ее, и смерть Бригитты его подкосила. В общем, я уже довольно давно живу один.

— Простите меня, Огюст-Эжен, — промолвила Алита. — Я не знала. Простите.

Весь ее облик сейчас выражал искреннее сострадание. Лефевр вдруг подумал, что на него никто и никогда не смотрел так, как эта девушка. Должно быть, все дело было в том, что они оба утратили все, что любили и чем дорожили.

— Ничего, — сказал Лефевр, отводя взгляд. Он снова поймал себя на том, что слишком пристально рассматривал свою гостью: такой пронизывающий интерес был абсолютно недопустим в благородном обществе. — Знаете, моя мать тоже не помнила своего настоящего имени. Всю жизнь до Сузы помнила, а имя нет. Должно быть, в этом ключ к вашему возвращению домой.

Алита вдруг поежилась и отодвинулась в дальний угол кресла, словно Лефевр умудрился сказать ей какую-то гадость. «Неужели она не хочет вернуться?» — с изумлением подумал он, и тут Алита тихо, но очень отчетливо промолвила:

— Видите ли, Огюст-Эжен, я не могу вернуться. Меня там убьют.

На протяжении всей своей семейной жизни Соня совершала главную ошибку всех женщин, которые живут с психопатами: она искренне верила, что если Никитос поймет, как сильно ее задевает его поведение, то он опомнится и станет тем хорошим парнем, которого Соня безоглядно полюбила еще в институте. Она считала, что если сумеет лучше объяснить, что именно не так, то Никитос больше не будет гневаться и злиться на пустом месте, все осознает, и их семейная жизнь снова будет тихой, мирной и спокойной. Но чем больше Соня делилась с мужем своими мыслями и планами, тем сильнее Никитос принимался критиковать и осуждать. Чем больше Соня говорила о своих надеждах и страхах, рассчитывая на понимание и близость, тем холоднее и отстраненнее становился муж. Их жизнь была настолько закрученным парадоксом, что Соня иногда начинала сомневаться в своей нормальности.

Но в один прекрасный день все вроде бы наладилось. Никитос перестал цепляться к Соне по мелочам, прекратил язвительно подмечать ее недостатки и больше не играл в молчанку, заставляя супругу мучительно перебирать реальные и выдуманные беды, чтобы она догадалась, в чем провинилась на этот раз. Соня ликовала. Она порхала по дому, готовила любимые блюда Никитоса, а он ел без всякой критики и заявлений, что мама готовит лучше, и даже секс, который давным-давно превратился из науки страсти нежной в супружеский долг, стал приносить ей удовольствие. Это были какие-то очень светлые и очень легкие дни; потом, сидя в клетке человеческого цирка, Соня вспоминала их и думала, что Никитос все прекрасно продумал, распланировал и реализовал.

Они пошли в книжный магазин на встречу с Винокуровым, знаменитым писателем-фантастом. Его цикл «Хроники Сааты» недавно был экранизирован, и фанаты просто бились в истерике в ожидании очередной серии обожаемого сериала. Никитос был в восторге от «Хроник Сааты», прочитал все книги и фанфики, не пропустил ни одной серии и

подписался на добрую сотню групп в соцсетях, так или иначе касавшихся любимого шоу. Лучшим персонажем он считал Аврелия, боевого мага — суровый, жесткий и непреклонный убийца с уродливым лицом пугал Соню до дрожи, и она, вынужденная смотреть сериал в компании с Никитосом, невольно сжимала руки в кулаки. Никитос смеялся над ней и говорил:

— Ты ничего не понимаешь, обезьяна. Вот настоящий мужчина.

Соня терпеть не могла, когда муж называл ее обезьяной, но никакие просьбы не в силах были заставить Никитоса прекратить обзывания. Обычно он притихал на пару дней, а потом «обезьяна» снова всплывала в речи, причем с обвинениями, что у Сони нет чувства юмора.

Винокуров был безобразно толстым, безвкусно одетым дядькой под шестьдесят, не имевшим даже малейшего сходства со своими накачанными героями, которые словно вышли из спортзала минуту назад. Никитос жадно ловил каждое слово кумира, а Соня едва сдерживала зевок. Чтобы скоротать время, она рассматривала книги на полках магазина и думала о том, какие люди их написали. Похожи ли они на Винокурова?

Встреча длилась два с половиной часа, вопросы фанатов никак не иссякали, и в конце концов Соне банально захотелось в туалет. Она шепнула Никитосу о том, что выйдет, выскользнула из книжного и потом, покинув дамскую комнату, постояла на маленькой обзорной площадке: огромный торговый центр бурлил перед ней деловитым муравейником, люди спускались и поднимались на эскалаторах, прозрачные лифты скользили вверх-вниз... Почему-то Соне стало грустно. Она подумала, что этот ее уход из книжного Никитос не оставит незамеченным и скажет что-нибудь вроде: «Опять ты мной недовольна. Начни уже работать над собой, чтобы я изменился».

Из магазина повалили возбужденные фанаты, сжимая в руках книги с автографом кумира. Никитос тоже принес такую книгу — первое издание «Хроник Сааты», имевшее в их семье статус культового предмета. «Наверняка сейчас ломится за подписью», — подумала Соня и вошла в магазин.

К ее удивлению, почти все поклонники Винокурова разошлись. Продавщицы убрали стулья, негромко разговаривая о том, что все книги Винокурова раскуплены и надо делать дозаказ. Никитос, стоявший возле стола писателя, махнул рукой; Соня подошла к нему, и Никитос произнес:

— Вот, Владимир Андреевич. Моя жена. Предмет нашей беседы.

— Здравствуйте, — улыбнулась Соня. Винокуров смерил ее цепким изучающим взглядом и аккуратно свинтил колпачок с дорогой ручки. Почему-то Соню стало знобить.

— Хорошо, Никита, — сказал Винокуров и, придвинув к себе книгу, принесенную Никитосом, открыл ее и бегло написал на форзаце, вслух диктуя самому себе: — Итак. «Дорогой Сонечке... на добрую память».

А потом неожиданно стало очень тихо и темно — Соня рухнула в сырой бездонный колодец, и последним, что она увидела, была сытая ухмылка Никитоса, будто он хотел сказать «Прощай, обезьяна».

— Подождите, как вы сказали? Винокуров? — Алита кивнула, и Лефевр горько рассмеялся. — Он отправил сюда мою мать. Точно так же, оставив автограф с ее именем. И она, как и вы, навсегда забыла, как ее зовут.

Лицо Алиты дрогнуло, и по щеке сбежала слезинка. Лефевр печально подумал о том, что довелось вытерпеть несчастной девушке — негодяй заставил ее страдать в родном мире, а здесь она попала в человеческий цирк, и ее мучения стали во много раз больше. Лефевр

решил, что, пожалуй, никогда не станет спрашивать ее о том, что случилось после того, как Алита попала в Сузу. Лучше сделать вид, что ничего этого не было.

— Давайте посидим еще немного, Огюст-Эжен, — попросила Алита, глядя на мелкие язычки огня, перебегавшие по поленьям в камине. — Мне страшно идти спать. Вдруг, когда я проснусь, снова будет клетка. Или Никитос...

— Не думайте о нем больше, — посоветовал Лефевр. — Этот подлец больше не причинит вам зла.

Когда Алита рассказывала о своем муже, Лефевр невольно вспомнил историю своего неудавшегося брака. Десять лет назад он посватался к дочери своего тогдашнего начальника, господина Кьежу. Трезвый расчет и зов плоти убедили его не зариться на красавиц — Кати Кьежу была старой девой, угрюмой и невзрачной, и Лефевр был уверен, что она согласится. Господин Кьежу был на седьмом небе от счастья: невероятное здравомыслие говорило, что деньги Лефевра делают его исключительным красавцем. У денег вообще очень много волшебных свойств. Но Кати воспротивилась, сказав, что отец может ее выпороть, но она не станет женой Страховида. Отец выпорол — он был уверен, что розги очень хорошо проясняют разум, однако Кати осталась непреклонной и заявила, что бросится в реку сразу же после первой супружеской ночи. Узнав об этом, Лефевр предпочел откланяться, к глубокому неудовольствию несостоявшегося тестя: тот уже распланировал, куда будет тратить деньги зятя. Кстати говоря, Кати после этого довольно быстро вышла замуж за Пиетро де Баска, избалованного наследника одного из столичных банкиров. Брак оказался откровенно неудачным. Господин Кьежу мрачнел день ото дня — довольно скоро всем стало известно, что де Баска поколачивает новоиспеченную супругу. Лефевр несколько раз встречал Пиетро в борделе, и очень скоро по столице пошли слухи о том, что он притащил супруге какой-то весьма специфический букет заболеваний. Одним словом, Лефевр вполне мог злорадствовать — но язвительная радость при несчастье других не была свойственна его натуре.

— Знаете, когда вы рассказывали о вашем муже, я подумал, что у меня есть похожий на него знакомый, — задумчиво произнес Лефевр. — Мерзавцы одинаковы во всех мирах. А этот Винокуров... вот кого бы мне доставить в допросную и побеседовать.

— В допросную? — едва слышно переспросила Алита. На ее внезапно побледневшем лице отчетливо проступил страх. Лефевр отвел взгляд и ответил:

— Я инквизитор первого ранга. В мои обязанности входит поиск и уничтожение злонамеренных колдунов. Готов поклясться, что Винокуров самый страшный из них.

Алита молчала. Даже в полумраке кабинета было заметно, что ее знобит от нахлынувшего ужаса. «Неудивительно, — с грустью подумал Лефевр. — Попасть из клетки в инквизиторские лапы — считай, что из беды в горе». Девушка помолчала, а потом промолвила:

— В цирке меня выставляли как ведьму... Что вы собираетесь со мной сделать?

Лефевр пожал плечами. Надо было сказать что-нибудь успокаивающее и желательно с максимально мягкими интонациями — так утешают детей и животных. Он улыбнулся, стараясь не думать о том, насколько отталкивающей стала его физиономия с такой улыбкой, и сказал:

— Вы не ведьма, Алита. Вы несчастная скиталица между мирами. Я уже сказал, что вы в гостях у друга, и это действительно так.

Во взгляде девушки он прочел искреннюю признательность и облегчение. Лефевр вдруг

подумал, что никогда и никому не даст ее в обиду. Просто потому, что она посмотрела на него так, как никто и никогда не смотрел до этого.

— А что я собираюсь с вами сделать... — он прищурился и продолжал: — Сейчас предложу вам отправиться спать. Полагаю, у вас был трудный день. Впереди у нас три дня праздников, и завтра мы займемся речевой магией.

Алита вопросительно изогнула левую бровь.

— Речевой магией? Как это?

— Очень просто, — улыбнулся Лефевр. — Новый тип заклинаний, недавняя разработка нашей разведки. Вы ведь не собираетесь говорить в Сузе по-русски?

Глава 2. Артефакт

Проснувшись, как всегда, до восхода солнца, Лефевр решил, что Алита ему просто-напросто приснилась. Он слишком много времени потратил, высматривая карие глаза у всех, кого встречал на пути, чтобы понять: вряд ли в столице появится еще одна гостья из иного мира, тем более, землячка его матери. Это было нереально. Некоторое время Лефевр лежал в постели, глядя в потолок, на почти неразличимую фреску, слушая, как за окном шуршит дождь, и прикидывая дела на сегодня. В полдень в кафедральном соборе всех святых начиналась месса во славу Рождества святой Агнес, и Лефевр не собирался опаздывать: инквизиторам не положено пропускать службу. После мессы можно было зайти в один из многочисленных ресторанчиков в центре города, пообедать и полистать свежую газету: Лефевр любил сидеть где-нибудь в углу возле окна, читать последние новости и сплетни и наблюдать, как кругом бурлит пестрая столичная жизнь. Остаток дня можно было провести в доме терпимости — Рождество святой Агнес, в отличие от многих других праздников, не накладывало ограничений плоти. Обычно Лефевр выбирал самых дорогих и красивых шлюх. Ему нравилось наблюдать, как сквозь профессиональную страсть на лицах фееподобных девушек проступает отвращение.

Поднявшись, Лефевр подошел к окну и долго смотрел, как просыпается город. По мостовой бежали ручьи — свет фонарей превращал дождевые потоки в бурлящее золото; в домах горели редкие огни, горожане еще спали, но приказчики магазинов уже поднимали жалюзи витрин и принимались раскладывать на прилавках свежие товары. Извозчик, стоявший под фонарем, хлестнул унылую мокрую лошадку и покатил в сторону депо: его смена закончилась, и, похоже, за ночь он почти ничего не заработал. Лефевр отошел от окна и потянул за веревку колокольчика, подавая знак дворецкому.

Через десять минут Бланк постучал в дверь и, дождавшись разрешения войти, заглянул в спальню.

— Доброе утро, милорд, — сказал он и отдал поклон. — Ванна готова. Миледи Алита проснулась два часа назад.

Лефевр чуть не споткнулся на ровном месте. Миледи Алита. Значит, это был не сон, и рыжеволосая девушка действительно появилась в его доме. Лефевр ощутил невольное прикосновение живительной радости — Алита была тут, он спас ее из клетки цирка, и она его не боялась. Что ж, это было замечательно. Насвистывая какой-то незатейливый мотивчик, Лефевр отправился приводить себя в порядок: день обещал многое.

Когда он, по обыкновению тщательно выбритый и одетый с иголки, спустился в столовую, то Луиз, накрывавшая на стол, сделала быстрый реверанс и затараторила:

— Миледи Алита сейчас спустится. Она такая бледная, сколько же пришлось пережить ей, бедняжке! Амина сказала, что Бланк ей сказал, что миледи едва спаслась от этих южных еретиков, буквально из-под ножа выскочила! Спасла святая Агнес, не иначе. И все молчит, бедная. Так жалко ее, ведь сердце разрывается, как подумаешь, что...

Болтовня не мешала Луиз идеально сервировать завтрак: фарфоровые тарелки с зерновыми хлопьями, аккуратные стопки блинов на подносе, хрустальные креманки с желе и джемом, блюдца с изящно нарезанными ломтиками фруктов — и все это было выстроено на белоснежной скатерти с таким изяществом, что и королеву не стыдно пригласить.

— Я не отрезаю тебе язык только за отличную работу, Луиз, — сказал Лефевр,

усаживаясь за стол. Луиз запнулась на полуслове, прижала ладонь ко рту в жесте покорности и, поправив вазу с белыми орхидеями, убежала на кухню. Лефевр невольно похвалил себя за вчерашнюю выдумку. Работа в разведке инквизиции была отличным прикрытием для человека из ниоткуда.

Послышались легкие шаги, и в столовую вошла Алита. Она действительно была бледной, но сегодня на ее лице почти не было следов страха и затравленности. Девушке удалось отдохнуть, и спокойный сон в чистой постели помог ей хотя бы немного прийти в себя. Сегодня ее глаза блестели, словно Алита выпила бокал вина, уголки губ едва заметно приподнимались в улыбке, а старое платье Бригитты, голубое с отделкой браменским кружевом, превращало девушку в первую красавицу столицы. Алита действительно была красива — в очередной раз признав это, Лефевр ощутил укол неожиданной тоски.

— Доброе утро, Алита, — улыбнулся он, поднявшись со стула. Девушка подошла к нему и, взяв за руку, неожиданно всхлипнула и уткнулась лбом в плечо, как вчера, в экипаже, когда слышала родную речь.

— Спасибо, Огюст-Эжен, — разобрал Лефевр ее сбивчивый шепот. — Спасибо вам. Я только сейчас поняла...

— Все хорошо, — промолвил Лефевр, осторожно направляя Алиту к стулу. Когда она села за стол и, шмыгнув носом, взяла салфетку, Лефевр заботливо погладил ее по плечу и сказал, усевшись на свое место: — Нас сегодня ждет много дел, так что предлагаю позавтракать, как следует. Обычно Бланк прислуживает мне за столом, но сегодня я решил, что нам лучше побыть без посторонних.

Несколько минут они молчали: каша и блинчики сегодня были особенно вкусными. Алита ела с завидным аппетитом; Лефевр задумчиво смотрел на нее и размышлял о том, что нужно сохранять здравомыслие и крайнюю трезвость ума, чтобы не принять благодарность за любовь. Наконец, после того, как был выпит кофе со сливками, сваренный по особому семейному рецепту, Алита спросила:

— Так что там с речевой магией?

— Строго секретная совместная разработка инквизиции и разведки, — сообщил Лефевр. — Это особые чары, которые объединяют разумы двух людей и позволяют передать речевые конструкции и вокабуляр, — он помедлил, решив, что напрасно говорит слишком заумно. Все-таки не в суде. — Одним словом, если вы готовы, то мы можем начать.

Алита как-то нервно улыбнулась и сказала:

— А разве вам можно использовать магию? Простите, я не совсем поняла...

— Ничего страшного, — улыбнулся Лефевр. Поднявшись из-за стола, он протянул Длите руку, и они пошли в сторону его кабинета. — Видите ли, в магии как таковой нет ничего противозаконного. Господь сотворил магию и дал людям для того, чтобы они делали свою жизнь легче и лучше. Но вот когда волшебство ставят на службу силам тьмы, используют с дурными целями, то появляется злонамеренное колдовство, с которым и борется инквизиция. Поверьте, в том, чем мы собираемся заняться, нет ничего предосудительного.

Заперев дверь кабинета изнутри, Лефевр подвел Алиту к окну и некоторое время пристально всматривался в ее глаза. Карие с прозеленью, наивные, широко распахнутые, смотревшие на него со страхом и надеждой; подавив внутреннее волнение, Лефевр произнес:

— Постарайтесь расслабиться. Больно не будет, уверяю.

Он не до конца понимал, как работает эта методика, но, в конце концов, иногда бывает достаточно знать основные принципы, чтобы пользоваться той или иной идеей. Подняв руку к голове, Лефевр надавил пальцами на висок и, отведя руку в сторону, увидел, как за ней потянулась длинная сверкающая прядь, энергетический канатик, который должен был соединить их разумы. Алита потрясенно ахнула.

— Не шевелитесь, — предупредил Лефевр и осторожно прикоснулся к виску девушки. Та вздрогнула всем телом и попыталась отпрянуть в сторону, но канатик надежно прилепился к ее виску, и Алита покачнулась и оперлась на подоконник. Лефевр поддержал ее, не позволяя упасть, и шепнул на ухо:

— Тихо, тихо. Полдела сделано. Надо немного потерпеть, самую малость.

Когда заклинание начало действовать, Лефевр ощутил колючую головную боль: она возилась и скреблась под черепом, словно мелкий свирепый еж. Глаза Алиты закатились, и она, пробормотав что-то неразборчивое, обмякла в руках Лефевра — он и сам едва удержался на ногах. На какое-то мгновение очертания кабинета расплылись и растаяли, и он увидел большую комнату, заставленную книжными шкапами и полками, стол, за которым сидел толстый старик совершенно отвратительного вида и раскрытую книгу перед ним. Он расчехлил темное перо и, придвинув к себе книгу, проговорил:

— Итак. Дорогой Со... На добрую память.

Боль стала настолько невыносимой и жгучей, что Лефевр едва не завыл. Тряхнув головой, он закусил губу и крепче стиснул руки, не позволяя Длите упасть. Видение растаяло бесследно: они снова были в его кабинете, Алита все еще была без чувств, а ее глаза судорожно металась под веками, словно девушка видела страшный сон. Лефевр резко втянул носом воздух и запрокинул голову назад — это испытанное средство всегда помогало, вот и теперь он окончательно пришел в себя и увидел, как канатик, прежде сверкающий и золотой, сейчас наливаются зловещим темно-красным свечением, словно по нему текла кровь. Лефевр обрадовался: все шло правильно. Алита вздрогнула, один из гребней вывалился из прически, и волнистые рыжие пряди упали на плечо. «А ведь в прежние времена ее сожгли бы,

— подумал Лефевр. — Просто за красоту и цвет волос».

Он ведь почти разобрал ее имя. Солия, Сокия... Девушка прерывисто вздохнула, и канатик растаял с легким хлопком. Обряд завершился; вздохнув с облегчением, Лефевр осторожно опустил девушку в свое кресло и мягко похлопал по щекам.

— Алита, — негромко позвал он и сказал по-валеатски: — Алита, вы меня слышите? Веки девушки дрогнули, и она откликнулась:

— Да. Да, слышу... Что-то меня тошнит.

Лефевр рассмеялся: Алита ответила ему по-валеатски и без малейших следов акцента.

— Это сейчас пройдет, — радостно сказал он и, выдвинув один из ящиков стола, достал шкатулку, содержимое которой составляли пузырьки из темного стекла. Открыв самый маленький, Лефевр поднес его к носу Алиты, и ей хватило одного вдоха, чтобы прийти в себя, зажмуриться и воскликнуть:

— Гадость какая!

Лефевр снова улыбнулся. Он давно не чувствовал себя таким счастливым и таким... живым, что ли.

— У нас все получилось, — сказал он. — Мои поздравления, Алита, вы прекрасно говорите по-валеатски.

Девушка с сомнением во взгляде посмотрела на него и спросила:

— Точно? — и осеклась, поняв, что говорит не по-русски. На мгновение она замерла, словно вслушивалась в слова, звучавшие в ее голове, а потом на ее лице расцвела удивительная улыбка: мягкая и немного смущенная. Лефевр поймал себя на том, что тоже чувствует непривычную робость, и, чтобы сменить тему, сказал:

— Алита, во время ритуала я заглянул в ваше прошлое, — девушка изумленно посмотрела на него, и Лефевр продолжал: — В момент вашей встречи с Винокуровым в магазине. Я видел, как он подписывал книгу и почти рассмотрел ваше имя.

Радость покинула лицо Алиты. Она поднялась с кресла и, подойдя к окну, с задумчивой печалью уставилась вниз, на шумную праздничную улицу. По мостовой шли гуляющие, коробейники предлагали засахаренные фрукты и кульки с цукатами, возле магазинов размахивали флажками зазывалы.

— Если вы назовете его, — промолвила Алита, — я попаду обратно?

Лефевр пожал плечами. Он вдруг понял, что его гостя испытывает не грусть, а самый настоящий страх — ей одновременно хочется вернуться домой и остаться здесь. Дома ее ждал муж: если Никитос додумался до того, чтобы выкинуть опостылевшую жену в другой мир, то страшно представить, что еще он может выкинуть, если Алита вернется.

— Я не знаю, — признался Лефевр. Приблизившись к Алите он дотронулся было до ее локтя, словно хотел успокоить и утешить, но тотчас же опустил руку. — Если хотите, то могу назвать то, что мне удалось рассмотреть.

— Ничего не помню, — призналась Алита. — Я же вижу перед собой эту надпись в книге. А имени не могу разобрать...

Она обернулась и посмотрела на Лефевра так, что он почувствовал невольную дрожь.

— Назовите, — сказала Алита, и Лефевр вдруг понял, где видел такое выражение лица, как у нее: у колдунов, идущих на казнь, понимающих, что ничего уже не исправить, и готовых принять свою судьбу. — Назовите его, Огюст-Эжен, и будь, что будет.

— Там было написано «Дорогой Солие», — промолвил Лефевр. — Или «Дорогой Сокие». Я не уверен точно.

Он был готов ко всему — например, к тому, что Алиту подхватит черный смерч и унесет прочь, или же она просто растворится в воздухе: только что была тут, а теперь исчезла. Но ничего не произошло. Алита по-прежнему стояла возле окна, только теперь обреченность и горе стремительно покидали ее лицо.

— Значит, это не те имена, — сказала она с явным облегчением. — Должно быть, вы не рассмотрели надпись четко потому, что я ее не помню.

— Может быть, — ободряюще улыбнулся Лефевр. Ощущение было таким, словно с плеч свалился мешок, набитый здоровенными булыжниками. — Но знаете, что самое интересное? Перо этого мерзавца Винокурова. Это артефакт, причем очень сильный. И артефакт из нашего мира — я различил несколько несомненных деталей.

— Что же нам делать? — спросила Алита, и Лефевр отметил для себя это «нам».

— Я сегодня съезжу в гости к старому знакомому, — ответил он. — Бьорн Гундеготт, профессор кафедры артефакторики. Думаю, он даст ответы на мои вопросы. Видите ли, Алита, — Лефевр взял девушку за руку, и она не вздрогнула и не отстранилась. — Неизвестно, сколько еще человек Винокуров выкинет из вашего мира. Он негодяй, и я должен его остановить.

— Это ваша работа, — вздохнула Алита. Лефевр кивнул.

— Да. Служить людям, защищать слабых и преследовать зло везде и всюду, — произнес

он. — А Винокуров зло. И я его достану.

Алита не пошла на мессу: Лефевр решил, что пока ей лучше посидеть дома. Бланк, выслушивая распоряжения хозяина, заметил, что для молодой леди можно вызвать куафера и портного — благородной даме все-таки не пристало носить старые, да еще и чужие вещи. Лефевр согласился: обновки и прическа наверняка порадуют Алиту, а он очень любил делать подарки. Правда, в последнее время дарить их было почти некому...

Народу в кафедральный собор набилось столько, что Лефевр едва смог пробраться к скамьям, зарезервированным для инквизиции. Гербрэнд Гуле, его коллега и давний приятель, подвинулся, освобождая место, и поинтересовался:

— Говорят, у тебя личная жизнь налаживается?

Лефевр завел глаза. Гуле был хорошим человеком, но обожал слухи и сплетни. Иногда казалось, что он знает о каком-нибудь щекотливом событии за полчаса до того, как оно произойдет.

— Ты о чем? — ответил Лефевр вопросом на вопрос, попутно решив, что вся прислуга сегодня получит выволочку. Гуле посмотрел на него чуть ли не обиженно: мол, скрываешь, а я-то думал, что мы друзья и братья по оружию.

— О рыжеволосой миледи, конечно, — заговорщицки промолвил он.

— Это мой агент, — сухо сказал Лефевр. — Помнишь дело Ятти Яаппи?

Гуле прищурился.

— Это когда в страну ввозили наркотики с югов под видом пряностей? — уточнил он.

— И маскировали заклинанием Тени?

Лефевр кивнул.

— Совершенно верно. Миледи Алита была моим внедренным агентом. Схизматики вычислили ее и приговорили к смерти, она бежала, долго скрывалась и только вчера смогла выйти со мной на связь, — Гуле слушал с приоткрытым от удивления ртом, и Лефевр добавил: — Представь себе, она пересекла границу в клетке человеческого цирка.

Гуле уважительно покачал головой.

— Иногда ты меня просто потрясаешь, Огюст-Эжен, — признался он. — А я-то уж был решил, что скоро мы всем отделом будем есть салаты на твоей свадьбе.

Лефевр натянуто улыбнулся и решил сменить тему.

— Кстати, что ты знаешь о Ползучих артефактах? — спросил он. Гуле, несколько лет сотрудничавший с кафедрой артефакторики, знал о магических предметах если не все, то очень многое. Возможно, и в университет не придется ехать. Приятель пожал плечами.

— Ну, во множественность обитаемых миров ты веришь... — задумчиво произнес он. Лефевр кивнул, и Гуле продолжал: — Ползучие артефакты способны перемещаться между мирами. Есть мнение, что, попадая в иной мир, они во много раз усиливают свои свойства. Но это, как ты сам понимаешь, исключительно философское утверждение. В университете есть несколько предметов с довольно специфическими свойствами, но, конечно, никто тебе не скажет наверняка, есть ли другие миры или нет. И действительно ли эти предметы там побывали. А кстати, с какой целью интерес?

— Мне скинули дело Мороженщика, — сказал Лефевр. — У меня есть подозрение, что он использует нечто вроде Ползучего артефакта.

Священник, облаченный в белое с алым одеяние, вышел из алтарной части храма. Служки несли за ним жертвенных животных и фрукты. Люди, собравшиеся в соборе, встали и склонили головы в знаке смирения перед волей Небес.

— Чувствую, что Мороженщику не поздоровится, — негромко проговорил Гуле. Лефевр усмехнулся, чувствуя, как презрительно каменеет лицо.

— Не поздоровится, — откликнулся он. — Это уж точно.

Алита и подумать не могла, чем закончится ее желание просто прогуляться по улице. До сих пор она успела познакомиться только с крошечным уголком столицы и решила не терять времени даром, тем более, что приглашенный парикмахер подстриг и уложил ее волосы по здешней моде, а портной, сняв мерки, что-то прикинул по записям в крошечном блокноте и сказал:

— В моей мастерской есть прекрасное готовое платье по меркам миледи. Если желаете, я принесу.

Конечно, благородные сузианки дождались бы портного с платьем, сидя в собственной гостиной, но Длите показалось неприличным гонять человека туда- сюда, и она отправилась с ним в мастерскую, откуда вышла через полчаса уже в новом наряде — восхитительном светло-зеленом платье с такой богатой вышивкой и отделкой, что Алита невольно почувствовала себя принцессой. В прежней жизни она предпочитала джинсы и кроссовки, но сейчас, когда корсет плавно обнимал тело, мягко приподнимая грудь и придавая осанке истинно дворянскую горделивость, Алита не просто шла, а плыла по мостовой, и губы сами собой изгибались в улыбке: эх, увидел бы ее Никитос — точно бы язык проглотил и подавился своей любимой «обезьяной».

Мысль о бывшем муже не испортила ей настроения, тем более, что день выдался пусть и пасмурным, но теплым, а архитектура города оказалась очень интересной — так что Алита чувствовала значительный душевный подъем, любясь стройными силуэтами дворцов и особняков, останавливаясь возле клумб с пышными осенними цветами и рассматривая афиши на пузатых тумбах. Спустя пару часов она почувствовала легкую усталость и, прикинув обратный маршрут, решила возвращаться в дом Огюста-Эжена. Он, вероятно, уже вернулся с мессы и с кафедры артефакторики. Думая о своем новом друге, Алита не могла не улыбаться от счастья — Огюст-Эжен, судя по всему, был очень хорошим человеком. Напрасно его называют Страховидом: во время ритуала речевой магии Алита поймала обрывок воспоминаний инквизитора — крошечный кусочек прошлого, в котором была какая-то привычная грусть, понимание, что всем понравиться невозможно, и обреченность на одиночество. Вопреки стереотипам Огюст-Эжен не озлобился: он просто принял свою судьбу и стал жить дальше — Алита не могла не уважать такой подход к жизни. Впрочем, она не считала инквизитора ни страшным, ни уродливым — его внутренняя сила была отличным заменителем внешней привлекательности: жаль только, что остальные не хотели этого понимать. Но у жителей Сузы, насколько Алита успела разобраться, был натуральный культ внешней привлекательности: гуляя по столице, девушка насчитала около пятидесяти магазинов модной одежды, а уж парикмахерских и комнат красоты вообще было понатыкано на каждом углу.

Задумавшись, Алита не заметила, как случайно наткнулась на молодого мужчину, выходящего из дверей цирюльни и благоухавшего парфюмерией на всю улицу. Мужчина был, по меньшей мере, принцем: во всяком случае, он раскричался так, словно Алита не просто нечаянно наступила ему на башмак из синей замши, а переехала его в экипаже, причем несколько раз.

— Простите меня, милорд, — она обворожительно улыбнулась, стараясь свести все не к обиде, а к легкому недоразумению. — Уверяю вас, я не нарочно.

— Под ноги смотри, животное! — рывкнул на нее щеголь. Кругом уже начал собираться народ: скандал привлек внимание гуляющих, и они поспешили посмотреть, в чем дело. — Тончайшая замша, пошито на заказ самим Витуаром Монтенем, а ты истоптала все своими копытами, дрянь!

Алита почувствовала, как щеки заливают горячей краской стыда и обиды. Не потому, что фронт орал на нее — потому что он был похож на Никитоса. Муж точно так же раздувал скандал на пустом месте, Алита была виновата во всем: в плохой погоде, в скачках валют, в пылинках на подоконнике, и, если она пыталась извиниться и оправдываться, то скандал разгорался с новой силой. Это было настолько горько и обидно, что Алита ощутила резкую боль в груди: там словно взбух тяжелый нарост, в котором таилось нечто, рвущееся на поверхность.

Оно действительно вырвалось: Алита увидела алую вспышку, а скандалящий фронт на мгновение захлебнулся воплями и рухнул на мостовую, схватившись за горло. Толпа замерла, а потом люди разразились испуганными и нервными криками, и кто-то схватил Алиту за руку, призывая полицию и инквизицию.

— Ведьма! — орала тоненькая леди эфемерной, почти ангельской красоты. Ее крики больше подошли бы торговке овощами. — Ведьма! Злонамеренная ведьма!

— Ведьма!

— Держите ее!

Ноги подкосились, и Алита свалилась на мостовую. Вопли зевак на мгновение усилились, а потом растаяли, и стало темно.

— Нежные какие ведьмы пошли, — сказал мужской голос, спокойный и холодный. От слов веяло стылостью прожекторской и январским морозом. — Прибила человека и свалилась.

Рука, затянута в гладкую перчатку, поплыла от груди к животу и ниже. Алита вдруг поняла, что холодный голос говорит о ней, и чужая рука по-хозяйски оглаживает ее тело. Это было настолько гадко и отвратительно, что Алита дернулась в сторону и тотчас же закричала от боли, пронзившей запястья.

— Не так быстро, дорогуша, — хохотнул второй. — А то покалечишься до начала потехи.

Тьма перед Алитой рассеялась, открыв небольшой ярко освещенный зал и двоих молодых мужчин в темно-серых форменных сюртуках с белыми шнурами на груди. В такую же форму был одет Огюст-Эжен, только шнур у него был один, золотой. Переведя взгляд в сторону и вверх, Алита увидела, что ее руки пристегнуты к каким-то деревянным перекладинам. Липкий мерзкий страх, зародившийся в груди, стал расти и крепнуть. Помещение было слишком похоже на пыточную, а эти двое в форме — на тех, кто не церемонится с попавшими к ним в руки.

— А она крепкая, — обладатель холодного голоса, тощий и бледный тип с неприятным цепким взглядом, деловито похлопал Алиту по бедру. «Я голая вишу на дыбе, — подумала она. — И меня собираются допрашивать и пытаться. Либо насиловать и пытаться. Ничего хорошего».

— Ну еще бы, — второй, светловолосый крепыш, сунул перо в чернильницу и поднялся из-за стола. — Хороший нам подарочек к празднику, правда? Ведьма, да злонамеренная, да еще и хорошенькая. Скоротаем дежурство, да?

Алита прикрыла глаза, стараясь совладать с собой. В памяти всплыл орущий фронт на

мостовой — если она действительно каким-то образом убила его, то дела очень плохи. Тут никто не станет проявлять доброту и понимание к злонамеренным ведьмам. Впрочем, один вариант все же был.

— Руки убери, урод, — процедила Алита, презрительно глядя поверх голов инквизиторов. Первый, который по-прежнему водил ладонью по ее бедру, посмотрел на Алиту так, словно с ним заговорило животное. — Руки убери и отвяжи меня. Я из ваших. Работаю со Страховидом Лефевром. Так что отвяжи меня и принеси мои шмотки. Холодно тут.

Светловолосый ухмыльнулся и покачал головой. Похоже, слова Алиты не произвели на него никакого впечатления — в отличие от его коллеги, на лице которого проступило сомнение.

— Да мы с товарищем не брезгливые, — спокойно сказал он. — Под кем ты там валяешься, нам без разницы. А вот за грубость... За грубость надо отвечать, — и он хлестнул Алиту по щеке, сильно и резко, так, что она отшатнулась, ударилась головой о деревяшку дыбы и обмякла, бессильно повиснув на оковах. Сквозь волну вязкой беспомощности, охватившую тело, Алита почувствовала, как светловолосый с каким-то привычным спокойствием патологоанатома скользнул ладонью по ее лобку и вниз и резким отработанным движением запустил пальцы внутрь. Алита взвизгнула и снова рванулась в сторону и получила еще одну пощечину.

— Ну, виргинального состояния и в помине нет, — прокомментировал светловолосый, отводя руку. — Собственно, неудивительно. А поэтому...

— А поэтому вы сейчас снимаете ее с дыбы, — прозвучал в допросной новый голос. Вскинув голову, Алита увидела, что на пороге стоит Огюст-Эжен собственной персоной, и его вид не сулит коллегам ничего хорошего. Он смерил присутствующих презрительным взглядом и рявкнул: — Быстро, мать вашу!

Недавние истязатели кинулись к дыбе, и через несколько минут Алита уже сидела на низенькой скамье, подобрав колени к животу и прикрыв грудь руками. Лефевр прошел к столу и, взяв исписанные листки, пробежался по ним взглядом. Незадачливая парочка вытянулась во фронт поодаль: по их побледневшим лицам было件нятно, что их не ждет ничего хорошего.

— Она сказала, что является сотрудником инквизиции? — Лефевр говорил спокойно, но Алита чувствовала тяжелую волну его внутренней ярости, медленно катившуюся по допросной.

— Да, говорила, что работает с вами, — хмуро признался светловолосый. Лефевр развернулся от стола и посмотрел на него так, что белесый истязатель явно собрался сбежать застирать портки.

— И?

— Ну вы же не говорили, что она с вами работает, — подал голос второй инквизитор. Ноздри Лефевра дрогнули.

— Не понял, — с обманчивой мягкостью сказал он. — Я должен перед вами отчитываться? Она просто оглушила этого придурка и правильно сделала. Будет знать, как себя вести. В конце концов, по протоколу это просто устное разъяснение на месте, не более того.

Инквизиторы дружно опустили взгляд в пол. Если бы они могли, то наверняка растаяли бы в воздухе. Шмыгнув носом и смахнув со щеки слезинку, Алита притянула к себе ворох

своей одежды и принялась одеваться. Ее знобило, и она по-прежнему чувствовала в себе чужие пальцы. Это было невыносимо. За время, проведенное в зоопарке, она успела смириться с тем, что ее личные границы может нарушить любой, что у нее нет прав даже на собственное тело, но вот надо же — расслабилась, размякла, поверила, что все будет хорошо, и жизнь тотчас же снова сбросила ее в грязь.

Платье застегивалось на спине. Еще один повод ощутить себя полностью беспомощной.

— Пошли вон, — произнес Лефевр так, что Алиту стало знобить еще сильнее. Инквизиторы покинули пыточную практически на первой космической скорости: только что были тут — и уже нету. Только дверь хлопнула.

Лефевр подошел к Алите и принялся застегивать крючки платья. Алита стояла неподвижно, чувствуя себя сломанной марионеткой в руках кукольника. Осторожные прикосновения заставляли Алиту задерживать дыхание от непонятого тянущего чувства, наполнявшего грудь.

— Я очень испугался за вас, — признался Лефевр. — Как вы себя чувствуете?

Его забота казалась совершенно искренней, но Алита ощущала, как между ними возникает стена, мешающая поверить в эту искренность. Потому что она до сих пор чувствовала чужие прикосновения на своей коже. Служить людям, защищать слабых, преследовать зло — что ж, она на собственном опыте убедилась, как именно здешние инквизиторы делают свою работу. Интересно, сколько ни в чем не повинных женщин Лефевр пропустил через эту пыточную, собственноручно проверяя их виргинальное состояние? И что он делал с ними после этого? Многим ли удалось уцелеть?

Негодяи не всегда выглядят таковыми. Никитос тоже поначалу создавал впечатление приличного человека.

— Неважно, — выдохнула Алита и сделала несколько шагов в сторону, не оглядываясь на Лефевра. — Спасибо за все, что вы для меня сделали, Огюст-Эжен. Прощайте.

— Подождите, — Лефевр придержал ее за руку и встревоженно произнес: — Я никуда вас не отпущу в таком состоянии.

От нарастающей боли в груди Алите хотелось кричать. Она попробовала вырвать руку, но проще было бы освободиться из капкана. Лефевр развернул ее к себе, и Алита, взглянув в его лицо, поняла, что он растерян. Причем окончательно растерян.

— По крайней мере, объясните, — негромко сказал он.

— Вы инквизитор, — выдавила Алита. Боль в груди подступала к горлу, стискивала его жгучими пальцами, и слова превращались в предсмертный хрип. — А методы работы инквизиции я только что испытала на своей шкуре. Я признательна вам за помощь и всегда буду благодарна за то, что вы для меня сделали... Но вы такой же, как и эти уроды. Профессия обязывает.

Пальцы Лефевра разжались, и он опустил руку. Несколько мгновений Алита стояла молча, не в силах взглянуть ему в лицо, а потом сказала:

— Прощайте, — и пошла к выходу.

Она не видела, куда идет, и не понимала, что происходит вокруг. Голову наполнял странный шум, и Алите казалось, что она вот-вот упадет где-нибудь. Она прекрасно понимала, что вырвалась в новую жизнь, не имея ни документов, ни денег, что сама отказалась от единственного человека в Сузе, который был к ней добр, что... Выйдя из здания инквизиции, Алита долго шла по темнеющим улицам вечернего города,

расцветающим огнями фонарей и реклам, и ей было все равно, куда она идет. Она не испытывала ничего, кроме горечи и ненависти к себе и своему телу. Ничего больше.

Потом она пришла в себя — сознание прояснилось, и Алита обнаружила, что сидит на лавочке возле входа в маленький парк, а напротив веселый круглый фонарь над гостеприимно распахнутыми дверями особняка освещает большой плакат. Изящные буквы с легким наклоном извещали о том, что «Дому мадам Бьотта требуица прикащица». Вздохнув и мысленно исправив орфографические ошибки, Алита поднялась со скамьи и направилась к особняку.

Глава 3. Дом мадам Бьотта

— Ах, — тяжело вздохнула пышнотелая дама, затянутая в корсет на три размера меньше, чем надо, выбираясь из-за стойки возле входа. — Ох... Кофе меня погубит, а не пить не могу. Тут без кофе Господу душу отдашь. Я мадам Бьотта, милочка. Что ты хотела?

— Меня зовут Алита Росса. Я по объявлению, — сказала Алита. — По поводу приказчицы.

Мадам Бьотта просияла и едва не кинулась к Длите с объятиями. Одна из многочисленных дверей, выходящих в длинный слабо освещенный коридор, открылась, из комнаты вышла темнокожая девушка, всю одежду которой составляли папильотки в кудрявых волосах, и спросила:

— Жерар не появлялся?

— Нет, — ответила мадам Бьотта. — Вот видишь, Анзуна, не даром я ходила на мессу! Святая Агнес услышала мои молитвы. Хоть и невинная дева, а понимает людские слабости.

Анзуна вопросительно изогнула бровь. Левый сосок девицы украшало золотое кольцо с подвешенным колокольчиком, маленькая лампа на стене бросала медовые блики света на круто изогнутые бедра; Алита смущенно отвела взгляд. Похоже, она попала в веселое заведение.

— Что, новая приказчица? — Анзуна одарила Алиту белозубой улыбкой. — Миледи, с Жерара берите только золото. С купюрами у него сложные отношения, он их сам рисует.

Мадам Бьотта замахала на девицу пухлыми ручками.

— Иди, иди! Напугаешь миледи! — томно улыбнувшись, Анзуна скрылась в комнате, и мадам, указав на высокий стул рядом со стойкой, сказала: — Присаживайся, дорогая. Ты умеешь читать и писать?

— Конечно, — промолвила Алита, опустившись на стул. — Иначе как бы я поняла, что написано в объявлении?

— Верно, верно, — закивала мадам. Откуда-то из-под стойки она вынула белую фарфоровую чашку и пузатый кофейник. — Угощайся, милая. Кофе варить умеешь?

Алита кивнула. В свое время Никитос обучил ее пяти способам варки кофе — кто б мог подумать, что это умение пригодится ей в другом мире?

— В чем будет работа? — спросила Алита, сделав маленький глоток из чашки. Кофе был идеальным: не слишком крепкий, не слишком сладкий.

— Организация, — мадам плавно провела рукой по воздуху, — всего этого. Прием гостей, заказ спиртного и закусок. За горничными следить, а то мерзавки стали лениться в последнее время. В первый день новой недели приходит врач — за ним тоже надо смотреть. Его работа проверять девочек, а не спать с ними. Да! Ты ни с кем не спишь. Ты не проститутка, а наполовину хозяйка. Ну то есть, спишь с теми, кто тебе понравится. Выбираешь сама.

Алита внутренне рассмеялась. Да, карьера в публичном доме — достойное завершение пути на новой родине. Впрочем, терять ей нечего. Бордель все-таки лучше, чем клетка, дыба и тюрьма. А с каторгой и эшафотом вообще никакого сравнения.

— У меня была работа, похожая на эту, — сказала Алита. После института она смогла устроиться только офис-менеджером и в агентстве недвижимости была, что называется, и швец, и жнец, и на дуде игрец: она сидела на телефоне, размещала объявления на сайте,

закупала товары для офиса, встречала посетителей и выполняла еще добрый десяток дел. — Думаю, я справлюсь.

— Вот и замечательно! — воскликнула мадам Бьотта. — А где ты работала?

— Наша контора занималась продажей домов, — с достоинством ответила Алита, и мадам Бьотта уважительно покачала головой. Похоже, Алита вознеслась для нее на недостижимую высоту.

— Документы есть? — спросила мадам. Алита отрицательно покачала головой, но мадам только рукой махнула.

— Ладно, не беда, — сказала она. — Сейчас придет господин Бурджани, решим вопрос... — кто-то остановился у входа, соскребая грязь с обуви о специальный металлический выступ у дверей, и мадам Бьотта, высунувшись из-за стойки, сказала: — А, вот и он.

В дом вошел высокий, богато одетый мужчина — немолодой, суровый, с осанкой крупного чиновника. Раскланявшись с мадам Бьотта и пристально взглянув на Алиту, он мгновенно определил ее место в иерархии заведения и, отдав поклон, прикоснулся к правому виску — насколько успела понять Алита, это был знак уважения.

— Познакомьтесь, дорогой друг, — сказала мадам. — Миледи Алита Росса, наша новая управляющая. Дорогая Алита, это господин Максим Бурджани, председатель Верховного суда.

Алита улыбнулась и промолвила:

— Встреча с вами — искренняя честь для меня, милорд, — оставалось только надеяться, что в рамках местного этикета такого приветствия достаточно. Бурджани посмотрел на нее с непритворным уважением и теплой симпатией.

— Очень рад, миледи Алита, — произнес он. — Уверен, наша с вами встреча перерастет в крепкую дружбу.

— Увы, — с неподдельной горечью сказала мадам Бьотта, — у миледи случилась беда. Какой-то подлец вырвал у нее на улице сумочку с документами.

Алита сокрушенно кивнула: дескать, да, такая вот неприятность. Однако Бурджани беззаботно махнул рукой.

— Это не беда и даже не мелкая проблема, — сказал он. — Завтра же я пришлю секретаря с новыми документами для миледи Алиты. Право, такие мелочи не стоят переживаний. Бьянка уже готова?

— Разумеется, дорогой друг, ждет с нетерпением, — улыбнулась мадам, и Бурджани, еще раз раскланявшись с дамами, покинул прихожую и, пройдя в конец коридора, скрылся в одной из комнат. Через несколько минут служанка понесла туда поднос с бутылкой вина и бокалами. Мадам Бьотта усмехнулась.

— Обожает порку, — сообщила она. — Бьянка прекрасно управляется с плеткой, раскладывает его на лавке каждый день.

Алита понимающе покачала головой: да, это бывает. Вещи, которые для Сузы были непристойными и бесстыдными, пока не шокировали ее: Алита ходила с мужем на «Пятьдесят оттенков серого». Мадам Бьотта очень внимательно и оценивающе посмотрела на нее и произнесла:

— Хотела бы я знать, кто ты такая на самом деле, — Алита вопросительно взглянула на мадам, и та продолжала: — У тебя осанка и манеры аристократки. Но благородные дамы не работают. В тебе есть внутренняя свобода. Любая дворянка была бы шокирована

привычками господина верховного судьи, а ты и бровью не повела. Кто же ты?

Алита усмехнулась и ответила абсолютно честно:

— Я ведьма из иного мира.

К ее удивлению мадам Бьотта понимающе кивнула:

— О да, это многое объясняет.

Маленькая смуглая служанка проводила Алиту в комнату на втором этаже: здесь новой приказчице предстояло жить. Алита осмотрелась: мебель выглядела дорогой, широкая кровать оказалась мягкой, в серванте обнаружилась тарелка с закусками и бутылка вина, а за неприметной дверью Алина увидела самый настоящий санузел с небольшой ванной и унитазом — это было лучше всего. После сегодняшнего дня ей больше всего хотелось вымыться.

Едва Алита включила воду и стала набирать ванну, как в дверь постучали, и вошла другая девушка, такая же низкорослая и смуглая, как и первая. Она принесла ворох одежды и белья — мадам Бьотта расстаралась, на глаз прикинув размеры и послав служанку в ближайший магазин. Алита сердечно поблагодарила служанку и, когда та сделала реверанс и вышла, сказала себе, что жизнь налаживается. После ванны Алита надела свежую сорочку и, поужинав холодной ветчиной из серванта, подумала, что пока все не так плохо. Перед тем, как она легла в постель и провалилась в сон, ей вспомнился Огюст-Эжен, и Алите пришло в голову, что она могла глубоко его оскорбить. Но сон упал на нее тяжелым пуховым одеялом, и размышления оборвались.

Наутро, после скромного завтрака, поданного в комнату, мадам Бьотта пригласила Алиту в зал для приемов — знакомить с обитателями дома. Девушки, сонные, растрепанные, развалившиеся на диванах и в креслах по-простому, в одних сорочках и панталонах, приветствовали Алиту вполне доброжелательно. Служанки, оценив новую приказчицу, сделали реверансы, и мадам Бьотта, отправив их делать уборку, покинула зал, сказав:

— Ну, поговорите, дорогие, сойдитесь друг с другом получше.

— Вам не о чем беспокоиться, миледи Алита, — сказала Анзуна. Небрежно раскинувшись в глубоком кресле, она ела из коробочки рахат-лукум, и следы сахарной пудры на лице были похожи на боевую раскраску. — Девицы у нас приличные, стекло друг другу в туфли не сыплют. Господа приходят из самого высшего общества. Все очень чинно и благородно.

Чернокожая Анзуна, судя по всему, пользовалась значительным авторитетом среди работниц борделя — ее слушали молча и не перебивая.

— Чинно-то чинно, — заметила тоненькая блондинка, одаренная какой-то изумительной холодной красотой. — А мерзавец Скавальдо подсунул мне фальшивый бриллиант. Ну не урод? Я ему этот бриллиант так засуну, никакой доктор не вытащит.

Девушки обменялись сочувственными репликами.

— Говорят, у Скавальдо плохи дела, — подала голос точеная брюнеточка, лакомившаяся виноградом. — Попал между розой и мимозой. А говорили ему, не надо разводить лекарства! Так ведь нет...

— Между розой и мимозой? — удивилась Алита. — Это как?

Девушки добродушно рассмеялись.

— А, это наш внутренний жаргон, миледи, не удивляйтесь, — объяснила брюнеточка, отправив в рот очередную виноградину. — Ничего, скоро будете понимать все наши разговоры с полуслова. А между розой и мимозой — это вот так.

И, широко разведя ноги, она продемонстрировала и розу, и мимозу через широкий разрез в панталонах. Алита почувствовала, как к щекам прилила краска.

— Да, чего-то в этом роде я и ожидала, — призналась она. — Что еще мне нужно узнать?

— Андра обязательно будет к вам клеиться, — сказала Анзуна, облизывая пальцы. — Такой длиннобудый, костлявый. Вы в его вкусе.

— И гоните его к бисовой матери! — посоветовала коротко подстриженная девочка, больше похожая на нескладного мальчишку. — Он жмот. И кончить не может.

— А вот его высочество Рекиген — прекрасный кавалер, — сообщила брюнеточка с виноградом. — И щедрый, и веселый, и... — она сделала тот жест, каким рыбаки показывают пойманную рыбу: размеры впечатляли. Вздохнув, девица с сожалением промолвила: — Только он нечасто захаживает. Кстати, вино для него можно разбавлять, он в винах плохо разбирается. Казалось бы, такой титул, а вот на тебе.

— Ой, еще же Энильм! — вспомнила блондинка, обиженная фальшивым бриллиантом. — Девки, что расскажу! Потеха! Он в прошлый раз с приятелем пришел, они с друг друга всю ночь не слазили, а я смотрела. Сижу, глаза слипаются, а Энильм, главное дело, все время зыркает, смотрю ли я. Ну ладно, зато заплатили щедро.

— Не слезали, деревня, — лениво поправила Анзуна. Блондинка скорчила ей недовольную рожицу, и Анзуна продолжала: — А Линделик, председатель Первого столичного?

Девушки издали дружное язвительное восклицание.

— Клянусь святой Агнес, он попросит вас на нем покататься! — промолвила пухленькая черноволосая девица, сидевшая в дальнем углу зала. — Любит лошадку изображать.

Алита прижала ладони к щекам. Она никогда прежде не чувствовала такого смущения и такой неловкости.

— Право, мне уже не по себе, — призналась она. Девушки посмотрели на нее с дружелюбием и душевным теплом, словно Алита им очень понравилась.

— Как вы-то к нам попали? — с доброжелательным сочувствием спросила брюнетка с виноградом. — Сразу видно, не нашего полета вы птица.

Несколько минут Алита молчала, пытаясь собрать удобоваримую историю из всего, что приключилось с ней в Сузе. Наконец, она сказала:

— Мой муж лишил меня рассудка злонамеренным заклинанием, чтобы жениться на другой. Продал меня в человеческий зоопарк. Там я сидела в клетке. Без разума, без понимания... Потом мне стало лучше, и я смогла сбежать, добралась до друзей, но они сказали, что мне лучше скрыться — если мой муж узнает, что я жива, он не оставит попыток расквитаться. Так я и оказалась в доме мадам Бьотта. По счастью, ей требовалась приказчица.

— Господи, бедняжка! Каков подлец! Жену родную в клетку! — заговорили девушки. Алита поняла, что ей поверили, смахнула с нижнего века невидимую слезинку и вздохнула с видом полного принятия своей судьбы: вот так, мол, все и вышло. Анзуна вскинула тонкую руку, казалось, выточенную из черного блестящего дерева, и, дождавшись полной тишины, сказала:

— Теперь вы среди друзей, миледи Алита. Уж тут-то вас никто не обидит. Алита опустила глаза. Только позавчера ей говорили то же самое.

Несмотря на опасения Алиты, работа оказалась не сложной — эта простота с лихвой искупалась тем, что работы всегда хватало. Неделя начиналась с приезда поставщиков еды и спиртного, и к этому моменту Алита должна была провести ревизию остатков и выдать новые заказы. Каждый день приходили прачки и швеи: для них надо было собрать вещи, нуждавшиеся в стирке и починке, и принять уже выстиранное и зашитое. Раз в неделю приходили мытари: Алита отсчитывала им налог с девушек; заявлялись бодрые ребята с масляными глазками из столичных служб быта — Алита выплачивала им деньги за обслуживание здания, воду и отопление. Однажды пришел немолодой господин в инквизиторской форме, и Алита, увидев его, едва не спряталась под стойку, но господин поинтересовался, есть ли среди сотрудниц ведьмы, попросил расписаться в тетради и был таков.

Это были обычные, бытовые дела. С двух часов дня, сразу после начала обеденного перерыва, начинали приходиться гости. Анзуна была права: это были сплошь респектабельные господа, уважаемые члены столичного общества и благородные отцы семейств. Среди них были председатели банков, чиновники городского управления, судьи, полицейские генералы; Алита, как и советовала мадам Бьотта, сумела завести с ними уважительную дружбу — посетители борделя относились к ней почтительно и практически не делали предложений провести время вместе. Алита же не испытывала к ним ничего, кроме брезгливого презрения. Кто бы мог подумать, что, допустим, господин Керьетт, известный столичный банкир, имевший репутацию прекрасного мужа и заботливого отца пятерых детей, имел склонность к некрофилии? Данута, постоянно принимавшая его, должна была перед приходом дорогого гостя четверть часа провести в ванне со льдом, чтобы потом лежать в постели холодной и неподвижной. Алита как-то поделилась своим презрением с мадам Бьотта, и та сочувствующе сказала:

— Это пройдет, моя милая. Видела бы ты, что творится в заведениях похуже. Бедность тамошних клиентов раздувает самые гадкие пороки.

Алита решила не уточнять, что конкретно мадам Бьотта имеет в виду.

На фоне затейливых предпочтений посетителей борделя увлечения принца Рекигена казались практически целомудренными. Он действительно был принцем, одним из семерых сыновей его величества Ахонсо, и предпочитал заниматься любовью с двумя девушками одновременно, только и всего. Фрейлины и благородные дамы считали его извращенцем, погрязшим в излишествах, но обитательницы дома мадам Бьотта обожали Рекигена: он приходил всегда веселый и хмельной, всегда приносил гостинцы, подарки и цветы и всегда думал не только о своем удовольствии, но и о том, чтобы его дамы не остались разочарованными.

Алита познакомилась с Рекигеном на пятый день своей работы: он ввалился в дом в сопровождении нескольких слуг, которые несли корзины с белыми орхидеями и лилиями, свертки со сладостями, ящики с вином и ворох пакетов, обвязанных золотыми ленточками. Обитательницы борделя высыпали в прихожую, и Алита, сидя за своей стойкой, провела скучные полчаса, наблюдая, как принц — высокий красавец с идеальной фигурой и чертами лица, словно вылепленными гениальным скульптором — целовался с девушками, щедро оделяя их комплиментами, цветами и свертками. Один из слуг, избавившись от своей ноши, подошел к стойке и протянул Алите стопку крупных купюр.

— Вы новая приказчица мадам? — спросил он и, дождавшись утвердительного кивка, сказал: — Его высочество пробудет всю ночь, отправляйте к нему свежую пару девушек

каждые два часа.

— Хорошо, — сказала Алита. Пересчитав деньги, она убрала их в металлический ящик, заперла замок и, вскинув голову, увидела, что принц смотрит ей прямо в глаза — причем с удивленным и немного глупым видом.

— Гасите ваши лампы, — глухо промолвил принц, и сейчас в нем не было ни следа недавнего бесшабашного веселья. — Взошло солнце.

Алита не то что бы смутилась: за неделю работы приказчицей она успела выслушать больше комплиментов, чем за всю свою прошлую жизнь, и все они были гораздо цветистее, чем слова принца. Но сейчас, глядя в его лицо — слишком смазливое, на ее вкус — Алита чувствовала странное стеснение.

— Солнце взошло еще с утра, — сказала Алита, — и село около часа назад. Рада познакомиться с вашим высочеством. Рассказы о вашей доброте и щедрости бегут впереди вас.

Кто-то из девушек торжествующе улыбнулся. Уже несколько дней обитательницы борделя делали ставки, стараясь угадать, кто из гостей уведет-таки с собой новую приказчицу. Во взгляде Рекигена мелькнуло что-то, глухой и дальний отблеск какой-то идеи; он покосился на девушек и отчетливо промолвил:

— Милые дамы, сегодня вам придется наслаждаться подарками без меня, — и добавил уже жестче: — Оставьте нас.

Алита никогда не видела, чтобы люди расходились настолько быстро. Когда через несколько мгновений коридор опустел — девушки разошлись по комнатам, а слуги принца вышли на улицу — Рекиген с достоинством поклонился Длите, прикоснулся к правому виску и произнес:

— Рекиген бин Альбоа Сузианский и Гилицмерский, к вашим услугам.

— Алита Росса, — ответила Алита. Титул его высочества не произвел на нее впечатления. Алита предвидела, что будет дальше. Принц начнет соблазнять ее бриллиантами, титулами и особняками — она представила это и ощутила какую-то липкую скуку.

Хлопнула дверь, и в коридор вышла мадам Бьотта — разумеется, девушки уже успели ей рассказать, что приехал принц и положил глаз на приказчицу. Увидев хозяйку заведения, Рекиген развернулся к ней и с нарочито серьезным видом сообщил:

— Мадам Бьотта, здесь совершено преступление против короны. Миледи Алита похитила мое сердце и не хочет залечить рану, — мадам Бьотта притворно ахнула, приложив пухлую ручку к высокой груди, и принц продолжал: — Возможно, вы поможете мне спастись.

— Як вашим услугам, мой принц, — сказала мадам, усиленно делая Алите какие-то знаки бровями. Алита сделала вид, что не заметила. В ее планы не входила близость с его высочеством, ни сегодня, ни когда бы то ни было. После всего, что случилось в человеческом зоопарке и продолжилось в пыточной инквизиции, Алите меньше всего хотелось предаваться радостям плоти. И вообще, у нее много дел. Например, вот эти бумаги от поставщиков. Алита вынула их из-под стойки и сделала вид, что ужасно занята.

— Отпустите прекрасную миледи Алиту с работы на несколько часов, — попросил принц и, запустив руку во внутренний карман щегольского плаща, вынул пухлый бумажник и отсчитал на стойку добрый десяток крупных купюр. Глаза мадам Бьотта жадно засветились, а Рекиген продолжал: — Я бы хотел прогуляться с миледи по набережной, полюбоваться

красотами вечерней столицы.

— Прошу прощения, ваше высочество, — сказала Алита, не отрываясь от своих бумаг,

— но у меня много работы. И к тому же, у меня нет такой одежды, чтобы показываться в обществе с таким спутником.

Мадам Бьотта улыбнулась принцу и, цепко схватив Алиту за рукав, вывела ее из-за стойки. Рассыпавшись в извинениях, она прошла с Алитой к лестнице и негромко проговорила:

— Не упрямясь, что ты. Его это только раззадоривает. Съезди погуляй, подарочек выпроси, а потом скажи, что женская природа не позволяет близких свиданий еще пару дней. А там он или забудет, или его опять на воды отправят, лечиться от похоти.

Алита не могла не признать, что чисто по-житейски мадам Бьотта права. Что ж, если единственный способ отвадить принца — это пойти с ним на свидание, то, похоже, у Алиты нет другого выхода. Поблагодарив мадам за науку, Алита вернулась к стойке — Рекиген едва не пританцовывал там от нетерпения — и сказала:

— Я согласна, ваше высочество. Прогулка по набережной, не более.

Принц еще раз поклонился ей, прижав палец к виску.

— Как будет угодно миледи. Ваша воля для меня закон.

Мадам Бьотта сделала Алите очередной знак бровями и аккуратно прибрала деньги со стойки. Мысленно вздохнув, Алита пошла к выходу за принцем.

Осенний вечер был хмурым и холодным, накрапывал дождь, и Алина подумала, что ей не придется выдумывать какие-то особенные способы обвести принца вокруг пальца: она просто сляжет с ангиной, вот и все. Впрочем, Рекиген оказался не только хорош собой, но и догадлив — его экипаж остановился у ближайшего модного магазина, и приказчик, не переставая кланяться, встретил принца и Алиту возле входа, и через несколько мгновений вокруг девушки закрутился хоровод мехов, кожи и шелка. Спустя четверть часа на плечах Алиты красовалась длинная накидка из серебристого пушистого меха, сверкавшего в огнях ламп, а туфельки сменились изящными кожаными сапожками с меховой оторочкой. «Пожалуй, ангина откладывается», — подумала Алита, глядя в зеркало: там отражалась незнакомая ей девушка в мехах, шелке и бархате. Пожалуй, Никитос лишился бы дара речи, если бы увидел сейчас свою жену.

«Он мне больше не муж», — подумала Алита, и это понимание собственной свободы заставляло голову кружиться сильнее, чем от вина. Она избавилась от человека, который мучил ее, и получила возможность начать новую жизнь и не потеряться в ней. Алите стало легко: впервые за все время, проведенное в Сузе, она почувствовала себя живой.

Вечерняя набережная была восхитительной — белой, розовой, золотой акварелью, на которой мрамор ступеней и изящные завитки ограды казались прихотливой фигурной рамкой, оплетающей осенний вечер. Алита замерла у ограды, залюбовавшись огромной рекой и блестками света фонарей, плывущими по волнам, и пропустила тот момент, когда Рекиген, приобняв ее за плечи, приник к ее губам в поцелуе. Целовался принц очень порывисто и страстно, и Алита была вынуждена ответить ему взаимностью. Спустя несколько минут, показавшихся ей вечностью, принц оторвался от своей спутницы, перевел дыхание и изумленно покачал головой.

— Изумительно, — промолвил Рекиген. По его лицу было видно, что принц потрясен до глубины души. — Это просто изумительно!

— Что именно? — спросила Алита, на всякий случай, отстраняясь от кавалера.

— То, как вы целуетесь, — с прежней ошарашенностью произнес Рекиген. — Вы настоящая леди, но леди так не целуются.

«Малахольный какой-то», — подумала Алита и поинтересовалась:

— И как же целуются леди?

Рекиген отмахнулся.

— Как березовое полено, — сказал он, снова привлекая Алиту к себе. — Или как снулая рыбина. А вы...

Он не договорил. Алита откликнулась на его поцелуй, скептически размышляя о том, как именно может целоваться снулая рыбина. Вскоре Рекигену надоело обниматься на ветру, и он, с видимым сожалением оторвавшись от Алиты, промолвил:

— Поедьте обратно. Вы просто обязаны затушить мой огонь.

— Поедьте, — согласилась Алита. — Но простите, ваше высочество, моя женская природа сегодня не склонна к пожаротушению.

Рекиген вздохнул с искренним сожалением, и Алита вдруг подумала о том, как будет избавляться от настойчивого кавалера, если он предложит альтернативные способы.

— Но когда же? — спросил он. Алита вздохнула с облегчением и сказала:

— Через два дня.

На том и порешили. Принц доставил девушку обратно в дом мадам Бьотта и уехал, сказав, что два дня ожидания покажутся ему вечностью. Чего-то в этом роде Алита и ожидала, прекрасно понимая правоту мадам: Рекиген забудет о ней уже завтра утром, а там видно будет.

Мадам Бьотта, сидевшая за стойкой в компании неизменного кофейника и дамского романа в бумажной обертке, с видом знатока оценила подарки принца и заметила:

— Это ведь брунензинский лис. Редкий мех, очень дорогой. Вот видишь, моя наука пошла тебе на пользу.

Алита кивнула и искренне поблагодарила мадам за совет. Та взглянула на нее проницательно и понимающе.

— Я же вижу, как у тебя на душе, — сказала она, вынимая из-под стойки еще одну чашку. От кофе Алита не отказалась: ночь в борделе только начиналась, клиенты могут заявиться в любую минуту. — Натерпелась из-за любви, да?

— Натерпелась, — откликнулась Алита. Мадам Бьотта покачала головой.

— Страшное дело любовь, нет ее ужаснее... Ладно, дорогая, иди отдыхать. Посижу сегодня, вспомню былые деньки.

Поднимаясь по лестнице, Алита решила, что деньги принца явно повлияли на сговорчивость мадам.

Хотя мадам Бьотта прекрасно знала жизнь, в случае с Рекиненом она ошиблась. Когда на следующий день Алита разбирала почту, сидя за стойкой, в дом неожиданно вошли вчерашние спутники принца, нагруженные так, что их не было видно за тюками, свертками и корзинами цветов. Сбежавшиеся девушки принялись было разбирать подарки, но потом маленькая Герта прочла карточку на одной из коробок и воскликнула:

— Алита, это же все тебе! От Рекинена!

Девушки защебетали, залились смехом и кинулись обнимать Алиту и поздравлять ее с новым щедрым и внимательным поклонником. Она с удивлением отметила, что в обитательницах борделя нет и тени зависти к ее успеху — хотя она меньше всего мечтала о подобной победе... Поставив на стойку корзину с белыми орхидеями, Алита сказала:

— Девчата, заберите это все себе, кому что нравится. А мадам Бьотта — орехи в меду, она их любит.

Восторженные возгласы и радостный писк стали еще громче, и девушки бросились разбирать подарки. Алита вернулась за стойку и вдруг настороженно замерла: в прихожей появился новый запах — знакомый свежий аромат дорогих мужских духов. Она обернулась и замерла, словно дичь перед охотником.

В дверях стоял Лефевр.

— Добрый день, миледи, — холодно промолвил он. — Вижу, вы пользуетесь спросом.

Глава 4. Перо

Алита замерла за своей стойкой и не сводила с Лефевра испуганного взгляда затравленной жертвы перед охотником. Он вдруг поймал себя на мысли, что этот взгляд и эта поза — с прижатыми к груди руками — делают девушку невероятно хрупкой и притягательной.

— Добрый день, миледи, — произнес Лефевр, стараясь, чтобы бурливший в нем гнев не выплеснулся наружу. — Вижу, вы пользуетесь спросом.

Девушка посмотрела на него так яростно, что Лефевр ощутил ее взгляд как пощечину — крепкую, от всей души. Ее руки опустились и медленно сжались в кулаки, карие с прозеленью глаза сверкали — вид оскорбленной невинности шел Длите еще больше.

По коридору прокатился маленький смерч и замер возле стойки: мадам Бьотта, старая знакомая Лефевра и преданная информаторша инквизиции уже сорок лет как, выкатилась из своих апартаментов, привлеченная шумом и веселым щебетом девушек, разбиравших подарки. Увидев Лефевра, она подплыла к нему и, раскинув руки, заключила его в крепкие дружеские объятия.

— Ах, дорогой мой Огюст-Эжен! — воскликнула мадам. — Как же я рада вас видеть! Давненько, давненько вы к нам не заглядывали!

— Мадам Бьотта, мой ангел, — в тон ей откликнулся Лефевр. — Был крайне занят, теперь свободен. Отдадите мне эту обворожительную миледи на часок-другой?

— Я не работаю, — с холодом, достойным Снежной Царевны, промолвила Алита. Ее щеки залило стыдливым румянцем. Однако мадам Бьотта только рукой махнула.

— Иди, девочка моя, иди, — и, видя, что Алита едва не впивается ногтями в стойку, чтобы остаться на месте, мадам Бьотта просто взяла и вытолкала ее к Лефевру. — Иди, а я пока тут побуду, вспомню старые деньки... Анзуна! — окликнула она чернокожую девушку. — Это что, орехи в меду? А ну-ка дай сюда.

Алита испуганно озиралась по сторонам, прикидывая, как лучше удрать и за кого из обитательниц борделя спрятаться, но Лефевр подхватил ее под локоть и направился к лестнице — комната приказчицы была на втором этаже, в самом конце коридора. Кажется, девушка упиралась каблуками башмачков, пытаясь затормозить, а уж на втором этаже вцепилась в перила так, что Лефевр приложил определенные старания, чтобы оторвать ее. Когда они вошли в комнату, и Лефевр закрыл за собой дверь, на ключ и на заклинание, то Алита чуть ли не бегом кинулась к окну, подальше от Лефевра, и, развернувшись к незваному гостю, спросила:

— Что вы собираетесь делать?

Лефевр усмехнулся и, неторопливо расстегнув пуговицы сюртука, снял его и сбросил на стул. Теперь в глазах Алиты плавал такой ужас, словно он привел ее обратно в человеческий зоопарк и засунул в клетку.

— Как что? — холодно осведомился Лефевр, все с той же неспешностью расстегивая жилет. — То, за чем мужчины обычно ходят в бордель. Кстати, не советую убегать через окно. Внизу не мягкий газон, а булыжная мостовая.

Сняв жилет, он небрежным движением швырнул в сторону девушки заклинание, которое заставило ее платье рассыпаться по швам и соскользнуть на пол. Алита взвизгнула, подхватила один из убегающих кусочков и прижала к груди, но непослушная ткань

вывернулась из судорожно сжатой ладони, оставив бывшую хозяйку в сорочке, корсете и необычных коротких панталонах, открывавших ногу и бедро чуть ли не до талии. В голове некстати всплыла картинка: Алита в допросной, раскинутая на дыбе, с чужой рукой между ног — Лефевр прищурился, и видение исчезло.

— Прекрасно выглядите, миледи, — сухо заметил Лефевр, развязывая галстук. Упав на пол, он свернулся под стулом затаившейся змейкой. Пуговицы рубашки легко выпрыгивали из прорезей. Смущение, стыд, замешательство затопили лицо Алиты, заставив ее побледнеть. Должно быть, сейчас она понимала всю глубину оскорбления, которое нанесла Лефевру, поставив его на одну доску с теми идиотами. Он очень хотел, чтобы она поняла. — Да не стойте вы, как статуя, Алита. В борделе надо работать бодро, с огоньком. Конкуренция тут похлеще, чем на бирже.

Еще одно заклинание, щелчком пальцев отправленное к девушке, выбило из ее прически шпильки и гребни, и рыжие локоны рассыпались по плечам — теперь Алита была похожа на кающуюся грешницу. Лефевр приблизился к ней почти вплотную и уловил запах, который поднимался от ее кожи — сногшибательный коктейль легких духов вперемешку со страхом.

— Неужели вы собираетесь... — едва слышно промолвила Алита и не договорила до конца. Сейчас, стоя с ней рядом, Лефевр точно знал ответ: да, собирается, если она не поймет, в чем именно кроется проблема.

Теперь он видел себя словно со стороны. Его рука поднялась, и пальцы медленно прочертили мягкую линию по лицу Алиты, скользнув по шее к ключицам.

— Ну вы же ждете от меня именно этого, — негромко сказал Лефевр. — Я ведь урод и лицом, и душой, и делами. Может, мне начать соответствовать тому, что вы обо мне думаете? Что я изверг и подонок, у которого одна радость в жизни — мучить женщин?

Она ничего не успела ответить — Лефевр нагнулся к ее лицу и поцеловал: сперва легко, едва прикоснувшись, потом уже более напористо. Он и не ожидал, что губы девушки окажутся настолько мягкими и податливыми, а она сама — напряженной, почти окаменевшей. На какой-то миг Лефевра обожгло: сорвать с нее оставшиеся тряпки, вмять в постель, овладеть и присвоить навсегда, и гори оно все огнем, и будь, что будет — эта мысль была как удар кнута. Он ведь просто хотел преподать ей урок, а не надругаться. Алита зажмурилась. Теперь ее трясло, как в лихорадке, и это моментально отрезвило Лефевра. Он с грустью подумал, что раньше она не брезговала смотреть на него. Ее корсет расстегивался спереди: Лефевр неторопливо принялся вынимать серебряные крючки из петелек.

— Не надо бояться, Алита, — с нарочитой усталостью и равнодушием произнес он, снова чувствуя прилив возбуждения. — Для шлюхи мадам Бьотта вы слишком пугливы.

Атласная скорлупа корсета свалилась на ковер в тот же миг, когда Алита ударила его по щеке.

— Не смейте! — воскликнула она хриплым шепотом. По ее лицу пробежала сперва одна крупная слеза, потом вторая; Лефевр подумал, что сейчас у Алиты начнется истерика. — Не смейте, я не шлюха... Да как вы..!

Алита вскинула руку, чтобы ударить его еще раз: Лефевр перехватил тонкое запястье и, цинично улыбнувшись, произнес:

— Конечно, шлюха. Вы же работаете в борделе. А я изувер, живодер и насильник. Потому что работаю в инквизиции. Ведь так, по-вашему?

Алита замерла в его руках, и несколько мгновений оба стояли неподвижно.

— Вы не такой, — наконец, промолвила Алита.

— И вы не такая, — глухо сказал Лефевр, понимая, что девушку нужно выпустить — но ему хотелось продлить это странное объятие хотя бы на несколько мгновений.

— Я вас очень обидела тогда, Огюст-Эжен, — прошептала Алита. Теперь она смотрела ему в глаза, и в ее взгляде не было ни страха, ни брезгливости, лишь непритворное понимание и сожаление. — Если можете, то... простите меня. Я не должна была так поступать. И вы... вы не урод. Не говорите так.

Сейчас от девушки веяло тем непритворным живым теплом, которое Лефевр давно уже не искал в людях. «Не пытаться принимать благодарность и искренность за любовь», — напомнил он себе и отступил от Алиты.

— Здесь прохладно, — сказал он. — Наденьте что-нибудь, я не хочу, чтобы вы простудились.

Алита скользнула к шкафу с одеждой, а Лефевр опустился на кровать и принялся застегивать рубашку. В комнате действительно было свежо: должно быть, для того, чтобы девица и гость поспешили согреть друг друга в объятиях.

Или ему просто показалось?

— Отвернитесь, — попросила Алита. Лефевр мысленно усмехнулся: казалось бы, чего он там не видел? — но послушно отвернулся и несколько минут слушал шорох одежды и тихие сердитые восклицания Алиты, ругавшей все эти завязки и крючки. Наконец она отошла от шкафа, села рядом с Лефевром и сказала:

— Простите меня, Огюст-Эжен. Я вела себя, как идиотка.

— Да, я действительно был оскорблен до глубины души, — признался Лефевр. Алита шмыгнула носом: сейчас она в самом деле испытывала муки совести.

Острый язычок запонки никак не хотел пролезать в прорезь манжета. Алита протянула руку, забрала запонку и аккуратно застегнула ее. Лефевр благодарно кивнул. Было в этом что-то почти семейное — впрочем, он сразу же одернул себя, запретив так думать.

— Как вы меня нашли? — спросила Алита, взяв вторую запонку.

— Я отправил человека проследить за вами и мягко направить, куда нужно, — сказал Лефевр. — Случись что по дороге, он бы вас защитил. А когда вы попали сюда, я вздохнул с облегчением. Знаю мадам Бьотта уже больше двадцати лет, она ежедневно докладывала мне о том, как ваши дела, — он сделал паузу и добавил: — В городе беспокойно. Я ни за что не отпустил бы вас просто так, в никуда.

Алита хотела было спросить о чем-то, но осеклась и воскликнула:

— Что это? Вы ранены?

— Пустяки, не стоит, — произнес Лефевр, попробовав отстранить правую руку, но Алита уже успела завернуть его рукав и испуганно прикоснулась к потемневшей грубой коже на запястье, похожей на растрескавшийся драконий панцирь. Осторожное прикосновение отдалось болью до плеча; Лефевр криво улыбнулся и отвел руку.

— Что с вами, Огюст-Эжен? — спросила Алита с искренней заботой. — Вам больно?

— Это моя работа, — ответил он. — Собирайтесь, поедem отсюда. Вы нужны мне.

За недолгое время работы в борделе Алита успела обзавестись несколькими чемоданами одежды и подарков — внося в дом все это добро, Бланк улыбался, понимающе и довольно. Наверняка решил, что хозяин наконец-то устроился в жизни: добрый дворецкий всегда утверждал, что мужчина без второй половины обречен быть неприкаянным и никчемным, каких бы чинов и богатств не добился. «Рай лежит в ногах жены и матери», —

частенько повторял он поговорку родного Синегора, и, судя по тому, что его супруга сейчас вынашивала уже четвертого по счету ребенка, Бланк действительно нашел свой рай на земле.

Лефевр решил ничего не говорить по этому поводу. Пока Амина помогала его гостье переодеться к ужину — наверняка старалась выведать что-нибудь интересное, чем потом можно будет поделиться с товарками на кухне — Лефевр отправился в свой кабинет, где уже накрыли ужин, и, вынув из ящика стола серебряный контейнер, раскрыл его и несколько минут рассматривал пышное лебединое перо с металлическим наконечником. Перо было прижато скобами с нанесенными на них древними рунами: это сдерживало Ползучий артефакт, не позволяя ему ни скрыться, ни причинить вред.

Обожженное запястье снова заныло. Лефевр закрыл контейнер и обернулся к дверям: на пороге кабинета стояла Алита, и он подумал, что дней, проведенных без нее, словно бы и не было.

— Как вы, Алита? — спросил он. Девушка пожала плечами и смущенно улыбнулась.

— Знаете, это, конечно, прозвучит странно, — призналась она. — Но я как будто вернулась домой.

Лефевр понимающе кивнул, чувствуя, как, несмотря на все его внутренние границы, которые он старательно воздвиг между собой и этой девушкой, в груди разливается тепло.

— Оставайтесь, сколько захотите, — промолвил он и тотчас же мысленно одернул себя. Впрочем, Алита приняла его слова за простую вежливость. Закрыв дверь и пройдя к столу, она требовательно взяла Лефевра за правую руку и почти приказала:

— Покажите еще раз ваш ожог, Огюст-Эжен. У меня есть очень смутное подозрение, что я уже где-то с таким сталкивалась.

— Вы не могли его видеть, — сказал Лефевр, вынимая запонку и закатывая рукав до локтя. — Такие ожоги оставляют только Ползучие артефакты.

— Я и не говорю, что видела его, — Алита осторожно взяла Лефевра за руку и легко, едва касаясь кончиками пальцев, дотронулась до изуродованной кожи, стараясь не причинить боли. Ожог тянулся до самого плеча, переходя на спину: когда артефакт ударил, Лефевра пронзило такой болью, что он испугался, что его парализует — мир взорвался перед глазами и рассыпался дождем искр. К счастью, обошлось. Профессор с кафедры артефакторики сказал, что ожог окончательно рассосется через пару лет; Лефевр подумал, что при его уродстве это не так страшно.

— Изымали незаконные артефакты у одного умника, — произнес Лефевр. Прикосновения, даже такие осторожные и бережные, причиняли ему боль, но он не хотел, чтобы Алита останавливалась. — Слишком ловкий торговец антиквариатом продавал обеспеченным клиентам еще и артефакты. Среди них оказался и Ползучий...

Алита нахмурилась. Выпустила его руку.

— Ползучий — это как? — спросила она. Лефевр опустил рукав и застегнул: на этот раз помощи с запонкой не потребовалось.

— Ползучие артефакты способны менять местоположение, — объяснил он, усаживаясь за стол. Бутылка вина была вынута из самых дальних, особых запасов, которые начал собирать еще прадед. Бланк расстарался: похоже, действительно был рад за хозяина. — Сегодня они тут, а завтра там. Мой коллега Гербрэнд Гуле говорит, что Ползучие артефакты способны перемещаться не только в пределах нашего мира.

Алита задумчиво потерла кончик носа и залпом осушила свой бокал. «Однако лихо», —

подумал Лефевр. Несколько минут девушка молчала, не обращая внимания на аппетитный кусок курицы с пряностями и овощами, а затем все с той же задумчивостью сказала:

— А знаете, что это, Огюст-Эжен? У вас Драконья проказа. Ожог идет по всей руке, на плечо и на спину, так?

Лефевр пораженно посмотрел на нее и кивнул.

— Видите ли, Никитос был фанатом Винокурова. Все его книги перечитал и меня заставил, — продолжала Алита. — Так вот, там несколько раз упоминается наследственная болезнь, которой поражаются драконоборцы. Проказа никак не проявляется до тех пор, пока ее не разбудит прикосновение чистого зла.

Она умолкла и некоторое время сидела неподвижно, собираясь с мыслями. Лефевр не торопил ее — размышлял над услышанным, механически разминая вилкой ломтик тушеного картофеля. Наконец, Алита заговорила снова:

— Винокуров описывает след Драконьей проказы очень подробно. Загрубевшая кожа темнеет, покрывается коркой и трескается. След становится похож на кожу дракона...

Лефевр отложил вилку и, поднявшись, протянул Алите руку.

— Отложим ужин на четверть часа, — сказал он. — Пойдемте, покажу вам кое-что.

Лампы Парадного зала горели всегда, вне зависимости от того, был ли кто-то в помещении или нет. Войдя в зал вслед за Лефевром, Алита изумленно ахнула: обстановка безусловно производила впечатление. Девушка, как замороженная, пошла вдоль стены, рассматривая портреты предков Лефевра, наградное оружие в специальных стеклянных ларцах, ордена и медали на темно-красных бархатных подушечках. В ее спокойном уважении было нечто благоговейное; несколько минут Лефевр наблюдал за ней, а потом произнес:

— Взгляните вон туда. Прямо перед вами.

Алита подошла к огромному торжественному полотну, заключенному в золотую раму, и спросила:

— Это герб вашего рода?

— Совершенно верно, — промолвил Лефевр. Встав рядом с Алитой, он сказал: — Был дан моему предку, Ансельму Лефевру, лично императором Максимилианом. Взгляните, щит держат орел и лев. Императорские животные.

Девушка сосредоточенно кивнула. Сейчас она казалась ученицей, внимательно слушающей наставника.

— Тысячу лет назад, — продолжал Лефевр, — столицу осадил дракон. Как положено драконам, произвел страшные разрушения и перебил всех рыцарей и солдат. Когда стало ясно, что страна вот-вот падет, и дракон воцарится на золотом троне, император Максимилиан воззвал к жителям Сузы с просьбой выступить против чудовища. Отозвался только Ансельм по прозвищу Быкобор. И он зарубил дракона своей секирой. Государь немедленно сделал Ансельма дворянином и даровал ему этот герб. Ее величество вышивала герб собственноручно. Корона — это знак спасения отечества. Дракон и секира — ну это и есть дракон и секира. Вечная память о подвиге. Быкобор на старовалеатском наречии — Ле Фро. Но император сделал Ансельма Драконобором — Ле Февром, — сделав паузу, Лефевр посмотрел на Алиту и сказал: — Надеюсь, я не утомил вас своим рассказом.

— Ну что вы, Огюст-Эжен, — улыбнулась Алита. — Это ведь история вашей семьи. Мне было интересно. Значит, вы драконоборец.

— Не только я, — Лефевр подал Длите руку, и они неторопливо двинулись к выходу из

зала. Надо было все-таки отдать должное ужину, пока курятина не остыла окончательно. — Дракоборцами называют тех, кто сражается со злом во всех его проявлениях. Понятное дело, что Ползучие артефакты в первую очередь поражают их.

Алита кивнула.

— Удивительно другое, — сказала она. — То, откуда Винокуров знает об этом.

— Это как раз и неудивительно, — промолвил Лефевр, когда они вернулись в кабинет и сели за остывший ужин. — Его перо является артефактом, и если он сумел его раздобыть, то наверняка знает о нашем мире очень и очень многое. Теперь я еще сильнее хочу остановить его.

Курица, пусть и едва теплая, все равно была вкусной. Лефевр подумал, что надо сделать комплимент поварихе: сегодня она превзошла саму себя. Должно быть, от всей души стремилась понравиться новой госпоже.

— Знаете, что, Алита, — озарение, коснувшееся Лефевра, было совершенно неожиданным и полностью переключило его мысли с размышлений о том, чего не может быть. — Давайте попробуем сейчас провести один ритуал. Я проникну в ваш разум, а вы дадите мне все воспоминания о Винокурове. Я ведь должен знать, как работать со всем этим дальше.

Девушка кивнула, не задумываясь.

— Разумеется, я согласна. Что именно мне надо делать?

— Лечь на диван, — сказал Лефевр и поспешно добавил: — Могу не удержать вас, не хочу, чтоб вы упали.

В быстром взгляде, брошенном Алитой исподлобья, за сердитостью было еще что-то — Лефевр так и не понял, что именно.

Он отодвинул столик с опустевшей посудой, и Алита опустилась на диван. Свет маленькой лампы делал девушку похожей на золотую статую: сверкающие мазки шафранной краски разбегались по рыжим волосам, скользили по коже, даже глаза из карих стали медовыми, как старое золото. Лефевр встал на колени перед диваном и сказал:

— Просто вспоминайте все, связанное с его книгами. Хорошо?

Алита кивнула, и Лефевр осторожно протянул к ее виску энергетический канатик из своей головы. На какое-то мгновение его накрыла волна жгучего стыда, словно он собирался сделать что-то очень недостойное, и сияющая голубизна канатика помутнела. Алита закрыла глаза и промолвила:

— Уже можно вспоминать?

— Да, — откликнулся Лефевр. Сознание раздвоилось: он одновременно видел Алиту на диване и себя, склонившегося над ней. Но потом кабинет медленно отодвинулся куда-то во тьму, и Лефевр увидел книгу в мягком переплете и строки, похожие на скопление насекомых.

«...Аврелий всегда считал окружающих чем-то вроде декораций, скоплением неодушевленных предметов. Его искренне поражало, когда декорации вдруг отказывались стоять на месте и заявляли о своих нуждах и желаниях. Им следовало подчиняться, только и всего...»

Маленькая рука резко захлопнула книгу и отложила на тумбочку.

— Как ты можешь это читать? — услышал Лефевр голос Алиты. — Этот Аврелий какой-то псих угашенный.

— Много бы ты понимала в книгах и героях, обезьяна, — в поле зрения появилось

холенное лицо светловолосого молодого человека. Лицо было искажено гримасой то ли презрения, то ли, прости Господи, страданий от застарелого геморроя. — Аврелий сверхчеловек. Его никто не понимает и не хочет понять. А он вынужден каждый день быть с такими, как ты.

Картинка медленно погасла. Когда недовольное лицо Никитоса окончательно растаяло, Алита негромко промолвила:

— Я другое вспомню, хорошо?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она словно просила прощения за то, что не хочет думать о человеке, который ее мучил. Рука Алиты соскользнула с дивана, и горячие пальцы нащупали и сжали ладонь Лефевра: так ребенок, боящийся чудовищ во тьме, хватается за взрослого.

— Вспоминайте, — глухо откликнулся Лефевр и тепло добавил: — Все хорошо, Алита, не бойтесь. Я с вами.

«...девушка лежала на пляже, почти у самой кромки воды. Волны накатывали на берег, и убегали, и накатывали снова; девушка не шевелилась. Мико смотрел на нее, такую неподвижную и холодную, такую мертвую, и больше не чувствовал того желания, которое еще недавно сводило пах сладкой судорогой. Девушка выполнила свое предназначение и стала тем, кем и была всегда, глупой куклой, не более того.

Мико перевел взгляд с обнаженной красавицы на панораму ночного города. Такой же глупый и незащитный, он лежал перед ним, как на ладони, и Мико мог сделать с ним все, что пожелает. Мог любоваться, мог иметь, мог сжать руку и раздавить. Ощущение собственного могущества снова принесло возбуждение. Тогда Мико наклонился над девушкой и, вынув из кармана сюртука листовку, пригвоздил ее маленьким ножом-когтем к остывающей груди. Он не видел надписи, извещающей о том, что в магазинчике Эрбруко на набережной вы всегда можете попробовать новые сорта мороженого, но прекрасно знал, что она там. Пошлая реклама, такая же гадкая и дрянная, как эта продажная баба и этот лживый город.

Ну ничего. Он еще все исправит. Придется потрудиться, но оно того стоит».

Лефевр буквально выбросил себя из сознания Алиты и несколько минут сидел на ковре, выравнивая дыхание и пытаясь как-то справиться с той бурей, которую вызвал в нем прочитанный отрывок. По лицу струился пот, а руки тряслись; посмотрев на Алиту, лежавшую на диване с закрытыми глазами, Лефевр на какое-то мгновение увидел ее глазами Мико — мертвую, оскверненную, с прибитой к груди листовкой, и ему показалось, что она и в самом деле умерла. Схватив Алиту за плечи, Лефевр несколько раз встряхнул ее и похлопал по щекам; когда девушка открыла глаза, он испытал такое облегчение, словно с плеч свалилась пресловутая гора.

— Что-то случилось? — испуганно спросила Алита. Лефевр попробовал ободряюще улыбнуться, но улыбка вышла нервной и скомканной.

— Персонаж Винокурова, Мико, — сказал он. — Убийца девушек. Это Мороженщик, он уже два года орудует в столице. И я ищу его.

Утром они решили отправиться на кафедру артефакторики. Отдел Лефевра почти не касался работы с артефактами, поэтому он знал о разновидностях колдовских предметов лишь в общих чертах, но музей при кафедре когда-то поразил Лефевра до глубины души. Чего тут только не было! В специальных стеклянных шкафах располагалась настоящая коллекция диковин и редкостей со всего мира. Были тут и раковины с Дальневосточных

островов, приносившие своим обладателям острый слух обитателей тамошних гор, и рога ископаемых животных, исчерченные рунами, призывающими древних богов приносить удачу владельцу, и крошечные фигурки пузатых человечков с огромными фаллосами — они, как и следовало ожидать, наделяли хозяев изрядной мужской силой, а хозяек — неимоверной привлекательностью. Здесь хранились перья, приносящие писательский талант, зеркала, в которых дурнушки отражались красавицами, а уж картин, драгоценностей и оружия и вовсе было в избытке. Разумеется, это были обычные, доброжелательные артефакты: Ползучие и злонамеренные заполняли императорское хранилище, и извлечь их оттуда могли только члены владыческой фамилии.

Лефевр провел ночь почти без сна, ворочаясь с боку на бок. Порой он проваливался в дрему, и сон приносил ему Алиту: она задыхалась от страсти в объятиях Лефевра, комкая простыни во влажных стиснутых ладонях и выдыхая его имя на пике удовольствия — в следующий миг девушка уже лежала на морском берегу, и он вынимал из кармана листовку и маленький изогнутый нож, чуть больше мизинца. Лефевр садился в кровати, стряхивая с себя липкую мерзость сна, смотрел в темное окно и думал о Винокурове. Писатель рассказывает в своих книгах об убийце из другого мира. Рассказывает детально, в подробностях. Либо его Ползучий артефакт способен записывать текст без участия Винокурова, либо в запасах писаки есть еще один магический предмет, способный показывать картинку, как известное Блюдце с яблоком, либо, что еще хуже, Винокуров сам путешествует из одного мира в другой и совершает преступления, оставаясь безнаказанным.

А ведь неплохо так писать книги. Смотри на человека и записывай все, что он делает. Тем более, если это человек неуловимый серийный убийца. Читатели с руками оторвут да добавки попросят.

Одним словом, Лефевр встретил утро с таким настроением, словно всю ночь провел в прозекторской на вскрытии и совершенно вымотался. Алита, которая спустилась к завтраку, тоже выглядела далеко не лучшим образом: под глазами девушки залегли темные тени, лицо осунулось, даже рыжие локоны, кажется, стали темнее.

— Вспоминала прошлое, — ответила она, когда Лефевр спросил, все ли в порядке. — Лучше бы не делала этого.

На кафедру артефакторики они приехали, перемолвившись едва ли десятком слов за всю дорогу. Лефевр косился на девушку и думал о том, что им надо бы развеяться. Например, выбраться в театр или музей, или просто прогуляться где-нибудь. Он очень любил столичный парк, настоящий лес в центре города, удивительно красивый в любое время года, но в дождь там не погуляешь, а погода старалась отличиться только ливнем и холодом.

Их встретил профессор Габерт, старый настолько, что его точнее было бы называть древним. Основав кафедру артефакторики шестьдесят лет назад, еще при дедушке государя Ахонсо, он сейчас и сам напоминал необычный артефакт, дарующий, допустим, неограниченные знания. Несмотря на почтенный возраст, профессор сохранил полную ясность ума, живость суждений и способность передвигаться без помощи трости. Поприветствовав своих гостей, он внимательно посмотрел на Лефевра и сказал:

— Я слышан о вашей работе, дорогой друг. Вы делаете очень серьезное и важное дело. Чем могу помочь?

— Во-первых, сдать Ползучий артефакт в хранилище, — Лефевр передал профессору контейнер с заключенным в него пером и продолжал: — А во-вторых, я бы хотел узнать о

том, как Ползучие артефакты меняют свои свойства в других мирах.

Профессор задумчиво взвесил контейнер в желтоватых морщинистых руках и спросил:

— Что же именно вам интересно?

— Все, — просто ответил Лефевр, и профессор рассмеялся.

— Право, вы очень основательно подходите к работе. Но нам ведь надо с чего-то начать, верно?

— Я видела такой артефакт, — подала голос Алита. Брови профессора слегка дрогнули — он придерживался старых традиций, которые считали женщину чем-то вроде приятной мебели, и эта приятная мебель уж точно не могла раскрывать рот, когда беседуют мужчины. Впрочем, он больше ничем не выразил своего недовольствия и произнес:

— Даже так? Артефакт из другого мира? Продолжайте, дитя мое.

— Это металлическое перо, — сказала Алита. — В темно-красном корпусе. Находясь в одном из миров, оно записывает все, что происходит в другом. И с его помощью можно путешествовать из одного мира в другой. Вы что-нибудь знаете о таких предметах?

Профессор мягко улыбнулся и привлек Алиту к одной из раскрытых витрин. Артефакт, лежавший там на подушечке, был знаком Лефевру: Блюдце с яблоком было способно показывать людей или места, о которых думал владелец.

— Вот, дитя мое, презабавнейшая вещица, — профессор говорил ласково, словно показывал диковинку своей правнучке. — Подумайте о человеке и увидите на блюдце все, что он делает. Или представьте себе место и увидите, что там происходит. Уверен, что эта милая безделица поможет вам скоротать время, пока мы поговорим с господином Лефевром о крайне скучных вещах.

Алита со вздохом склонилась над блюдцем, а профессор взял Лефевра под локоть и со скоростью, необычной для его возраста, увлек в дальний угол музея и осведомился:

— Она не из нашего мира, верно?

Лефевр ощутил внутренний озноб, но постарался как можно быстрее взять себя в руки.

— Почему вы так решили? — спросил он, поражаясь прозорливости профессора. Тот усмехнулся и сдвинул маленькие очки в золотой оправе на кончик носа.

— По долгу службы я верю во множественность обитаемых миров. И артефакта, о котором она говорит, нет в нашем мире. Если милая девушка видела его, то явно пришла из другой реальности. Признавайтесь, Лефевр, где вы ее откопали?

Лефевр криво усмехнулся и неопределенно пожал плечами.

— Это государственная тайна, профессор.

Профессор понимающе покачал головой и, развернувшись к одному из книжных шкафов, со всей возможной осторожностью вынул толстый том в кожаном переплете и водрузил на специальную кафедру для чтения. Книга была очень старой, еще рукописной: судя по металлическим уголкам обложки, ее создали примерно в то же время, когда Ансельм Быкобор победил дракона и стал Ле Февром. Профессор благоговейно открыл книгу, аккуратно перевернул несколько страниц и сказал:

— Вот. Читаете по-старовалеатски?

— Очень слабо, — признался Лефевр. Профессор вздохнул — видимо, он очень удивлялся тому, что не все окружающие владеют его знаниями — и прочел, нараспев переводя с листа:

— Магический предмет, известный как Перо Господа, был впервые найден возле островного монастыря Сен-Со, когда море отступило, и на отмели появились следы,

похожие на руны. Монахи, умудренные во многих тайных искусствах, прочли эти надписи и с подлинным трепетом нашли путь к Перу. Из древних рукописей известно, что Господь записал все будущее нашего мира и все судьбы его обитателей в Книгу жизни, а после выбросил ее в море, дабы стало ясно, что все в воле Его, но и человек не простая игрушка в руках высших сил, а может и до определенных границ сам управлять своей жизнью, — профессор откашлялся, прижав ко рту сморщенный кулачок, и продолжал: — Но случилось так, что Перо, бывшее в руке Его, решило, что и оно способно управлять, и стало переписывать судьбы людей, живущих в мире. Тогда Господь решил научить дерзкое Перо смирению и выбросил его в море. Волны вынесли его к стенам Сен-Со...

Профессор осторожно поддел страницу и перевернул. Лефевр заметил, что на безымянном пальце Габерта на мгновение вспыхнула вытатуированная защитная руна.

— ...и позднее выяснилось, что Перо смирилось и утратило свою строптивость, — продолжал профессор. — Но Господь забыл о нем, и Перо, которое сохранило способность переписывать и менять судьбы, продолжило это делать в руках новых хозяев. Тогда монахи, умудренные в тайных искусствах, поняли, что Перо представляет крайнюю опасность, и, собрав мудрейших из мудрых, сумели выбросить его за пределы нашего мира. Говорят, что Перо обрело новую родину, но каковы были его приключения там, нам уже неизвестно.

Профессор закрыл книгу и сказал:

— Такова легенда о ПЕРЕ Господа. Когда я еще студентом собирал предания в Осколе, то мне рассказали сказку о том, что Перо не только записывало судьбы, но и могло выполнять желания. Напиши «У меня есть горшок золота» — и горшок появится. А еще Перо могло отнимать имена людей, потому что знало их все, когда им водила рука Божия, — Габерт помолчал и почти смущенно, будто понимая, что лезет не в свое дело, добавил: — Будьте осторожны, Огюст-Эжен. Если эта девушка из иного мира, то всякое может случиться.

Лефевр хотел было поблагодарить профессора за столь трогательную заботу, но в это время из той части зала, где осталась Алита, донесся шум, словно что-то упало на пол. Оставив профессора, Лефевр бросился на звук и увидел, что Алита лежит на паркете без сознания, беспомощно раскинув руки. Золотое блюдо валялось неподалеку, яблоко продолжало бегать по его краю, и картинка медленно растворялась, теряя контакт с Алитой — но Лефевр успел увидеть парочку, со всем пылом предававшуюся страсти, и узнал Никитоса.

Он опустился на пол рядом с Алитой и принялся массировать виски девушки. Подоспевший профессор тоже поспешил принять участие в реанимационных мероприятиях и, с видимым трудом склонившись к Алите, провел возле ее носа тонким белым платком, смоченным гарротской эссенцией: это средство лежало в карманах и сумочках всех стариков и старушек Сузы — оно помогало избавиться от сердечных спазмов. Веки Алиты дрогнули, она открыла глаза и, увидев Лефевра, еле слышно произнесла по-русски:

— Прошу вас, давайте уедем отсюда. Пожалуйста.

По дороге Алита не сказала ни слова: она сидела, забившись в угол экипажа, смотрела куда-то мимо Лефевра и иногда, когда ей становилось хуже, подносила к носу платок профессора. Когда они вошли в дом, Алита повернулась к Лефевру и сказала, по-прежнему не глядя на него:

— Простите меня, Огюст-Эжен, но мне нужно побыть одной.

Лефевр понимающе кивнул и слегка сжал руку девушки.

— Если нужно, зовите меня, — произнес он. Алита кивнула и медленно побрела в свою комнату. Лефевр смотрел ей вслед и думал, что у девушки глубокая истерика. Алита молчала, запечатывая свое горе в душе и не догадываясь, что от этого будет только хуже. Ей бы поплакать — Лефевр считал, что слезы приносят облегчение почти во всех случаях — но Алита не проронила ни слезинки, и он мог только догадываться о том, насколько ей сейчас тяжело.

Он подозревал, что Алита попытается увидеть Никитоса. Рискнет использовать артефакт, чтобы заглянуть в другой мир — вот и увидела, на свою голову. Муженек времени даром не терял. Конечно, Алита предполагала, что он весело проводит время, но одно дело подозревать, а другое — увидеть своими глазами. Никитос умудрился макнуть ее в грязь даже из иного мира.

Приказав служанкам докладывать ему каждый час о том, что происходит в комнате миледи, Лефевр ушел в кабинет и занялся бумажной работой — ежемесячные отчеты по делам всегда занимали у него уйму времени и выводили из себя. Он окончательно разобрался с ними только к вечеру: за это время Луиз несколько раз послушно сообщала, что из комнаты миледи не доносится ни звука, а в замочную скважину видно, что госпожа Алита лежит на кровати и смотрит в потолок. От еды и кофе она отказывалась, хотя Луиз и Амина чуть ли не каждые полчаса уговаривали ее пообедать: состояние Алиты встревожило их не на шутку. Перед ужином Лефевр подошел к дверям комнаты Алиты, осторожно постучал и произнес:

— Алита, это я. Можно войти?

Несколько минут в комнате было тихо, потом заскрипела кровать, и Алита едва слышно откликнулась:

— Нет.

— Я за вас волнуюсь, — сказал Лефевр. Служанки, которые стояли возле лестницы и, затаив дыхание, наблюдали за ним, в один голос воскликнули:

— И мы тоже волнуемся! Мы очень переживаем за миледи!

До Лефевра донесся тихий вздох, и Алита сказала:

— Со мной все нормально. Не тревожьтесь.

Лефевр только руками развел. В самом деле, не выбивать же дверь.

Алита пришла в его комнату поздним вечером, когда все обитатели дома уже уснули, а Лефевр лежал в кровати с книгой и карандашом, по старой привычке делая пометки на полях. Услышав, как заскрипела, открываясь, дверь, он оторвался от [книги](#) и увидел Алиту — прямая, бледная, в одной ночной сорочке, она была похожа на привидение.

— Что с вами? — спросил Лефевр и услышал страх в своем голосе. Первой его мыслью было, что она заболела: девушку била крупная дрожь. — Алита, что с вами?

Она сделала несколько шагов к кровати и провела ладонями по плечам, скатывая вниз кружевные лямки сорочки. Лефевр смотрел, не до конца понимая, что ей нужно; Алита спустила тонкую ткань на бедра, а потом, когда сорочка упала на ковер, переступила через нее и негромко сказала:

— Вы нужны мне, Огюст-Эжен. Прямо сейчас.

Бледный призрак обнаженной Алиты опустился на край кровати и взял Лефевра за руку. В темном взгляде девушки не было ничего, кроме глухой боли, разрывающей в лохмотья и тело, и душу — той самой, при которой человек убивает себя, лишь бы только она прекратилась.

— Возьмите меня, — прошептала Алита. — Мне это нужно. Мне это очень нужно.

— Нет, — ответил Лефевр таким же хриплым шепотом. — Нет, Алита.

Выпустив его руку, Алита поднялась на кровать — сходство с каким-то гибельным привидением, навью, стало окончательным. Лефевр смотрел на нее, словно замороженный; горячие пальцы девушки, решительно расправившись с застежкой его пижамных штанов, нырнули под ткань. На мгновение Алита замешкалась, словно проникала на неизведанную территорию и боялась сделать шаг, но затем пальцы плавно скользнули снизу вверх, а потом еще и еще, ритмично сжимаясь и разжимаясь. Потом она сместилась чуть ниже, и Лефевр ощутил влажное прикосновение ее губ и языка, одновременно робко-целомудренное и порочное.

На какое-то мгновение Лефевру показалось, что он балансирует над пропастью и вот-вот сорвется во тьму. Позволив сладкому трепету продлиться несколько секунд, он накрыл ладонью голову Алиты и, пока у него еще оставались силы, чтобы остановить ее, произнес:

— Нет. Не надо.

Алита выпрямилась, взглянула на него, и ее глаза удивленно блеснули в полумраке. Мутная пелена боли, застилавшая их, стала рассеиваться.

— Я тебе не нравлюсь? — испуганно и как-то очень жалко спросила она. Ее голос предательски дрогнул.

— Нравишься, — честно сказал Лефевр. — Разве не видно?

Действительно, его реакция говорила сама за себя. Девушка всхлипнула.

— Тогда почему?

— Дурочка, — ласково произнес Лефевр. — Я не хочу наживаться на твоём страдании. Ночь пройдет, а утром ты меня возненавидишь.

Алита отрицательно помотала головой. По щеке девушки пробежала первая слезинка.

— Не возненавижу, — еле слышно прошептала она. — Только не тебя, нет...

Лефевр вздохнул и бережно привлек ее к себе, и, когда он обнял Алиту, она вдруг поняла, что теперь ей наконец-то можно заплакать. И она разревелась так, что Лефевр испугался, что не сможет совладать с ее истерикой. Ему слишком давно не приходилось утешать плачущих женщин. Алита заливалась слезами, уткнувшись лицом ему в грудь, а он обнимал ее, гладил по спутанным рыжим волосам и повторял, что все будет хорошо, все наладится, и он никому и никогда не даст ее в обиду. Наконец, ее слезы иссякли, и она негромко промолвила:

— Я видела Никитоса в том блюдце. Оказывается, он давно изменяет мне с моей лучшей подругой, — всхлипнув, Алита шевельнулась, устраиваясь удобнее в объятиях Лефевра, и продолжила: — Жаловался ей, что приходится играть роль страдающего мужа, который извелся после пропажи супруги. И они оба смеялись... За что? Почему они так со мной?

Лефевр осторожно, чтобы не потревожить Алиту, натянул край одеяла, укрывая ее, и ответил:

— Ты очень хорошая девушка. Честная и порядочная. А такие и привлекают уродов всех мастей. Он просто выродок, твой муж. Странно ждать от него человеческого отношения.

Внизу, в гостиной часы мелодично пробили полночь. За окнами уныло шелестел дождь, и до рассвета было еще очень далеко. Алите казалось, что за пределами комнаты ничего нет — только предвечная тьма, и было уже неважно, что случилось раньше и что случится потом.

Огюст-Эжен считал ее хорошей девушкой. Никитос говорил, что она дура, которую никто и никогда не полюбит, и она должна быть счастлива и благодарна за то, что он снизошел до нее и даже женился, хотя мог бы и просто повстречаться и расстаться. А Алита увидела его на картинке в волшебном блюде: Никитос валялся на кровати в их спальне, тискал Ирку, и они смеялись над ней. Глухая боль царапалась в груди. За время в Сузе Алита успела смириться с тем, что муж ее предал, но повторное предательство, уже двойное, догнало и растоптало.

— Я и правда тебе нравлюсь? — спросила Алита. Огюст-Эжен улыбнулся и снова погладил ее по растрепанным волосам.

— Правда, — честно сказал он. Несколько минут Алита лежала неподвижно, слушая, как глухо стучит его сердце, а затем шевельнулась, меняя позу, и осторожно запустила руку под тонкую светлую ткань его рубашки. Лефевр напряженно вздохнул и сжал ее запястье.

— Не стоит, — сказал он, но в его голосе уже не было прежней уверенности. Алита улыбнулась.

— Это сон, Огюст-Эжен, — промолвила она. — Завтра все будет, как раньше. А сейчас мы спим.

— Сомневаюсь, — откликнулся Лефевр и поцеловал ее: тихонько, едва касаясь — тем самым поцелуем, о котором Алита всегда мечтала, но не могла получить ни от кого из своих бывших. Теперь уже сердце Алиты застучало быстрее, и холод, охвативший тело, когда она увидела картинку в блюде, растворился в дразнящем тепле, свернувшемся огненным комочком в низу живота. Зажмурившись, она откинулась на подушки и вдруг поняла, что улыбается от удовольствия, словно кошка, досыта наевшаяся сметаны. Сухие жесткие пальцы медленно плыли по ее коже, словно Лефевр пытался запомнить каждую деталь. Он снова поцеловал Алиту, теперь уже более напористо и требовательно, и она откликнулась на его поцелуй с такой ненасытной жадностью, какой сама от себя не ожидала. Желание, наполнявшее тело, почему-то теперь причиняло почти физическую муку. На мгновение Лефевр отстранился от Алиты и произнес:

— Мы еще можем все прекратить.

Но его ладонь уже накрыла грудь, и Алита застонала и выгнула спину, когда пальцы дразняще коснулись соска, погладили, слегка ущипнули. Теперь сердце колотилось так бешено, будто готовилось вырваться и убежать.

— Даже не надейся, — выдохнула Алита и призывно потерлась бедрами о его пах. Лефевр улыбнулся и снова приник к ее губам, а его ладонь уверенно двинулась ниже, прошла по животу и скользнула между ног девушки. Содрогнувшись всем телом, Алита автоматически попробовала сомкнуть бедра, но Лефевр не позволил этого сделать. Его пальцы стали двигаться в ней — то ласково и плавно, выныривая и едва касаясь складок влажной плоти, то, вдруг становясь властными и грубыми, проникали в самую глубину, и Алита подумала, что если эта пытка продолжится, то она просто умрет, не выдержит напряжения.

Это действительно был сон. Такого с ней просто не могло случиться наяву.

— Ты и правда инквизитор, — выдохнула Алита, когда Лефевр на мгновение оторвался от ее губ. — Это настоящая пытка.

— Взаимная пытка, — произнес он и вошел в нее резким глубоким толчком. Алита вскрикнула от неожиданности и подалась вперед; мир вздрогнул и куда-то поплыл, накрывая девушку томной слабостью, и Алита поняла, что теперь сможет только таять, растворяясь в

ритмичных движениях Лефевра, наполняющих ее неизвестным доселе, тягучим удовольствием. Он словно мог читать ее мысли и ловить малейшие оттенки чувств, зная, чего именно ей хочется. Постепенно Алита перестала понимать, что происходит, не осознавала, что до крови впились ногтями в плечи Лефевра, что стонет все громче и громче, выкрикивая его имя. А потом реальность взорвалась, рассыпаясь горячими осколками, и Алита обмякла на кровати, балансируя на грани обморока и чувствуя, как пульсирующие волны блаженства медленно растекаются по телу. Через несколько мгновений Лефевр уткнулся ей в плечо влажным лбом и хриплым шепотом проговорил:

— Удивительный сон.

Потом они долго лежали, обнявшись и не произнося ни звука, будто старались растянуть эти таинственные минуты настоящей близости, когда двое становятся единым целым. Казалось, даже время замедлило свой бег, чтобы позволить им запомнить друг друга навсегда — но потом Алита выскользнула из рук Лефевра и, подхватив с пола сорочку, медленно пошла к выходу. В дверях она обернулась и сказала:

— Да, это и правда был удивительный сон.

Если бы Алита знала, как закончится завтрашний день, она бы, наверно, осталась.

Но она не знала.

Утром они отправились в главный отдел инквизиции — работать над портретом Мороженщика.

Лефевр проснулся совершенно больной и разбитый, словно провел ночь, не занимаясь любовью с любимой женщиной, а грузя тюки в порту. Утро выдалось серое и скучное, но, по счастью, без дождя — и ничего не говорило о том, что Алита совсем недавно была здесь. Что ж, они решили, что это был сон — значит, так тому и быть. В конце концов, Лефевр прекрасно понимал, что ему не следует рассчитывать даже на мимолетный роман. Влюбиться, привязаться, прирасти всей душой, чтобы потом...

Его мать, Хелена Лефевр, прожила в Сузе прекрасную жизнь, наполненную теплом, заботой и любовью. Муж обожал ее, ни разу не сказал дурного слова и хранил трепетную верность даже после того, как Хелены не стало. Но, несмотря на всю любовь и счастье, Хелена бросила бы все, и мужа, и детей, если бы у нее появилась возможность вернуться домой. Огюст-Эжен всегда это знал, хотя мать ни словом не обмолвилась о том, насколько тоскует по потерянной родине. Он признавал ее правоту, с горечью и сильной душевной болью, но признавал. Птицу можно посадить в клетку и поставить так, чтобы она видела цветущий сад, зеленые холмы и бойкие ручьи, чтобы солнце светило и ласкало теплом, а западный ветер приносил запах далеких лугов — но это все равно будет клетка. Если ты любишь птицу, то не станешь держать ее в неволе. Ни за что не станешь.

Лефевр прекрасно понимал, что счастье Алиты не здесь и не с ним. В конце концов, она и так одарила его с невероятной щедростью.

Они встретились за завтраком, и Лефевр отметил, что Алита смотрит на него точно так же, как и всегда, словно ничего не произошло. Сон закончился, а присниться может всякое, и нельзя жить во сне, забывая о настоящей жизни. Восхитительные сырные кнафы с пряностями казались Лефевру безвкусными. Повариха бы обиделась на него за это.

— Что же дальше? — спросила Алита. Вот у нее был превосходный аппетит, да и выглядела она прекрасно и свежо. Она была хороша настолько, что Лефевр почувствовал тоску и непривычную для себя злость. — Если Мико из романа и ваш Мороженщик одно лицо, то как нам быть?

Она была права: если душа рвется и мечется, то нужно занять ее делом. Лефевр придвинул к себе кофейник и произнес:

— Сейчас позавтракаем и поедem в мой отдел. К книгам Винокурова наверняка делали иллюстрации?

Алита кивнула.

— И официальные, и фан-арт. Мико там тоже был. Этаким холеный красавец, но при этом полный сумасшедший.

— Сможете вспомнить, как он выглядит?

Алита усмехнулась. Презрительная гримаса еще долго не покидала ее лица.

— Разумеется. Никитос повесил у нас в комнате огромный плакат из книжного магазина. Там были и Аврелий, тот маг-сверхчеловек, и Мико.

Лефевр кивнул, чувствуя, как в нем просыпается давний охотничий азарт, который когда-то давно привел его в инквизицию. Отец не одобрял выбор сына: все Лефевры были банкирами и юристами, в крайнем случае — инженерами. А вот мать поддержала.

— Наш художник соединится с вашим разумом примерно так же, как это делал я, — сказал Лефевр. В глазах Алиты мелькнуло что-то темное, похожее на скрытую печаль, и Лефевр быстро продолжал: — Он копирует портрет Мико, и мы вычислим мерзавца.

Некоторое время Алита молчала. Ломтики яблок в желе в креманке перед ней оставались нетронутыми. Лефевр старательно делал вид, что все идет по плану.

— Я не понимаю, как Винокуров это делает, — призналась Алита. — Смотрит в Блюдце с яблоком и записывает то, что совершает Мико? Или пишет, а тот вынужден повторять?

— Не знаю, — пожал плечами Лефевр. — На всякий случай возьмем несколько защитных артефактов.

Алита посмотрела ему в глаза, и он снова не понял ее взгляда.

— У вас не тело, а просто какая-то карта боли, — негромко сказала она. — Столько шрамов...

Лефевр печально усмехнулся.

— Несколько раз меня били зачарованными ножами, — произнес он, стараясь не думать о том, с какой ласковой мягкостью губы и ладони Алиты минувшей ночью прикасались к его шрамам. — Дважды я попал под огненные шары. А ядовитые плевики уже и считать перестал.

— Мне очень жаль, Огюст-Эжен, — тихо сказала Алита. Лефевр усмехнулся.

— Знаете, у нашей семьи есть большое загородное поместье, — промолвил он. — Когда мы с сестрой были детьми, то уезжали туда с матерью на лето. И тамошний управитель хозяйства, господин Матту, рассказывал, что однажды убил дракона. В подтверждение слов он показывал страшные шрамы, — Лефевр усмехнулся и продолжал: — ...пониже спины. Конечно, не нам. Нам хватало его рассказов, и мы очень боялись, но господин Матту уверял, что драконов больше нет, и нас никто не съест.

В глазах Алиты мелькнул веселый огонек интереса.

— Это действительно был дракон?

— Какое там. Одна из деревенских баб приголубила его вилами, чтоб не приставал.

Алита рассмеялась, и Лефевр почувствовал, как скопившееся в нем напряжение медленно утекает за ее смехом, словно утренний сон из памяти.

Главный отдел инквизиции был похож на муравейник. Здесь было полно народу в любое время суток: секретари бегали с рассыпающимися грудями бумаг, инквизиторы шли по своим делам, а возле досок с объявлениями толпились посетители, и кто-то заполнял заявления, а кто-то выискивал в вывешенных списках имена и фамилии арестованных. Самая большая очередь стояла к окошку с записью ведьм на регистрацию: Лефевр не помнил, чтобы тут когда-нибудь было меньше пяти человек. Арестованных злонамеренных ведьм и ведьмаков вводили с другой стороны здания, и обстановка там была гораздо серьезнее: стены покрывали защитные руны, через каждые десять шагов стояли бойцы опорного отряда инквизиции с оружием в руках, а эхо усиливало грохот шагов и крики раз в десять. Лефевр вспоминал, как ворвался в отдел с арестантской стороны и кинулся в допросную, молясь, чтобы к Длите не успели применить пыток. Он почти успел, и это почти до сих пор не давало ему покоя.

Все могло бы быть иначе.

— Честно говоря, похоже на обычную контору, — призналась Алита, поднимаясь за Лефевром на третий этаж, в следственный сектор. Лефевр пожал плечами.

— Может быть. Инквизиция, в сущности, обычная государственная структура. И люди тут разные. Есть и обычные следователи, и дураки, и карьеристы, и чином от ума избавленные, — они прошли в дверь со скромной серебряной табличкой «Следственный сектор. Главная группа» и оказались в небольшом зале с книжными шкапами, забытыми документами, и шестью столами, за которыми работали подчиненные Лефевра. Кивнув на их приветствия, Лефевр бросил на ходу:

— Менталиста ко мне, срочно, — и вошел в собственный кабинет: небольшую, очень скромную комнату с самой заурядной казенной меблировкой. Впрочем, Алита смотрела по сторонам с интересом и уважением — было видно, что работа Лефевра произвела на нее определенное впечатление. «Совсем другое дело, — подумал он, — когда приходишь сюда сотрудником, а не обвиняемым».

— У вас тут... — Алита замаялась, подбирая нужные слова, и сказала: — Очень строго. Лефевр кивнул. Его стол уже успели завалить корреспонденцией, конвертами с результатами судебных заседаний и отчетами по работе отдела, но он решил, что даже прикасаться к ним не станет. Поимка Мороженщика была важнее всей этой макулатуры.

Менталист Абриль, тощий инквизитор третьего ранга, талантливый, но полностью лишенный каких-либо карьерных устремлений, вошел в кабинет с планшетом и карандашом и произнес:

— Готов к работе. Что делаем?

— Познакомьтесь, Абриль, — сказал Лефевр. — Миледи Алита Росса, наш внештатный сотрудник. Недавно вышла на след Мороженщика. Составьте с ней его портрет.

Темные глаза Абриля азартно сверкнули: возможность первым увидеть серийного убийцу девушек, державшего в страхе всю столицу, заставила его взмахнуть планшетом, словно знаменем, и едва не сломать карандаш, одним росчерком подготовив портретную сетку.

— Абриль Гритто, к вашим услугам, — он отдал Алите поклон и спросил: — Готовы? Тогда представьте физиономию негодяя и скажите мне, когда можем начинать.

Лефевр смотрел, как их головы соединились сверкающим энергетическим канатиком, и думал, что поимка Мороженщика позволит ему перейти из следственного сектора в правовой департамент — а это уже совсем другой уровень власти. О чем еще думать, если от любви приходится отказаться — разумеется, о карьерном росте. Алита глубоко вздохнула и прикрыла глаза: совсем, как ночью, когда Лефевр впервые поцеловал ее. Это был прыжок во мрак без всякой надежды на возвращение — он решился сделать его, когда понял, что всю жизнь сдерживал себя и отказывался от того, что хотел, но ему еще никогда не доводилось обладать и утратить.

Карандаш вдохновенно летал над бумагой, и Лефевр видел, как проступает лицо Мороженщика — волевое, мужественное, излучающее уверенность и спокойствие. Красавец, но не смазливый. Должно быть, все его жертвы бежали за ним сами, выпрыгивая из юбок и не подозревая, чем закончится свидание с молодым мужчиной с внешностью античного бога. А заканчивалось оно изнасилованием с разрывами внутренних органов и холодным телом у кромки моря с пришпиленной к груди рекламкой мороженого. Должно быть, аляповатая бумажка должна была показать безвкусицу и продажность мира и женщин в нем...

«Найду Мороженщика — дотянусь и до Винокурова», — уверенно подумал Лефевр. Он знал, что находится на верном пути и был готов лично принять участие в допросе: учитывая

все подвиги этого красавца, о тонкостях соблюдения протокола никто не задумывался. Энергетический канатик лопнул, и Алита открыла глаза. Абриль добавил еще несколько шприхов, снял лист с планшета и протянул Лефевру.

— Вот он. Собственной персоной.

Лефевр поймал себя на том, что у него азартно раздуваются ноздри, как у гончей, рвущейся с поводка за добычей. Взяв лист, он вышел в зал — сотрудники оторвались от работы и уставились на него. Лефевр поднял портрет Мороженщика и произнес:

— Коллеги, наш убийца с листовкой во всей красе. Срочно доставляем портрет в типографии и газеты и поднимаем опорный отряд в полном составе, — Лефевр почувствовал, что его, как и его коллег, охватывает яростное возбуждение. Он видел блеск в их глазах и понимал, что Мороженщик не уйдет. — Всем иметь при себе защитные и охранные артефакты. Есть информация, что он может использовать боевую и злонамеренную магию. Это все. Вперед.

Алита, стоявшая за его спиной, негромко вздохнула, и Лефевр разобрал этот вздох за возбужденными голосами и шумом. Обернувшись к девушке, он поинтересовался:

— Как самочувствие после сеанса?

Алита неопределенно пожала плечами.

— Вроде бы ничего нового, — подчиненные покинули отдел, дверь в зал громко хлопнула, закрываясь, и Лефевр вдруг ощутил странное внутреннее неудобство.

— Езжайте домой, Алита, — сказал он, должно быть, слишком поспешно, чтобы не дать ей возможности заговорить первой. — У нас тут сегодня будет жарко.

Девушка понимающе кивнула и, обойдя Лефевра, направилась к выходу. В дверях она обернулась и с какой-то ледяной твердостью сказала:

— Достаньте его, Огюст-Эжен.

Лефевр смотрел на нее, и его вдруг укололо жуткое знобящее понимание того, что он видит Алиту в последний раз. Девушка улыбнулась, грустно и понимающе, и вышла.

Несколько минут Лефевр стоял молча — каждое движение сейчас требовало невероятных сил. Но потом оцепенение отпустило его, и он, тряхнув головой и прогоняя остатки вязкого тумана, охватившего душу, пошел в кабинет — собирать артефакты и готовиться к захвату.

Когда Лефевр подошел к шкафу с личными артефактами — надежными, мощными, несколько раз спасавшими ему жизнь — здание инквизиции мелко задрожало, словно его охватил озноб. Лефевр автоматически выбросил руку вперед и оперся на шкаф, чтобы не упасть: понимание взрыва пришло потом, когда звонко и нервно задрожали, рассыпаясь, оконные стекла, а мир на мгновение высветлило ослепительно белым светом и накрыло хриплым ревом.

Лефевр бросился к окну, прекрасно понимая, что он увидит на площади внизу, и до последнего надеясь, что этого все-таки не произошло. Но посмотрев из окна, он увидел собственный экипаж, развороченный направленным броском артефакта, мертвого кучера с разmozженной головой и издыхающую лошадь. От обломков поднимался зыбкий зеленоватый пар: артефакт открыл коридор в пространстве, в который затащило Алиту.

Каким-то образом Мико-Мороженщик узнал о том, что Алита видела его лицо. Лефевр не сомневался, что это был именно он.

В ладонь, опирающуюся на подоконник, вонзился осколок стекла, но Лефевр этого не заметил.

— Маньяк похитил главного осведомителя по своему делу буквально из-под носа у инквизиции. Это, простите, плевок в лицо! Всем нам!

День кубарем скатился к вечеру, но Лефевр не осознавал, что уже смеркается, что от треска телеграфических машин давно звенит в ушах, что полиция и опорные отряды инквизиции прочесывают город, а плакаты с портретами Мороженщика и Алиты висят на всех углах. Сейчас, сидя в зале заседаний и слушая господина Ульфнара, директора главного отдела и своего непосредственного начальника, Лефевр механически перебирал четки и думал о том, что на правом плече у Алиты родинка: маленькая, темная, с упруго торчащим волоском. Разумеется, это не имело никакого значения, просто Лефевру надо было за что-то зацепиться, чтобы не заорать и не пробить кулаком столешницу. Вот он и крутил бусинки четок.

— Это Ползучий артефакт, который оставляет после себя очень четкий след, — подал голос Гербрэнд Гуле, сидевший поодаль. — Практически вся столица прочесана от и до, но никаких следов артефакта до сих пор не обнаружено.

Директор посмотрел на него с нескрываемой злостью. Он считал Гуле дураком и выскочкой и не скрывал своего отношения.

— Специалисты с кафедры душевных болезней говорят, что жертву убивают в течение двух часов после похищения, — услышал Лефевр и внезапно понял, что это он сам и сказал. — Мороженщик действительно убивает в первые полтора-два часа, так считают криминалисты. И почти сразу же избавляется от жертвы. Но тело миледи Росса пока не найдено, поэтому нам следует объявить всесузианский розыск. По всей вероятности Мороженщик покинул столицу с заложницей.

Он хотел было добавить, что это нужно сделать как можно скорее, отправив сверхсрочный запрос в главное полицейское управление, но в это время в зал заседаний вошел принц Рекиген собственной персоной. Вот уж кого-кого, а его Лефевр точно не ожидал увидеть. Его высочество выглядел спокойным, уверенным в себе и целеустремленным, словно готовился заняться делом государственной важности. Лефевр знал, что облик веселого прожигателя жизни был всего лишь маской для наивных простаков: в действительности принц был крайне серьезным и здравомыслящим человеком. Конечно, седьмой сын государя никогда не взойдет бы на престол, но Рекиген вел себя так, словно это именно он будущий наследник сузианской короны: принц имел широкие деловые и личные контакты практически во всех областях жизни, интересовался экономикой и политикой, а несколько лет назад даже учился на инженерных курсах и получил диплом младшего специалиста. Это выглядело капризом лентяя, не знающего, как еще убить время, но Лефевр почему-то так не считал. Рекиген его настораживал.

Мадам Бьотта давно уже успела в деталях рассказать Лефевру, что принц крайне заинтересовался в миледи Длите, но его появление в инквизиции все равно было очень странным.

— Добрый вечер, господа, — сказал принц, усаживаясь на свободное место. — Я пришел как официальное лицо с официальной информацией. Сегодня его величество Ахонсо подписал документы, разрешающие мне вступить в брак с миледи Алитой Росса.

Поначалу Лефевр воспринял эту новость совершенно спокойно и очень удивился, когда деревянный шарик четок вдруг с хрустом раскрошился в его пальцах. В конце концов, что тут необычного? Седьмой сын может жениться хоть на прачке, хоть на приказнице публичного дома. Жесткие рамки протоколов и документов о престолонаследии его не

касаются. Пришел, увидел, потерял голову от любви.

Хрупнул второй шарик. В палец вогнало занозу.

— Поэтому открывается розыск не просто внештатной сотрудницы инквизиции, а ее высочества Алиты Сузианской и Гилицмерской, — продолжал Рекиген. Гуле покачал головой и негромко произнес: «Лихо!», но принц этого не услышал. А может, просто сделал вид, что не услышал. — Я уже отдал соответствующие распоряжения в регионы и собираюсь лично принять участие в поисках.

— Тогда вы переходите под мое начало, ваше высочество, — подал голос Лефевр. — Я руковожу этим делом.

Рекиген с достоинством поклонился ему и сказал:

— К вашим услугам, милорд.

Лефевр усмехнулся. В то, что принц влюбился по уши, он не поверил ни на секунду. Такие люди, как Рекиген, не способны на чувства ни к кому, кроме себя любимого. Значит, у принца был определенный план, и злонамеренная ведьма Алита Росса — а именно так она была зарегистрирована после инцидента с франтом на улице — вписывалась в этот план наилучшим образом.

— Тогда прошу вас об одном из артефактов в хранилище, ваше высочество, — сухо произнес Лефевр. — Рупор, порядковый номер 13429-А.

На четвертом этаже, в секторе воздействия с артефактами, была специальная комната, полностью изолированная от посторонних воздействий: здесь появлялись тогда, когда требовалась особо сложная работа с артефактами. После того, как по распоряжению Рекигена в инквизицию доставили серебряный контейнер с Рупором, Гуле привел Лефевра в эту комнату и, пожелав удачи, запер дверь.

Гуле смотрел так, словно все прекрасно понимал, и можно было не говорить и не объяснять. Лефевр снял сюртук и жилет, морщась от нудной боли в порезанной ладони, сбросил рубашку и улегся на специальную кушетку. Лампы светили слишком ярко, били по глазам; пригасив их огонь мелким заклинанием, Лефевр открыл контейнер и вынул Рупор — небольшой темный камень, слишком тяжелый для своих размеров. Пожалуй, его величество устроит сыночку взбучку за вывоз из хранилища Ползучего артефакта: Лефевр подумал об этом с тенью какого-то язвительного удовольствия и, осторожно положив камень на грудь, вытянулся на кушетке.

Рупор в несколько раз усиливал природные способности мага. Лефевр не был великим колдуном, но сейчас ему было нужно достучаться до разума Алиты: после того, как он несколько раз проникал в ее воспоминания, это было выполнимой задачей. Рупор, казалось, вдавливал его в твердую поверхность кушетки, ерзая и возясь на груди — потом он привык к новому владельцу и стал легким, почти невесомым. Лефевр вздохнул с облегчением: можно было начинать работу.

Он больше всего боялся, что Алита мертва. Взрыв утащил ее за пределы города, а там за дело взялся Мико-Мороженщик, красавец с гордым профилем и такими уверенными спокойными глазами. Винокуров как-то дал ему знать, что инквизиция докопалась до его внешности — и Мико не стал тратить времени даром... Только бы Алита оказалась нужна ему живой: с этой мыслью Лефевр соскользнул в темноту — туда, где тонкая золотая нить утекала к разуму девушки.

Несколько раз путеводное сияние таяло, и Лефевр судорожно сжимал Рупор, умоляя его: помоги. Дай мне сил — тогда он чувствовал укол в затылок, и потерянная нить вновь

возникала во мраке, текла между пальцев. Наконец, он вдруг понял, что нити больше нет, и ощутил странное тепло.

— Алита, — позвал Лефевр. Казалось, тьма, в которой он плыл, стала еще гуще, но тепло никуда не делось, и Лефевр повторил: — Алита.

На несколько мгновений его накрыло волной такого ужаса, что Лефевр едва не разорвал связь сознаний. Уши заложило от вопля — так может кричать умирающее животное, понимая, что не осталось ничего, кроме него и смерти. Но Алита была жива — только охвачена паникой настолько, что не понимала, что с ней происходит.

— Алита, это я, — произнес он. — Это я, Лефевр. Я с тобой, не бойся.

Сразу же стало тихо. Лефевр парил в безмолвной тьме, пытаясь снова найти отклик. Наконец, он услышал далекий голос Алиты:

— Огюст-Эжен? Это ты?

— Да, — сказал он. — Да, это я. Ты не ранена?

Рупор подпрыгнул на груди, и Лефевр вдруг увидел, что находится в небольшой комнате, похожей на монашескую келью: обстановка, во всяком случае, была самая скромная — койка, затянутая белым полотном, да грубо сколоченный деревянный стол. Неожиданно комната качнулась, заваливаясь куда-то в сторону, и перед Лефевром мелькнула грязная серая стена и крошечное окно.

— Я не ранена, — откликнулась Алита, — но мне очень страшно. Это Мико, Огюст-Эжен. Мико...

Голос девушки растаял во тьме. Лефевр впился в Рупор так, что камень недовольно уколол его крошечной молнией, зато потом Лефевр увидел Алиту со стороны: девушка потеряла сознание и упала на койку. Алита выглядела изможденной и больной, и Лефевр дал себе слово, что Мико-Мороженщик попадет в его руки живым — и их беседа будет очень долгой и содержательной. Он скользнул взглядом в сторону окна и увидел раннее утро, озаренные румяным солнцем горы, похожие на растопыренные пальцы великана, и сосновый лес, ползущий по ним из отступающего сиреневого сумрака.

— ...точно такой же, как на плакате, — услышал Лефевр голос Алиты: он прикоснулся к его сознанию и растаял снова.

— Я тебя вытащу, — произнес Лефевр. Он не был уверен, слышит ли его Алита, но все равно сказал: — Я узнал это место. Держись.

— А я, представляешь, вчера Антона Погремыкина видел.

Соня и Никитос валялись на кровати, ели шоколадные конфеты из коробки и отдыхали. Возвращение домой с прогулки закончилось сексом прямо в коридоре, потом они переместились на кровать и теперь набирались сил перед третьим заходом.

— И чего там Погремыкин? — спросила Соня. Антон был их однокурсником, довольно странным парнем. Все чуть ли не в открытую удивлялись, как он мог поступить в политех на бюджетное, когда точные науки были для него абсолютной, непроницаемой тайной.

Никитос отмахнулся.

— Да ну. Что взять с дебила, — сказал он, и Соня услышала в его голосе плохо скрываемое возмущение.

— Рассказывай, — попросила она, переворачиваясь на живот. Никитос взял последнюю конфету и зашуршал золотистой оберткой.

— Узнал, что мы встречаемся и говорит: «Как ты можешь быть с этой, после того, как у тебя была такая жена». Вот ведь кретин, а?

Никитос удивил весь курс, когда после третьего семестра расписался с первой красавицей факультета Ритой Зиновьевой. Что он запал на нее, как только увидел, было естественным и понятным, но вот что в нем нашла девушка совершенно исключительной, какой-то ангельской красоты, никто не знал. Спустя полгода все снова вздрогнули: брак распался — как говорила Рита в приближенных кругах, из-за того, что Никитос оказался, во-первых, полным нищобродом, а во-вторых, практически нулем в постели.

— А ты что? — спросила Соня. Сказанное Никитосом было похоже на пощечину, прилетевшую в тот момент, когда Соня была максимально расслабленной и незащищенной.

— Ну а что ему объяснять, кретину? — вопросом на вопрос ответил Никита. — Проще наше родство душ рассказывать? Про то, что ты моя половина, что я тебя люблю? Да хрен с два он поймет. Я и сказал: «Да трахается она отменно». Отшутился.

— Типа того, — усмехнулась Соня. Сказанное Никитосом язвило и жгло, она чувствовала, что вот-вот расплачется, и понимала, что не должна быть истеричкой, которая принимается реветь на пустом месте. Тем более, Никитос выглядел настолько возмущенным и обиженным дурацким поведением однокурсника...

— Поднимайся, соня. Утро наступило.

Алита встрепенулась и села на койке. В первые минуты она не могла понять, куда попала, что это за убогая комната, и куда делась ее квартира и Никитос. Потом она вспомнила, как вчера в экипаже что-то хлопнуло, заполняя мир ядовитым зеленым светом, как ее выбросило на каменные плиты огромного мрачного зала, как потом рвало... Страх, который вчера истерзал ее так, что Алита на какое-то мгновение поняла, что сходит с ума, вернулся и вгрызся в живот.

— Давай-давай. Тебе надо встать.

Мико-Мороженщик, небрежно привалившийся к стене у двери, был в точности таким, каким его изобразил художник на книжной обложке. При взгляде на таких мужчин у женщин начинают дрожать колени, а тело охватывает томная слабость. Алита смотрела на него и понимала, что перед ней стоит смерть. Красивая, спокойная, в дорогом костюме — смерть задумчиво посмотрела на нее и повторила:

— Тебе надо встать.

Алита спустила ноги с койки и осторожно поднялась. Пол качнулся под подошвами туфель, поплыл куда-то в сторону, но она все-таки смогла устоять. Мико одобрительно кивнул.

— Вот, хорошо, — он подошел и взял Алиту за предплечья, так, словно собирался закружить девушку в танце. — Боишься меня?

— Боюсь, — призналась Алита. Впрочем, она не знала слов, чтобы описать весь тот ужас, который сейчас перехватывал дыхание. — Очень боюсь.

Мико прикрыл глаза и снова кивнул.

— Правильно. Бойся. Впрочем, скоро все кончится, потерпи.

Он склонился к лицу Алиты, будто принюхивался к ее запаху. От Мико пахло легким одеколоном, мятной пастилкой для дыхания и чем-то еще, смутно знакомым и страшным. Алита зажмурилась.

— Пойдем, — негромко сказал Мико и осторожно повел Алиту к выходу. От ужаса у нее подкосились ноги, и Алита обмякла в его руках, понимая, что ее ведут убивать, и что теперь это на самом деле — все. Никто не придет и не поможет.

— Э, так дело не пойдет, — сквозь прежнюю мягкую расслабленность в голосе Мико

завучало раздражение, и он ударил Алиту по щеке: резко, яростно, вложив в пощечину всю скопившуюся злость. — Давай, гадина, двигайся! Шевели ногами!

Открыв дверь, Мико вытолкнул Алиту в мрачный коридор. Свет едва проникал в узенькие, затянутые паутиной и мусором окна под самым потолком. Споткнувшись о порог, Алита упала и растянулась на полу. Мороженщик подошел и несколько раз ткнул ее по ноге носком узкого щегольского ботинка — уже без злости.

— И под ноги смотри, — сказал он с прежней мягкостью и протянул ей руку. Алита оперлась на нее и медленно встала на ноги. Почему-то падение прояснило ее разум: туман рассеялся, и страх ослабил грызню. Алита подумала, что раз уж ей предстоит умереть, то ее смерть не принесет Мороженщику радости. Видимо, Мико это понял, потому что пристально посмотрел на Алиту и добавил:

— Лучше не пробуй сбежать. Умрешь уставшей, — он указал на соседнюю дверь и произнес: — Иди, приведи себя в порядок. Воды там в избытке. Я подожду.

За дверью обнаружилось помещение, которое служило бывшим обитателям этого места туалетом. По стене, в полуразрушенной каменной трубе, струился бодрый ручей, падал в выбитую в камне канавку и скрывался под такими же каменными стульчаками. Стена напротив двери была почти разрушена, открывая вид на горы, который в любое другое время Алита сочла бы удивительным по своей красоте. Она никогда не видела гор — розовый свет утреннего солнца медленно стекал по каменным глыбам, выступающим из тумана, растрепанные перышки облаков скользили по беззаботному синему небу, и вся картина, открывшаяся Длите, несла на себе печать томного южного очарования.

Но Алита не планировала любоваться пейзажем. Справив нужду и умывшись ледяной водой из ручейка, она подошла к пролому и выглянула наружу. Над Алитой громоздились тяжелые грубые башни — должно быть, когда-то это была неприступная крепость, но теперь славные времена были в прошлом: в обвалившихся стенах зияли провалы, поросшие молодыми деревцами, и та часть замка, в которой находилась Алита, выглядела сохранившейся лучше всего. Алита свесилась из провала, пытаясь увидеть склон, и едва не вывалилась, когда в дверь сзади постучали.

— Ты там жива?

Прикосновение страха было острым, но в то же время почти привычным. Теперь, когда она решила не сдаваться на милость победителя, было ясно, что страх скоро уйдет.

— Жива! — крикнула Алита. — Сейчас выйду!

Она не поняла, что случилось потом, и отчего небо, край солнца над горами, каменные глыбы и клочья тумана вдруг завертелись пестрым рваным куполом ярмарочной карусели. О том, что покрытый грязью, паутиной и крошечным край стены, на который оперлась Алита, не выдержал ее веса и рассыпался, она поняла уже потом, после того, как бешеное вращение мира перед глазами остановилось. Резкая и неожиданная тишина, охватившая горы после того, как Алита выпала из башни, взорвалась гомоном утренних птиц, журчанием ручейка, дальними вскриками животных в лесу. Алита видела над собой распахнутый зонт неба, причудливо искривленные ветви кустарника, зеленые колонны сосен и не понимала, отчего не чувствует земли.

«Я до сих пор падаю, — вдруг подумала Алита, и в этой мысли не было никаких эмоций. — Я разобьюсь на этих скалах, никогда не вернусь домой и никогда...»

Внезапно она поняла, что золотистое сияние, которое наполняло воздух вокруг, не было солнечным светом — его испускало нечто, похожее на большой мыльный пузырь: охватывая

тело Алиты, он держал ее в десятке сантиметров над землей, не позволяя упасть на траву. Алита ахнула от изумления, и пузырь звонко лопнул, рассыпав по земле дождь желто-рыжих искр. Алита шлепнулась на траву, зашипела от боли в спине и тотчас же вскочила на ноги и осмотрелась. Она стояла возле подножия горы, верхушку которой, подобно старой короне, и венчал замок.

Должно быть, Мико-Мороженщик изрядно удивится, когда войдет-таки в туалет и увидит, что клетка опустела, а птичка улетела. Алита издала короткий радостный возглас и продемонстрировала замку торжествующий непристойный жест, подхваченный у обитательниц дома мадам Бьотта.

Впрочем, глазеть по сторонам было некогда. Подхватив юбки, Алита выбралась из кустов, изодрав и чулки, и ноги, и, выйдя на тоненькую, почти незаметную тропинку, бросилась бежать. Пузырь, спасший ее во время падения, по всей вероятности имел ту же природу, что и алая вспышка, поразившая скандального франта; чудом не цепляясь за камни и перепрыгивая через коряги, Алита неслась вниз по склону горы и думала о том, что ее способности злонамеренной ведьмы проявляются тогда, когда жизни угрожает опасность.

Но ее удача полностью исчерпалась в момент падения. Алита успела почувствовать горячее дыхание на голове и почти обернулась, когда маленький шарик, пламенеющий красным, ударил ее в затылок. Девушка свалилась в траву и застыла. Мико-Мороженщик спускался из замка с размеренной медлительностью падающего осеннего листка — артефакт, который он держал в руке, позволял ему левитировать.

— Я же говорил, — произнес он, когда подошвы ботинок коснулись земли. — Умрешь уставшей.

— Это все голос. Голос в моей голове.

Алита не хотела открывать глаза. Пока блуждаешь во мраке, все не так страшно, ты не видишь опасность и можно верить, что ее не существует. Но стоит открыть глаза и посмотреть, как окажешься с ней лицом к лицу. Поэтому Алита старательно сжимала веки — а Мороженщик с невероятной аккуратностью и заботой укладывал ее на что-то твердое и теплое, похожее на каменную плиту, прогретую солнцем.

— Он рассказывает мне, что нужно сделать и как. Где встретить очередную дрянь, куда ее привести, как оттрахать и как прикончить, — продолжал Мико, и в его голосе слышалась грусть и чуть ли не сожаление. — А тебя я увидел в Блюдце. И голос сказал, что с тобой сделать.

Алита шмыгнула носом и все-таки открыла глаза и увидела, что лежит на огромной каменной глыбе, напоминающей архаический алтарь. Выбитые в камне желобки и иероглифы покрывал тонкий слой рыжеватой пыли. Алита повернула голову: камень стоял в центре зала, высокие стены которого терялись где-то вдалеке, а потолок давным-давно обрушился, и теперь Алита могла видеть, как по синеве плывут клочки облаков.

— Я не собираюсь тебя трахать, — Мико-Мороженщик выступил откуда-то из-за камня и аккуратно провел по лбу Алиты влажной тряпкой. Прикосновение оставило легкий прохладный след. — Потерпи, осталось недолго. Скоро полдень.

Он произнес «полдень» с настолько алчной тоской, что Алиту передернуло. В живот и запястья тотчас же впилось что-то горячее и шершавое, похожее на грубую веревку, и Алита взвизгнула от боли, словно в нее плеснули кипятком. Мико ухмыльнулся.

— Тебя держит заклинание, птичка. Будешь трепыхаться — нитки тебя перережут, — сказал он. — А ты не должна умереть раньше полудня.

Алита прикрыла глаза. Совершенно некстати вдруг захотелось есть: она вспомнила, что в последний раз ела вчера утром, в доме Лефевра, и вдруг поняла, что полностью осознает себя и готова действовать. Голод пробудил в ней стремление сражаться.

В конце концов, если смирился со скорой смертью, то вряд ли захочешь жрать.

— И как я умру? — спросила она. Красивые губы Мико дрогнули в улыбке.

— Мы с тобой в монастыре Куазон, — сообщил он. — Его построили еще до принятия единой веры. Говорят, его построили даже тогда, когда еще и людей-то не было, — Мико сделал паузу и еще раз провел тканью по лбу Алиты. На этот раз прикосновение отозвалось не прохладой, а теплом. — На этом месте сотни лет приносили жертвы древним богам, настолько ужасным, что ты умрешь от страха, если только услышишь их имена. И если я принесу жертву одному из них на древнем месте силы, то он заберет этот голос. Выкинет его прочь из моей головы.

Голос Мико снова дрогнул. Алите показалось, что она видит правильный путь сквозь туман — во всяком случае, она точно знала, что он там есть.

— Я знаю того, кто с тобой говорит, — сказала она. Мико посмотрел на нее с легким проблеском интереса в глазах, и Алита продолжала: — Видишь ли, мы с ним знакомы. Этот человек отправил меня сюда. В твой мир, в Сузу.

Она сделала паузу и, когда Мико кивнул и произнес «Продолжай», Алита поняла, что это крошечная победа.

— Понимаешь, я была обычным человеком, — промолвила она, стараясь говорить максимально искренне и проникновенно. — Жила с мужем, работала, верила, что у меня все будет хорошо. А потом мой муж, Никитос, решил от меня избавиться. Закрутил роман с моей лучшей подругой... — Алита сделала паузу, прикрыла глаза. Кажется, пока все двигалось в нужном направлении. Она пыталась стать для Мороженщика не предметом и декорацией, а человеком. Живым существом с радостями и горестями. — И тот, чей голос ты слышишь, выкинул меня из моего мира в твой. Он заставляет тебя убивать, чтобы писать о тебе книги. И если ты меня убьешь, то голос не исчезнет. Это будет просто очередная глава, — она усмехнулась, думая о том, что сделает Мороженщик, когда ему надоест слушать. А ему рано или поздно надоест. — «О том, как Мико хотел избавиться от своей болезни и зарубил еще одну шлюху». Только вот болезнь никуда не делась.

Мороженщик молчал, аккуратно складывая тряпку, которой протирали Алитино лицо. Сложив ее, он встряхивал тряпку за уголок, старательно расправлял и принимался складывать снова. Где-то высоко-высоко щебетала беззаботная птичка, и Алита вдруг подумала, что умирать вот так, когда кругом солнце, тепло, горы и зелень, очень обидно.

— Меня зовут Клод, — отстраненно сказал он. — Клод Ренард. Откуда ты знаешь, как я выгляжу?

В горле запершило. Алита откашлялась, мельком подумав, что торжествовать пока рано, и ответила:

— А меня зовут Алита Росса. Я видела твое лицо на обложке книги. И знаю все детали твоих преступлений, и все, что ты думал, когда убивал тех женщин, — она подарила Ренарду сочувствующую улыбку и пояснила: — Мой муж был фанатом этих книжек и меня заставил все прочитать. Голос никуда не денется, Клод. Его обладатель зарабатывает на тебе деньги. Тебя имеют по полной, уж извини.

Алита сказала это и сразу же испугалась, что Ренард такого уж точно не потерпит. Однако он настолько растерялся, что ничего не стал делать — просто стоял и по-прежнему

разворачивал и сворачивал тряпку. «Если выживу и вернусь домой, — подумала Алита, — то пойду в переговоры с террористами». Она наговорила уйму всего серийному убийце и до сих пор была жива — черт возьми, это действительно был успех.

— Тебя заставили, Клод, — с искренним сочувствием сказала Алита. — Ты не был чудовищем, тебя сделали им. Для того, чтобы писать книжки для сорокалетних девственников. Деньги зарабатывать на том, что тебя мучит.

Ноздри Ренарда нервно дрогнули. Алита вдруг подумала, что сейчас она любит жизнь и хочет жить так, как никогда прежде.

— Ты одержимый, — продолжала Алита. — Несчастный страдалец, а не убийца. Я обещаю, что помогу тебе. Сними это заклинание, и пойдем домой.

По усталому лицу Ренарда скользнула тень, и, когда он поднял голову и взглянул на Алиту, она поняла, что на нее смотрит уже совсем другой человек: злобный, хитрый, тот самый, который подписал книгу для Никитоса и выкинул Алиту сюда.

— Умная девочка, — быстро и монотонно заговорил Ренард — так, словно читал на скорость. — Умная и хитрая, только оказалась набитой душой тогда, когда дело касалось мужа. До сих пор не поняла, почему он тебя сюда отправил? Да потому, что он тебя ненавидел! Тебя, твою тупую рожу, твою стряпню, которой только свиней кормить, твою жирную задницу, твоих подружек, твои патлы рыжие! А вот твои деньги он любил, работала ты хорошо и много. Начала с секретутки, а через три года уже начальник отдела. Без койки, только за труды праведные. И квартиру твою он тоже любил, и машину, на которой по своим шалавам катался. Вот как бы оставить себе деньги, квартиру и машинку, но никогда больше не видеть твоей поганой хари?

Ренард вскинул руку и схватился за горло. В его бледно-голубых глазах мелькнуло отчаяние. Алита слушала и не чувствовала ничего, кроме боли в груди — мерзкой, тянущей боли. Кажется, по щеке пробежала слеза. Развалины замка отодвинулись и медленно уплыли в туман: теперь в мире Алиты не было ничего, кроме растущего горя. Монотонные слова Ренарда были ударами: раз, другой, третий — а Алита не могла поднять рук и заслониться. Она вообще ничего не могла.

— Умные мужики так и поступают. Выбирают трудолюбивую дуру с деньгами, вешают ей лапшу и садятся на шею, — продолжал Винокуров голосом Ренарда. — А дура потом никак одуплиться не может. Что ж я делаю не так, если такой хороший человек вдруг так себя со мной ведет? И если дура начинает надоедать, то ее надо выкинуть, сперва, конечно, поиграв. Посмотрев, до каких границ можно дойти. Знаешь, чего твой Никита хотел? В открытую спать с Ирккой, а ты бы просила прощения за то, что чего-то ему недодаешь, и вот он вынужден. Я, честно говоря, думал, что ты сдохнешь в том зоопарке. Живучая оказалась. Молодец. Живучая и хитрая. Я бы в твою голову залез, тобой бы поводил, — Ренард скользнул языком по губам и с сожалением закончил: — Только это невозможно, увы. У меня есть только Клод. И артефакты, которые говорят о том, что ему угрожает опасность.

Ренард умолк и нервно дернул головой, словно сбрасывал с себя нечто, причинявшее боль. Алита чувствовала, что после слов Винокурова ее будто покинула жизнь. Она, конечно, обо всем догадывалась, но теперь правду о ее семейной жизни швырнули ей в лицо, открыто и цинично, и на мгновение Длите показалось, что она захлебнулась в своем горе и уже умерла.

— Вот так, — сказал Ренард уже своим голосом и повторил: — Вот так...

В следующий миг он уже заваливался набок, судорожно скребя по груди скрюченными

пальцами. Из-за его спины разливалось тревожное голубое сияние, наполненное потрескиванием мелких белых молний. Ренард пробормотал что-то неразборчивое, его глаза закатились, и он рухнул на грязный пол зала. Голубое сияние окутало его, заключая в кокон, и Алита увидела Лефевра, который медленно входил в зал, держа в выброшенной вперед руке предмет, отдаленно похожий на револьвер. За его спиной двигались тени, в которых различались далекие силуэты людей.

«Мне это снится, — подумала Алита. — Мне просто это снится».

И, погрузившись в обморочную глубину своей боли, она не увидела, как, обогнув Лефевра, в зал вбежал принц Рекиген и бросился к алтарю. Лефевр опустил свое оружие — артефакт для ближнего боя, парализующий противника и также позаимствованный в хранилище его величества. Мико-Мороженщик не подавал признаков жизни, но Лефевр знал, что через несколько часов он придет в себя уже на дыбе.

В зале как-то слишком внезапно стало оченьлюдно: появилась местная полиция, люди из опорного отряда инквизиции, телохранители принца — узнав о том, что Мороженщик отправился с заложницей в горный монастырь, Рекиген отправил телеграмму в округ и поднял чуть ли не всех, способных держать оружие. Лефевр испытал тень признательности, не больше.

— Забирайте свою нареченную, ваше высочество, — промолвил Лефевр. — А этот — мой.

И сам не понял, чего в его словах было больше: злобы или горя.

Глава 6. Настоящее имя принцессы

Разумеется, появление в столице принца Рекигена и спасенной им девушки вызвало безграничный восторг у всех жителей города. Еще бы — вырвал любимую из лап чудовища, проявил ради нее чудеса героизма и оказался не просто избалованным прожигателем жизни, а прямо-таки легендарным победителем монстров. Повторно отправлять Алиту через туннель в пространстве, проложенный артефактом, было опасно, и Рекиген с невестой поехали домой обычным поездом. На вокзале их встречали с цветами и оркестром.

Лефевр узнал об этом только через два дня. Когда Рекиген вынес Алиту из алтарного зала, он подбросил кусок разрыв-камня, открыл туннель в пространстве и отправился в допросную главного отдела инквизиции, прихватив Мороженщика. Дело было практически закрыто — сложное и неприятное дело, о которое сломали зубы несколько следователей, но Лефевр почти ничего не чувствовал. Тьма, что несла их в туннеле, почти ничем не отличалась от тьмы в его душе.

Появившись в инквизиции, Лефевр отдал Мороженщика младшему персоналу для подготовки к допросу и пошел в крошечную кофейню на втором этаже: кофе сейчас был тем волшебным эликсиром, который вернул бы его к жизни. Лефевр настолько вымотался, что никак не мог сообразить, какое время суток на дворе: то ли поздний вечер, то ли раннее утро. И какой вообще день? Неужели длится все тот же? Казалось, что с его завтрака с Алитой прошла целая вечность — горькая и тяжелая вечность со взорванным экипажем и тошнотворной вонью разрыв-камня.

Это все-таки был вечер, и Лефевру следовало догадаться об этом по разнице во времени с другой окраиной Сузы. «Все-таки путешествия через туннели не очень хорошо влияют на мозги», — устало подумал он, заказав чашку кофе и усевшись возле окна. Зевающий бармен прибавил огня в крошечной плитке и взял чистую турку, а Лефевр посмотрел на висящие над стойкой часы и с усмешкой вспомнил, как какой-то час назад его высочество вывалился за ним из туннеля и несколько мгновений изумленно щурился на южное солнышко.

Должно быть, они уже вынесли Алиту из замка. Наверно, она уже пришла в себя и с удивленным восторгом смотрит на своего спасителя и — о, чудеса Господни! — жениха. Все девушки, от скотниц до герцогинь, мечтают выйти замуж за принца, и Длите повезло. Бармен поставил перед Лефевром кружку с кофе — крепким, антрацитово-черным, от одного запаха которого волосы поднимались дыбом — и отправился дремать за стойкой. Лефевр сделал несколько глотков и подумал, что вся его ненависть и злость куда-то испарились. Совсем недавно он хотел вытянуть Мороженщику кишки через ноздри, а сейчас вообще ничего не хочет. Алита была жива, изувер пленен, и дело почти закрыто. Государь Ахонсо может готовить орден святого Горго, обещанный за поимку злодея.

«Пусть повесит его принцу на задницу», — мрачно подумал Лефевр, осушил кружку и поднялся. Ничего не хотелось. Абсолютно ничего.

Мико-Мороженщик уже был готов к допросу: висел на дыбе, смотрел весело и проницательно. Лефевр разогнал младший персонал — несмотря на поздний час, помощников набежало человек десять, всем хотелось посмотреть на знаменитого живодера — и, оставив только секретаря, подошел к Мороженщику. Ведь встретишь такого на улице и не подумаешь, что он в свободное время зверски насилует женщин, а потом избивает их, чем придется. С таким интеллигентным, располагающим лицом сидят в библиотеках,

конструируют дирижабли нового поколения и читают лекции в университетах.

— Имя? — спросил Лефевр. Мороженщик качнул головой так, что в его положении это все-таки было похоже на вежливый поклон, и ответил:

— Клод Ренард, к вашим услугам. Готов отвечать на все вопросы без применения подручных средств, — он посмотрел в сторону пыточного инструментария, заботливо выложенного около дыбы, и в его глазах мелькнуло нечто, похожее на страх. Далекий, почти неуловимый страх.

Лефевр кивнул.

— Ну и замечательно. Вас обвиняют в зверских убийствах шестнадцати девушек за последние два года и похищении ее высочества Алиты Сузианской и Гилимерской, — в горле запершило, и Лефевр машинально прикоснулся к шее. — Вам есть, что рассказать по этому поводу?

Ренард улыбнулся.

— Ее высочество — это ваша осведомительница? — Лефевр кивнул, и Мороженщик спокойно сообщил: — Она обещала помочь мне.

Секретарь презрительно хмыкнул и тотчас же снова опустил лицо к бумагам.

— Ее высочество не распоряжется в моей допросной, — холодно промолвил Лефевр. Алита все-таки молодец: убалтывала его, обещала горы золотые и тянула время. Не сдалась и не испугалась. Молодец. — Тут вам может помочь только честность.

— Разумеется, — произнес Ренард. — Да, господин следователь, я действительно убил всех этих женщин и похитил ее высочество Алиту. Впрочем, если бы не ваше внезапное появление с треском и блеском, то я бы ее отпустил. Она меня убедила.

Лефевр прикрыл глаза.

— Почему вы делали все это? — спросил он. — Страсть, доходящая до крайности? Ненависть к женщинам? Что?

Ренард вдруг криво оскалился и рванулся к Лефевру. Конечно, наручники удержали его, но резкое движение все равно производило впечатление. Секретарь охнул от неожиданности, а Ренард уставился в лицо инквизитора и негромко прошипел:

— Этот Клод просто дурачок. Больной человек с расстройством мышления. Я попал на него случайно и решил остаться.

Голос — неприятный, старческий, шипящий — не принадлежал Ренарду, и Лефевр ощутил мгновенный озноб, догадавшись, кто именно с ним говорит. Первым побуждением было схватить нож и загнать под сердце Мороженщика: Лефевр с трудом смог его подавить. Секретарь выронил перо и забормотал молитву. Он решил, что на дыбе висит одержимый, и демон, забравшийся в него, может вырваться в любую минуту.

— Здравствуйте, Винокуров, — прищурился Лефевр. — Как поживаете? Как книги продаются?

Во взгляде Ренарда мелькнуло искреннее уважение: он оценил соперника, и оценка оказалась высокой.

— Неплохо, неплохо, — сказал он. — Я доволен.

— Хитрая вы сволочь.

— Ну еще бы.

— Как же вы попали в голову Клода?

Ренард мечтательно ухмыльнулся.

— Верите ли, господин инквизитор, совершенно случайно. Про мое перышко вы уже в

курсе, да? — Лефевр кивнул, и Ренард продолжал: — Я однажды подумал, что будет, если сказать ему: «Дорогое перо! Найди человека, который станет моими глазами и ушами в Сузе!» Я сказал, но оно не отзывалось пять долгих лет. А потом нашло этого Клода Ренарда, психически больного человека, и каким-то образом соединило наши сознания.

Секретарь опомнился и принялся записывать с такой скоростью, что перо закрипело на все здание.

— Я еще много чего пробовал попросить у пера, — произнес Ренард, — но увы, больше ничего не вышло.

— Как оно вообще к вам попало? — поинтересовался Лефевр. Ренард задумчиво повел плечами и тотчас же скривился от боли, пронзившей тело.

— Купил у старьевщика. Мне понравился корпус из красного дерева, — ответил он. — А потом обнаружил, что им очень удобно писать разные истории. Вдохновение накрывало, образы так и мелькали. Я уже после догадался, что оно показывало ваш мир.

— Клод Ренард несчастный сумасшедший, — угрюмо сказал Лефевр. Желание загнать нож в убийцу появилось снова: пока еще слабое и тихое, но он знал, что оно станет крепче и настырнее. — Не стыдно было заставлять его убивать?

Ренард ухмыльнулся.

— Вы знаете, нет. Не стыдно. Он стал героем одной из лучших книжных серий нашего мира и получил бессмертие.

Лефевр понял, что сейчас ударит. Презрительное равнодушие Винокурова действительно было каким-то демоническим. Человек не может быть таким.

— Шестнадцать девушек погибли, — сказал он, стараясь сдерживать ярость, но она все-таки звенела в его голосе. — Шестнадцать девушек отдали свои жизни. Неужели это для вас ничего не значит?

— Шлюшки. Кому они нужны?

Лефевр вдруг увидел себя со стороны: рука все-таки взяла тоненький нож и полоснула Ренарда по груди. Неглубокая царапина тотчас же взбухла каплями крови, но Ренард не почувствовал боли — он рассмеялся и произнес:

— Какие мы нервные, надо же. Да, шлюшки. Обычные потаскухи. А эта Алита просто дура. Муж уже не знал, куда от нее деваться. Вечно лезла со своими слезами и непониманиями.

Лефевру понадобилось невероятное усилие воли, чтобы опустить руку. Некоторое время он стоял молча, пытаясь совладать с собой, а Ренард вдруг рассмеялся еще громче, и в его визгливом смехе не было ничего, кроме презрения.

— Конечно, как я сразу не догадался! Ты ее трахал, да? — Ренард резко втянул носом воздух, и его бледное лицо снова растянуло болезненной ухмылкой, будто сам Мороженщик не хотел гримасничать, но чужая воля управляла его мимикой, и это причиняло ему боль. — На тебе до сих пор ее запах... Еще одна шлюха. Говорила, что любит мужа, а сама уже под другого легла.

Щелчок отпавшей челюсти секретаря слышали, должно быть, на другом конце города. Он слепо нашарил выпавшее из руки перо и несколько минут пытался собраться с мыслями и продолжить записи. Лефевр сочувственно улыбнулся.

— Как ты узнал, что мы составили портрет Мороженщика? — спросил он. Ренард сознательно провоцировал его, но Лефевр поклялся, что больше не поддастся. Дьявол говорит правд устами ангельскими и человеческими, но слова его зло и яд.

— Мы с Клодом собрали кучу защитных артефактов, — с гордостью сообщил Ренард.

— Они давали сигнал, когда приближалась опасность. Одним из них было блюдо с яблочком, зачарованное особым образом, чтоб тебе было понятнее. Оно и показало эту дуру. Хотя нет. Сонечка Тимофеева все-таки не дура. Сгнуть бы ей в клетке, а нет. Ловко тебя за яйца взяла.

Лефевр вдруг обнаружил, что стиснул челюсти так сильно, что голова начала гудеть — только после этого он понял, что Ренард назвал настоящее имя Алиты. Сонечка Тимофеева. Не Солия и не Сокия, как привиделось Лефевру, а София. Это понимание было похоже на удар в висок. Ренард пристально взглянул в лицо инквизитора и негромко произнес по-русски, должно быть, решив, что Лефевр его не поймет:

— Да. Софья Тимофеева. Только тебе это ничем не поможет. Одного имени мало, чтобы открыть ход между мирами. Но даже если ты и выкопаешь артефакт, который для этого нужен, — Ренард рассмеялся, тонко и хрипло, и продолжал: — Ты все равно ее не отпустишь.

Лефевр с нарочитым безразличием пожал плечами и ответил тоже по-русски — и этот ответ навсегда стер презрительную улыбку с лица Мороженщика:

— Отпущу. Можешь не сомневаться.

И вонзил-таки нож под ребро Ренарда — глубоко, по самую рукоятку.

Разумеется, никто не осудил поступка Лефевра. Убийца, да к тому же одержимый демоном, заслуживал только такого финала. Господин Ульфнар прямо сказал, что Лефевру следовало использовать не нож, а многозарядный револьвер, и не в допросной, а прямо в алтарном зале. Лефевр сказал, что так бы и поступил, но Суза все-таки правовое государство, так что приходится блюсти формальности. На том и порешили, и Лефевр, сдав отчет о деле Мороженщика, отправился домой.

Господин Ульфнар дал ему несколько дней отпуска, и первый день Лефевр провел, отсыпаясь: он с удивлением обнаружил, что дефицит сна у него просто колоссальный. На второй день Лефевр решил приняться за работу и написал послание профессору Гундеготту:

«Дорогой друг! Как вам должно быть известно из газет, дело Мороженщика закрыто. Но моя работа продолжается, и я снова нуждаюсь в вашей помощи. Мне нужно узнать все о легендарных артефактах, которые считаются утерянными. Есть ли среди них такие, что находятся в земле? Буду очень признателен, если вы пришлете мне книги о них. Интересует любая, даже самая абсурдная информация».

Лефевр был уверен, что Винокуров не просто так сказал «выкопаешь артефакт». Он проболтался, будучи свято уверенным, что инквизитор не говорит по-русски. Что ж, это давало Лефевру надежду. Впрочем, когда он увидел грудку книг, которую пыхтя и отдуваясь, приволок посыльный, его энтузиазм слегка поубавился.

«Дорогой Огюст-Эжен! — писал профессор. — Вот вам для начала самые известные труды по артефакторике. Должен сказать, что вам предстоит очень большая работа: таких артефактов, какие вас интересуют, известно больше тысячи. Желаю успехов! К слову: принц уже знает об истинном происхождении своей невесты? Если нет, то советую вам хранить эту тайну сильнее, чем южные схизматики хранят свои духовные свитки».

Лефевр не мог не согласиться с профессором. Он не знал, зачем Алита понадобилась Рекигену, но тут и близко не было неземной любви, о которой уже рассыпались все газеты.

Бланк, приносящий господину кофе, долгое время воздерживался от вопросов, всем своим видом показывая, насколько сильно его грызет любопытство, но в итоге все-таки не вытерпел и поинтересовался:

— Простите мою дерзость, милорд, но как же миледи Алита оказалась невестой принца?

— Бланк, я превращу тебя в лягушку, — отстраненно сообщил Лефевр, не отрываясь от книги. — Это отучит тебя задавать глупые вопросы.

Бланк приподнял левую бровь: при его невозмутимости это означало высшую степень изумления.

— Хорошо, превращайте, — сказал он. — Но перед этим утолите мое любопытство.

— Пошел вон, — с прежней отстраненностью ответил Лефевр, переворачивая страницу. Бланк пожал плечами и удалился. Когда за ним закрылась дверь, Лефевр отодвинул книгу и устало откинулся на спинку кресла. Видит Господь, он не собирался думать об Длите. Они с принцем вернулись в столицу утром и стали героями, и Лефевру оставалось только надеяться, что Алита будет осторожной и не кинется в омут с головой от радости, что принц сделал ей предложение.

Принцы не женятся на свинарках и приказчицах публичных домов. А если все-таки и женятся, то это ой как неспроста. Хорошо бы Алита поняла это.

В дверь осторожно постучали, и вошел Бланк: теперь он был удивлен настолько сильно, что загнулся за край ковра, чего с ним отроду не бывало.

— Милорд, к вам ее высочество Алита, — промолвил он. Голос дворецкого дрожал от изумления и непонимания, и Лефевр вдруг подумал, что испытывает сходные чувства. Он поднялся и сказал:

— Так пропусти ее сюда, что стоишь?

Бланк отступил в сторону, и в кабинет вошла Алита. Лефевр несколько мгновений смотрел на нее и не узнавал. Вроде бы это была та же самая Алита, которую он вытащил из клетки, и в то же время легкая изящная красавица, стоявшая у дверей, не имела никакого отношения к той девушке. Красавица так и искрилась счастьем. Она была словно луч весеннего солнца; подумав так, Лефевр сразу же выругал себя за банальщину и сказал:

— Здравствуйте, Алита.

Бланк вышел из кабинета, и в коридоре тотчас же послышалось шушуканье служанок. Лефевр набросил на дверь заклинание, не позволяющее подслушивать, и произнес:

— Я очень рад вас видеть.

Алита подошла к нему и несколько минут стояла почти вплотную, не говоря ни слова и просто глядя в глаза.

— Здравствуйте, Огюст-Эжен, — наконец, промолвила она. — Я ведь так и не успела вас поблагодарить. Если бы не вы...

Лефевр спросил себя, можно ли взять ее за руку — теперь, когда Алита стала невестой принца. Подумал и взял. Алита не отстранилась.

— Пустяки, — сказал он со всей возможной небрежностью. — Это моя работа, спасти девушек от чудовищ. Как вы, Алита?

В карих глазах мелькнуло что-то далекое и грустное.

— Мне надо с вами поговорить, Огюст-Эжен, — сказала она. — Принц Рекиген сделал мне предложение. И я согласилась.

Лефевр прекрасно знал, что Алита не ответит принцу отказом, но услышанная новость

все равно оказалась для него ударом. Одно дело строить догадки, другое — столкнуться самому. Он мог понять Алиту: муж каждый день говорил ей, что она дура, которую никто и никогда не полюбит, а тут целый принц замуж зовет.

— Я могу вас только поздравить, — сухо проговорил Лефевр. Держать руку Алиты в своей лапице было уже неловко, но он никак не мог заставить себя выпустить ее. — Насколько я знаю, его высочество Рекиген неплохой человек. Думаю, он сможет сделать вас счастливой.

Алита смотрела на него так, словно он подал ей жабу вместо пирожного. Лефевр подумал, что не понимает женщин. Вообще не понимает.

— Вы действительно так считаете? — спросила она. Холода в ее голосе хватило бы на все морозильные погреба столицы. Лефевр выпустил ее руку, и Алита опустилась на диван и произнесла: — Вы уверены?

Лефевр отошел к книжному шкафу и прислушался. В соседней комнате кто-то настойчиво возил по стене стаканом, пытаясь подслушать происходящее в кабинете. Должно быть, Луиз.

— Хотите правду? — спросил он, не оборачиваясь к Длите. Он не понимал, что за чувство, горькое и знобящее, растет в нем, но точно знал, что не может его удержать. — Не знаю, как в вашем мире, а в нашем принцы берут в жены ровню. Они женятся на принцессах соседних государств или на местных герцогинях, если принцесс не осталось. Но за всю историю ни один из них не взял в жены девку из публичного дома.

Он услышал, как зашуршало платье: Алита поднялась с дивана и подошла. Лефевр вдруг почувствовал запах ее духов, легкий и сладкий.

— Посмотрите на меня, Огюст-Эжен, — потребовала она. — Раз уж говорите правду, то говорите ее мне в лицо.

Лефевр повернулся к Длите и тотчас же получил пощечину: крепкую, звонкую, от всей души. Алита смотрела на него и едва сдерживала слезы. Ее губы и кончик носа дрожали.

— Вот кем ты меня считаешь, — негромко сказала она, и первая слезинка все-таки сорвалась с острых темных ресниц. — Девкой из публичного дома.

Лефевр потер щеку и вдруг понял, что сейчас возьмет Алиту за плечи и как следует встряхнет, чтобы выбить дурь из головы.

— Да тебя вся Суза считает девкой из публичного дома, — произнес он, взяв себя левой рукой за правое запястье, чтобы не вцепиться в девушку. — Ты никогда, ни при каких обстоятельствах не будешь ровней людям из высшего света, хоть принцессой стань, хоть королевой. Не бывает тут прыжков из дерьма в повидло. И Рекиген это прекрасно понимает. Ты нужна ему для каких-то иных целей. Я не знаю, для каких, но мне они уже не нравятся.

Алита молчала и смотрела так, что Лефевр готов был провалиться сквозь землю. Ей было больно. Невероятно больно. Лефевр понимал, что делает с ее чувствами в эту минуту: старательно подтверждает слова Никитоса о том, что Алита не достойна ничего хорошего. Она не слышит предупреждения — она слышит только то, что ее считают ничтожеством.

— Ты ревнуешь, — промолвила Алита, отведя взгляд. — Ревнуешь, только и всего. Лефевр усмехнулся.

— Да, ревную, — признался он и удивился тому, насколько легко у него это получилось. — Но дело не в этом, Алита. Дело в том, что ты смогла спастись от одного душегуба и можешь попасть в ловушку второго. И мне за тебя страшно.

Лицо Алиты стало похоже на маску горя — некрасивую, смятую маску.

— И что ты предлагаешь? — спросила она. Лефевр прекрасно понимал, что он может предложить хоть луну с неба — это не поможет.

— Откажись, — все-таки произнес он. — Ну не бывает такой любви, чтобы после единственного свидания так кидаться на человека. Пусть Рекиген выберет кого-то еще, чтобы столкнуть в пропасть.

Алита кивнула — не соглашаясь, просто принимая его слова.

— Я тогда просто использовала тебя, Огюст-Эжен, — негромко, но отчетливо промолвила девушка, не глядя на Лефевра. — После того видения в Блюдце мне нужно было понравиться хоть кому-то. Поднять самооценку. Она у меня и так неведомо, в какой яме. Извини.

Это было похоже на дуэль. Алита сейчас отбивала удар: ей сделали больно — и она тоже хотела причинить боль. Вот только она не знала, что никакой дуэли не было. Лефевр не хотел ее ранить.

— Я знаю, — откликнулся он, пытаясь собраться с силами и превозмочь собственную муку. — Это сейчас не имеет значения, Алита. Важно то, что принц сделает тебя пешкой, а ты даже правил игры не узнаешь. Просто потому, что захотела утереть нос бывшему мужу. Дескать, гляди, Никитос. Ты меня обезьяной звал, а меня принцы в жены берут, — Лефевр неожиданно обнаружил, что как-то сразу и окончательно утратил самообладание и уже почти кричит. — Только Никитос будет твою подружку валять и ни о чем не узнает.

Он понял, что попал в яблочко и поразил Алиту в самую глубину души, когда она вдруг вскинула руки к груди, словно пыталась молиться или закрыться от него. Ее взгляд был настолько жалобным и несчастным, что Лефевр замолчал и осторожно прикоснулся к ее судорожно стиснутым рукам. Алита содрогнулась всем телом, но не отстранилась от него; Лефевр помедлил и обнял девушку, прижал к себе так, словно хотел закрыть собой от всего мира и самого себя в первую очередь.

— Прости меня, — выдохнул он в ее рыжие локоны. — Прости, я не должен был этого говорить.

Алита была напряжена настолько, что Лефевру показалось, будто он держит восковую куклу. Слова, которые они сейчас наговорили друг другу, висели в кабинете горьким серым дымом, и Лефевр знал, что никакая сила не сможет вернуть того, что они только что разрушили.

— Ты прав, — негромко откликнулась Алита. — Только больше ничего не говори.

— Алита...

— Молчи, Огюст-Эжен. Господа ради, молчи.

Так они стояли несколько долгих минут, а потом Алита повела плечами, освобождаясь из рук Лефевра, и направилась к двери, глядя вниз и не обращая внимания на то, что слезы полились еще сильнее. Она никогда настолько остро не понимала, что все кончено.

А на следующее утро Лефевр получил письмо из государственной канцелярии: принц Рекиген приглашал его стать своим шафером. И вот теперь это было действительно — все.

— Ну, рассказывайте, миледи. Кто вы, что вы.

Его величество Ахонсо удостоил Алиту персональной аудиенции в той части оранжереи, где выращивали белые розы — те самые крупные растрепанные розы сорта «Фаола», которые красовались на каждом изображении Богородицы и означали чистоту и непорочность. Личный помощник государя, проводивший Алиту к месту аудиенции, отдал ей короткий поклон и скрылся. Ахонсо сидел на скамейке и доброжелательно, но

пристально рассматривал девушку. Хоть убей, он ничем не напоминал великого государя, который в молодости выиграл две мировые войны и поднял страну из руин и пепла к нынешним высотам. Седой, высокий, наполненный каким-то невероятным спокойствием, он был похож на деда, который ждет внука с уроков: обнаружив это, Алита сразу же перестала волноваться и выпустила цепочку пояса, которую нервно крутила до этого.

— Не стоит так беспокоиться, — заметил Ахонсо и похлопал по скамейке сухой желтоватой ладонью. — Садитесь-ка, и поговорим по-простому, по семейному.

Алита послушно опустила на скамью и спросила:

— А с чего начать?

Ахонсо ободряюще улыбнулся.

— Для начала расскажите, откуда вы. Когда Рекиген прибежал ко мне и выпросил разрешение жениться, моя служба безопасности сразу же взялась за работу. И не обнаружила в Сузе семей с фамилией Росса. Ни дворянских, ни мещанских, никаких. А ваша официальная история начинается с отчета милорда Лефевра по делу Ятти Яаппи, в котором вы принимали самое непосредственное участие. Только говорите правду, я всегда вижу, когда человек темнит.

Алита смущенно развела руками.

— Если я вам скажу, что пришла из другого мира, вы мне поверите? — спросила она. Ахонсо одарил Алиту еще одним цепким, пронизывающим взглядом и мягко усмехнулся.

— Поверю, — неожиданно сказал он. — Конечно, это довольно необычно, но я вижу, что вы говорите правду.

— А как вы поняли, что это правда? — вдруг спросила Алита с совершенно непосредственным детским любопытством. Ахонсо слегка сдвинул манжет рубашки и, приоткрыв левое запястье, показал Длите крошечную татуировку: маленькое солнце с витыми лучами наливалось золотистым светом.

— Особое заклинание, — сказал Ахонсо. — Когда говорят правду, солнце желтое и горячее. А когда врут, оно синее и очень холодное. И чем же вы занимались в том своем мире?

Длите показалось странным, что государь так легко принял ее слова на веру, но она решила больше не задавать вопросов.

— Сначала училась, потом много работала, — сказала она. — У меня был муж, а детей не было. Мои родители погибли несколько лет назад.

Ахонсо понимающе кивнул. Где-то среди розовых кустов пискнула птичка и тотчас же замолчала. Алита почему-то отметила, что эти розы совсем не пахнут.

— Это очень достойно, что вы трудились, — отметил государь. — Мне, честно говоря, с некоторых пор претят наши высокородные лентяйки, которым даже рукоделие не по душе. Чем же вы занимались на работе?

— Продавала недвижимое, — ответила Алита. — Дома, квартиры, землю... Это было очень интересно. Вернее, не то что бы интересно, просто мне нравилось помогать людям. Это ведь серьезное дело, дом купить...

Она окончательно стушеввалась и умолкла. Ахонсо посмотрел на нее с благосклонным уважением и улыбнулся в усы.

— Вы ведь злонамеренная ведьма, правильно?

Алита кивнула и опустила глаза, уставившись на маленький кокетливый бантик на башмачке.

— Так получилось, — ответила она. — Я случайно столкнулась с каким-то господином на улице, попросила прощения, а он стал орать на меня, обзывать... Я не хотела причинить ему вреда, но... — Алита замялась, отчаянно понимая, что говорит какие-то глупости. — Оно само так вышло.

«Может быть, и хорошо, что глупости, — вдруг подумала она. — Ахонсо решит, что такая набитая дура не может стать женой его сына».

— Я всегда считал, что Рекиген приведет какую-нибудь легкомысленную кокетку с ветром в голове, — признался Ахонсо. — Учитывая, сколько времени он тратил на дам, иначе и быть не могло. А тут вдруг вы. Честно сказать, я удивлен.

Алита только руками развела: мол, что уж тут поделаешь.

— К тому же вы не врите, когда говорите, что пришли из другого мира, — продолжал государь. — В принципе, меня это не удивляет. За свою жизнь я повидал такого, что гораздо страшнее и опаснее госты из иной реальности. Сейчас для меня важнее то, что вы производите впечатление очень доброй и порядочной женщины. Не бойтесь открыть неприятную правду. Не стараетесь понравиться мне любой ценой. Как вы в бордель-то попали?

«Господи, — внезапно подумала Алита, и эта мысль была пронзительной, умоляющей и яркой, словно вспышка молнии. — Пусть он сейчас скажет, что я хорошая девушка, но в жены принцу ну никак не подойду. И тогда со всем этим можно будет развязаться...»

— Мне нужна была работа, — призналась она. — Кто бы взял на службу ведьму? А там нужна была приказчица. Обеспечивать бесперебойную работу заведения...

— Подождите, — перебил Ахонсо. — Вы же работали с милордом Лефевром?

— Я ушла из инквизиции, — сказала Алита. Вернулось воспоминание о дыбе, и она обнаружила, что у нее нервно задрожали ноздри. — Не поладила с коллегами.

Алита поняла, что готова расплакаться. Государь доброжелательно похлопал ее по руке.

— Ну, ну, — мягко произнес он. — Не надо слез, моя дорогая. Самое плохое уже позади.

— Ваше величество, — промолвила Алита. — Можно сказать честно?

Ахонсо кивнул, и Алита сцепила руки в замок на коленях и сказала:

— Дело в том, что я не люблю Рекигена. И вряд ли и он меня любит настолько, чтобы так прямо замуж звать. Кто он и кто я? Но вот он зовет, и от Мороженщика меня тоже спас Рекиген. Нет, вы не подумайте, я ему, конечно, благодарна. Он хороший человек. Но я не понимаю, чего именно он хочет. И мне очень не по себе.

Некоторое время Ахонсо пристально рассматривал Алиту, словно никак не мог понять, что она сказала именно это. Затем он добродушно рассмеялся, но Алита почему-то вся сжалась, будто этот смех обещал ей очередные мучения.

— Вы умница, моя дорогая, — сказал Ахонсо, отсмеявшись. — Какая же вы умница! Клянусь карами Господними, ни одна женщина не сделала бы таких выводов. Сам факт того, что принц предлагает руку и сердце, надевает шоры на глаза.

«Это не я умница, — мрачно подумала Алита. — Это мне Огюст-Эжен пытался втолковать. И я такая дура, что мы с ним разругались из-за этого навсегда».

Из-за розовых кустов показался давешний личный помощник. На подносике в его руках стоял хрустальный бокал с густой зеленой жидкостью, над поверхностью которой поднимались серые растрепанные нити пара. Ахонсо с мрачной миной осушил бокал, и

помощник снова скрылся за кустами.

— Отвар для сердца, — недовольно объяснил государь. — Приходится пить по часам. Старость не радость, знаете ли.

Алита понимающе кивнула.

— Я не знаю, что мне делать, — призналась она. Ахонсо одобрительно покачал головой.

— Скажите совершенно откровенно, — попросил он. — Какое впечатление на вас производит Рекиген?

Алита замялась, подбирая слова, а потом вдруг выпалила:

— Бабник, весельчак и душа компании. Но очень умный бабник, — и тут же поспешно добавила: — Извините.

Государь покачал головой. Его лицо сейчас было совершенно непроницаемым — маской из золотистого дерева с прорезанными морщинами — и Длите вовсе не хотелось узнать, что именно скрывается под этой маской. Отчего-то она была уверена, что там нет ничего, кроме густой тьмы.

— Верно, — согласился Ахонсо. — Рекиген очень умен и очень хитер. Уверю вас: гуляка и прожигатель жизни — это просто маска. На самом деле он очень серьезный, вдумчивый и ничего не делает просто так, из каприза. Я рад, что вы это поняли.

— Что же мне делать? — беспомощно спросила Алита. Никогда, даже в клетке зоопарка, она не ощущала такого знобкого ощущения того, что не владеет собственной жизнью. Ахонсо задумчиво пожал плечами.

— Насколько я понимаю, вы еще не нашли работу? — поинтересовался он.

— Нет, — вздохнула Алита. — Все настолько быстро завертелось, что я...

— Тогда я и предложу вам работу, — улыбнулся государь. — Ничего не бойтесь и спокойно выходите замуж за Рекигена. Указ об именовании высочеством я подпишу уже сегодня. Вы, моя дорогая, станете осуществленной мечтой всех женщин стать женой принца, и это очень важно. И в общественном, и в политическом смысле. Наши высокородные кумушки, конечно, будут громко фыркать в вашу сторону, но не стоит обращать на них внимания. Ваша работа будет заключаться в том, чтобы поставлять мне сведения о планах Рекигена. Вы будете знать их все, потому что играете в них ключевую роль, — Ахонсо негромко кашлянул, похлопал себя по груди.

— И меня очень интересует, что же на самом деле задумал мой амбициозный и очень умный младший сын. Ну как, согласны?

Алита улыбнулась, смущенно и жалко.

— А у меня есть выбор?

Ахонсо улыбнулся ей с прежней мягкой доброжелательностью.

— Пожалуй, нет, — ответил он. — Но с таким другом, как я, об этом не стоит переживать.

В столице уже третью неделю не прекращался проливной дождь, и город казался угрюмым и нахохлившимся, надвинувшим козырьки крыш на самые брови, а здесь, неподалеку от побережья Средиземельного моря, осень только-только начинала вступать в свои права. Она робко смывала зеленую краску с верхушек кленов, обнажая настоящий, кроваво-алый цвет листвы, удлиняла темно-синие тени деревьев и запускала по воздуху серебристые паутинки. Выйдя из туннеля, проложенного разрыв-камнем, Лефевр устало сел на горбатую спину серого валуна и подумал, что настолько частые перемещения в

пространстве при помощи магии наверняка прикончат его через несколько лет. Впрочем, это не имело значения: Лефевр всегда относился к жизни с определенным равнодушием.

Он сидел на валуне около четверти часа, отдыхая и любясь нежной зеленью маленькой сонной долины, лежавшей в раскрытых ладонях холмов. Овцы на пастбище казались крошечными облаками, упавшими из сонной синевы неба, от труб низких домиков с красными крышами поднимались растрепанные нитки дыма, острый шпиль маленькой церквушки был похож на тонкий золотой луч, и внизу, по нитке дороги, уверенно бежал черный жук — самоходный экипаж. Порой солнце закрывало облаком — долина погружалась в сиреневую тень, и пейзаж становился совсем осенним, грустным, но потом облако убегало, и мир снова заливало радостным медовым светом.

В небольшой походной сумке Лефевра лежал серебряный контейнер с артефактом — не Ползучим и не злонамеренным, но достаточно редким для того, чтобы старый товарищ Гуле несколько раз предупредил о том, что Лефевр должен быть крайне осмотрительным, внимательным и осторожным. Гуле раздобыл этот артефакт у одного из высокопоставленных знакомых буквально на несколько часов, и этот знакомый спустил бы шкуру и с него, и с Лефевра, если с артефактом стряслась бы какая-либо неприятность. Когда Лефевр извлек контейнер, то внезапно подумал, что напрасно ввязывается в эту историю. В конце концов, Мороженщик мертв, и Винокуров вряд ли найдет нового одержимого в ближайшие несколько лет, а Алита имеет полное право выйти замуж за того, кто ее зовет — тем более, что сам Лефевр не делает ей таких предложений. Конечно, любитель групповушки вряд ли станет идеальным мужем, но с другой стороны, кто из нас без греха? Святых на земле нет. По крайней мере, склонности Рекигена лучше, чем нежная любовь к мальчикам-подросткам, которую тщательно скрывает Этьель, второй сын государя. Наверно, лучше забыть об этой истории, от души погулять на свадьбе принца и готовиться к прыжку в карьере: орден святого Горго, который Лефевр должен был послезавтра получить из рук его величества — это высшая награда Сузы и гарантированная должность директора правового департамента инквизиции, а там и до министра недалеко.

Мысли были тихими, осенними, как и весь мир вокруг. Лефевр посидел еще немного, рассматривая контейнер и не замечая его, а потом надавил на рычаг и, откинув крышку, осторожно извлек маленький серебряный гвоздь. Прикосновение к артефакту отдалось вибрацией по всему телу, а пломба, которую Лефевру поставили несколько месяцев назад, затряслась так, что едва не выпрыгнула из зуба. Впрочем, довольно скоро артефакт и человек приспособились друг к другу, и дрожь прошла. Довольно кивнув, Лефевр вынул из кармана пальто записку и прочел:

«Нигрим обещал, что открутит головы и тебе, и мне, и засунет нам в задницы, если с артефактом хоть что-то случится. Поверь, Огюст-Эжен, он это сделает. Так что составляй свою карту крайне осторожно. Не знаю, как тебе, но мне дороги и моя голова, и мой афедрон. Чтобы артефакт начал работу, нужно оживить его точечным личным заклинанием и максимально четко представить, что именно ты хочешь получить. Удачи! Гербренд. К слову: в доме у Мороженщика такие запасы артефактов, что я пою и пляшу. Может, и мне обломится орден святого Горго?».

Усмехнувшись, Лефевр убрал бумажку и, сжав гвоздь в кулаке, отправил ему собственное заклинание — уникальное удостоверение личности мага. Лефевр получил его в шестнадцать лет и не очень любил вспоминать о том, как возвращался на рассвете из публичного дома, и на пустынной улице его вдруг словно молнией ударило — он

неожиданно четко понял себя, свое место в мире и на мгновение охватил взглядом весь мир. Это было настолько жутко и больно, что обессилевший Лефевр опустился на тротуар и несколько часов просидел, боясь шевелиться, а заклинание возилось где-то в груди, и он понимал, что теперь никогда с ним не расстанется.

Гвоздь принял заклинание, откликнувшись легким ударом тока по пальцам, и Лефевр понял, что артефакт готов к работе. Он закрыл глаза и сосредоточился на том, что искал: легендарные артефакты, погребенные под землей и считающиеся утраченными навсегда, наделенные способностью проникать через пространство и время. Некоторое время ничего не происходило, а потом в ушах возник и стал нарастать шум, сквозь который порой пробивались мужские и женские голоса, говорившие на разных языках, и музыка, то торжественно-трагическая, то бодрая и веселая. Потом среди этой мешанины звуков выделился женский голос, молодой и звонкий, и Лефевр не сразу понял, что голос обращается к нему:

— ...боюсь, вы не понимаете, чего хотите...

Лефевр встряхнул головой и открыл глаза. Осеннее солнце заволокло тучами, и долина утонула в мрачной предгрозовой тишине. Нос пульсировал, наполняясь болью, и, прикоснувшись к нему, Лефевр обнаружил кровь на пальцах.

— Як вам обращаюсь, Огюст-Эжен, — окликнул его голос. Шум исчез, и теперь слова артефакта звучали без помех. — Вы понимаете, что эти артефакты разрубают пространство и время? Они могут уничтожить не только ваш мир, но и все миры. Их утратили не просто так.

— Понимаю, — кивнул Лефевр. — Да, я понимаю. Но они мне все-таки нужны.

— Зачем? — искренне удивился голос.

— Я должен остановить зло, — просто сказал Лефевр. — Это моя работа.

Голос недоуменно хмыкнул, а потом от души расхохотался. На землю упали первые капли дождя, пока еще осторожные и робкие, но было ясно, что скоро хлынет такой ливень, что в нем потеряются и земля, и небо.

— Сражаться с драконом? — спросил он. — Как мило. Да вы и сами тот еще дракон, Огюст-Эжен. Что, не верите? Ну так посмотрите на себя. Всю свою сознательную жизнь вы пытали тех, кто обладает таким же даром, что и у вас, но оказался по другую сторону баррикад. И кончилось все тем, что три дня назад вы убили несчастного безумца. Зарезали, как свинью. Вся его вина была в том, что его поработило зло, а вы расправились с тем, кто заведомо не мог вам противостоять. Так что кто тут дракон на самом деле? Вы не просто циничный убийца, который любому своему греху найдет оправдание — вы еще трус и лжец. Сказать Длите, что любите ее — это нет, это у вас кишка тонка. А вот переспать с ней и делать вид, что ничего не случилось, а потом топтать ее чувства, ее душу — это всегда пожалуйста. И теперь вам нужны артефакты, которые скрыты ради спасения нашего мира и всех миров — просто ради того, чтобы выкинуть отсюда единственную женщину, которая смотрит на вас без отвращения.

Он выжидательно замолчал. Лефевр смотрел, как долину закутывает тьма, и ни о чем не думал. В голове было пусто и звонко — наступил тот момент, который священники называют предельной ясностью понимания, когда душа открыта, видит себя без прикрас и готова выбрать, кого впустить в себя, Господа или бесов.

Это оказалось не страшно и не больно. Это было никак. Лефевра обняла гулкая пустота, и на какой-то миг он испугался, что теперь так будет всегда. Тьма, и больше ничего.

— Пусть, — сказал он. — Да, все так, как вы и говорите. Я именно такой. Но мне нужно остановить еще большее зло. И я найду эти артефакты. Вы можете помочь мне, а можете и не помогать. Но я найду их, и это не обсуждается. Это факт.

Голос вздохнул. Только теперь Лефевр понял, что ливень давным-давно накрыл холмы и долину, что он промок до нитки, и что артефакт немилосердно жжет его стиснутую руку.

— Хорошо, Огюст-Эжен, — наконец, откликнулся голос. — Будем считать, что мою проверку вы прошли. Закройте глаза и представьте карту Сузы и Медвежегорья. Я размечу маячки, и вы их уже не забудете.

— Спасибо, — произнес Лефевр и послушно представил огромную карту. Вот города, а вот и поселки, вот горы, холмы и болота, вот вены рек, вот россыпи озер, а вот и береговая линия, похожая на обгрызенный кусок лепешки. Карта была яркой, красивой и живой: Лефевр знал, что если склонится над ней, то выбранный кусочек нальется цветом и покажет все, что на нем происходит.

— Отличные способности к визуализации, — похвалил голос. — И кстати, помиритесь с Алитой. Она очень боится окончательно вас потерять.

Лефевр кивнул и подумал, что для артефакта этот гвоздь слишком разговорчив. Впрочем, он, конечно, прав. Лефевр и сам боялся, что Алита потеряна навсегда — не хотел об этом думать, но снова и снова возвращался мыслями к их последнему разговору.

— Сосредоточьтесь на карте! — звонко потребовал голос, и Лефевр увидел первый маячок, красно-золотой факел, вспыхнувший над Марагульскими болотами. Голос оценил его изумление и сказал: — Ну я же говорил, что их утратили не просто так. Придется попотеть.

— Я только этого и жду, — сухо сказал Лефевр, и перед ним сразу же загорелись новые маячки: на Сепетском перевале, в степи Горхо, среди глухих дебрей Полесья, в развалинах заброшенного города Куатто... Лефевр вскоре перестал отмечать места, где артефакт обозначал все новые и новые метки, но прекрасно знал, что как только понадобится, все эти трепетные живые огоньки послушно всплывут в его памяти. Наконец, когда карта стала похожа на пожарище, голос вздохнул с видимым облегчением и сказал:

— Вот и все. Пожелал бы я вам удачи, но это дело безнадежное. Отвезите меня владельцу, я очень устал.

— Поверьте, — произнес Лефевр. — Я настоящий специалист по безнадежным делам.

«В чем же все-таки ваш план, ваше высочество?» — думал Лефевр. По традиции в обязанности шафера входило привести невесту в дворцовую церковь, и сейчас, отправляясь за Алитой в особые покои, Лефевр старался отвлечься от мыслей о том, насколько велика эта потеря. Он слишком боялся признаться самому себе в том, что полюбил эту девушку с карими глазами и не знает, что же делать дальше с этой любовью.

Алита, маленькая, хрупкая, казавшаяся фарфоровой куклой в этом пышном белом платье, сидела на диванчике в комнате, отведенной для подготовки к свадьбе, и вид у нее был одновременно счастливый и испуганный. Должно быть, все невесты выглядят именно так. И, что бы ни задумал Рекиген, это все-таки был счастливый день, а жизнь не слишком баловала Алиту счастьем.

— Изумительно, ваше высочество! — щебетали служанки, крутясь вокруг Алиты и что-то подвязывая и подкалывая на ее платье. Куафер, вплетавший в рыжие косы нитки жемчуга, даже высунул язык от старания. Лефевр положил букет от принца на ближайший стул и сказал по-русски:

— Ты очень красивая. Просто неопишимо.

Сквозь пудру на набеленных по моде щеках девушки проступил румянец. Лефевр подумал, что, может быть, она больше на него не сердится. Хотя какое это теперь имеет значение? Совсем скоро Алита станет женой другого человека, и между ней и Лефевром уже ничего и никогда не случится.

— Спасибо, — ответила Алита. — Как-то жутко. Радостно и жутко.

— Бояться не стоит, — произнес Лефевр. На горло давил белый бальный галстук, и ему постоянно хотелось подхватить и оттянуть в сторону. Лефевр чувствовал себя ужасно неловко и неуютно в торжественном одеянии, и ему казалось, что все замечают его неловкость. — Это же хороший день.

Алита смущенно улыбнулась. Лефевр вдруг подумал, что она действительно счастлива, и ему лучше держать язык за зубами и не говорить ничего, кроме хороших вещей. К тому же он все равно не знает, что можно сказать чужой невесте.

В конце концов, милая и добрая девушка имеет право выйти замуж за принца. Почему бы и нет?

— Да, — откликнулась Алита, похоже, также испытывая неловкость и смущение. — Да, это хороший день.

Потом, когда они шли к экипажу — белые лошади с пышными султанчиками на головах приплясывали от нетерпения — Лефевр все-таки не вытерпел и сказал:

— Его величество тебе титул подарил?

Вопрос прозвучал как упрек. О том, что Алита стала баронессой Ковенской, Лефевр с удивлением узнал нынешним утром. Пальца Алиты, державшей его под руку, дрогнули и сжались.

— Да, подарил. Ты что-то имеешь против?

В вопросе прозвучал отчетливый вызов и одновременно предупреждение: лучше промолчи, иначе дело кончится плохо. Лефевр почувствовал, как дергается левое нижнее веко: верный знак того, что сейчас его понесет.

— Нет, что ты, — произнес он, помогая Алите разместиться в экипаже. — Как я могу?

— Вот и не начинай, — холодно посоветовала Алита, нервно расправляя ленту пояса. Внезапно Лефевр уловил аромат ее духов, такой же ледяной и легкий, как и сказанные слова. — Незачем снова все портить.

— Конечно, — кивнул Лефевр. Кучер хлестнул лошадок, и экипаж покати́л в сторону церкви. — Это ведь именно я тебе все порчу.

Он искренне пытался сдержаться, но непривычное чувство, похожее на туго сжатую пружину, так и подначивало его наговорить Алите самых неприятных вещей. Карие глаза Алиты одарили Лефевра яростным взглядом, полным обиды и чего-то еще, похожего на глубокое и горькое разочарование. Казалось, она с трудом сдерживается, чтобы не закатить ему очередную пощечину.

— Прекрати, Огюст-Эжен, — с нажимом сказала Алита. — Раньше надо было думать. И вообще... — она вдруг шмыгнула носом, и в ее глазах заблестели слезы.

Лефевр вдруг почувствовал себя последней скотиной. Артефакт был прав. Это просто несчастная девчонка, которая ничего хорошего в жизни не видела, и с ней надо быть добрым, мягким и понимающим, а не топтаться по ее чувствам. Рекиген, наверно, вел себя по-другому.

— Прости, — сказал он, стараясь быть максимально искренним. — Прости. Я

действительно просто завидую и ревную.

Алита посмотрела ему в глаза, и теперь за ее слезами Лефевр увидел гнев: чистый, беспримесный и яркий. От такого взгляда можно было сгореть на месте. И она сейчас была невероятно красивой — Лефевр почему-то подумал, что именно такой бывает погибающая красота.

— Ты бесчувственный болван, Огюст-Эжен, — сухо сообщила Алита, но было ясно, что под этим равнодушием скрывается готовый к извержению вулкан. — Ничего ты не понимаешь.

Экипаж остановился возле церкви, и тема развития не получила.

Свадьба принца Рекигена и миледи Алиты была, по меркам сузианской знати, очень скромной и немногочленной: всего-то пятьдесят человек гостей, только родственники и самые близкие друзья. Алита произвела на собравшихся самое благоприятное впечатление: улыбчивая и хорошенькая, она сияла такой доброжелательностью, что ее невозможно было не полюбить. Конечно, жены старших принцев не упустили случая бросить в адрес невесты крошечные шпильки: мол, свадебное платье на ней сидит, как на корове седло, и цвет лица плохой, и еще неизвестно, откуда такие баронессы берутся — но в итоге все признали, что Алита и Рекиген прекрасная пара. Принц глаз не сводил со своей невесты, и всем сразу было понятно, что он влюблен настолько, что совершенно потерял голову. Он очень изменился, этот легкомысленный повеса. Спасение возлюбленной из лап серийного убийцы сделало Рекигена героем, и теперь на него смотрели с уважением даже те, кто прежде ничего хорошего о нем не думал.

После короткой, но очень искренней и проникновенной речи священника, молодые обменялись кольцами, и хор грянул свадебный гимн, а из-под купола на собравшихся полетели лепестки цветов и мелкие зернышки риса — знак красоты и богатства. Потом к их высочествам стали подходить гости с поздравлениями, и Лефевр вдруг заметил, что Алита смотрит на Рекигена с неподдельным теплом и любовью — как, впрочем, и он на нее. Храм наполнился радостными голосами, в воздухе пронзительно пахло розовым маслом, и Лефевр внезапно понял, что с него хватит. В конце концов, он выполнил свою работу и может идти. Распроставшись с принцем и Алитой и пожелав их высочествам самой счастливой семейной жизни, Лефевр вышел из храма и наконец-то вздохнул с облегчением. Спектакль окончился, и видит Господь, эта пьеса стоила ему невероятных усилий.

Снова стал накрапывать дождь. Пройдя через дворцовый парк, Лефевр вышел за ворота и с удовольствием стянул галстук и швырнул в ближайшую урну. Ему никогда еще не было настолько муторно и тошно. Идти домой не хотелось, и Лефевр угрюмо побрел по проспекту в сторону набережной; город, впервые за несколько недель увидевший солнце с утра, вроде бы приободрился, но теперь снова впал в осеннее серое уныние. «Как снаружи, так и внутри», — мрачно подумал Лефевр.

Ему вдруг захотелось напиться. Так, чтобы окончательно утратить связь с реальностью, чтобы, как прадед, кататься по дому верхом на лошади, рубить наградной саблей шторы с мебелью и орать, что все люди сволочи, все бабы шлюхи, а мир пропал в грехе, и чтобы Бланк обязательно с искренним сочувствием качал головой и говорил: «Вот милорд-то наш, нажрался, как свинья...». Во всяком случае, это было бы весело, и он сумел бы выкинуть из головы неприятную гложущую мысль о том, что, возможно, Рекиген и Алита действительно друг другу нравятся. Почему бы и нет, в самом деле?

Неожиданно из дверей ближайшего питейного заведения на Лефевра вывалился Гуле —

веселый, румяный, в пальто нараспашку. Похоже, он начал гулять с раннего утра и не собирался останавливаться. Он вскользь извинился и собрался было идти дальше, но, всмотревшись, узнал Лефевра, хлопнул его по плечу и воскликнул:

— Друг мой! А ты-то как тут?

— А что? — хмуро ответил Лефевр вопросом на вопрос. Гуле развел руками.

— Я думал, ты на принцессе свадьбе пляшешь.

Лефевр отмахнулся.

— Без меня попляшут.

Гуле пристально посмотрел на него, и Лефевр вдруг понял, что старый товарищ догадался о том, что его гложет, и совершенно искренне сочувствует и разделяет эту печаль.

— Знаешь, что, дружище, — сказал Гуле, и в его голосе не было ни хмельных ноток, ни кабацкой лихости. — Тут неподалеку есть очень пристойное заведение. Темное пиво, сами варят. Посидим, выпьем по кружке в честь праздника?

От такого предложения нельзя было отказаться. Лефевр и не думал отказываться.

— А слышал, в столице появилось новое изобретение — синема? Движущиеся картинки на экране. Как настоящие. Я сам не видел, товарищ рассказывал. Собрался в зале народ, экран включили — а там с экрана поезд едет прямо в зал! Первые ряды как ломанулись бежать! Потом только поняли, что это иллюзия. Но не магия. Там специальный аппарат, а в нем пленка с картинками.

Темное пиво в пристойном заведении оказалось на диво вкусным; впрочем, Лефевр и Гуле довольно скоро перешли к более крепким напиткам, и после третьей стопки грушовицы Лефевр вдруг обнаружил, что боль, стиснувшая его грудь в тот момент, когда принц надел обручальное кольцо на палец Алиты, медленно разжимает хватку.

— Мне только этой синемы не хватает для полного счастья, — мрачно сказал Лефевр, давая сигару в пепельнице. Официантка, высокая блондинка с томными коровьими глазами и поистине впечатляющим размером бюста, наклонилась к столу и заменила пепельницу на чистую. Гуле не упустил случая ущипнуть ее за бедро, и тотчас же был награжден кокетливым «Наглец!».

Заведение располагалось в подвальчике, окон тут не было, и постепенно Лефевр потерял счет времени. То ему начинало казаться, что они с Гуле сидят тут меньше часа, а то вдруг он с неожиданной четкостью осознавал, что давным-давно наступила ночь, свадебный пир окончен, и Рекиген с Алитой уединились в своих покоях и сейчас, в эту самую минуту, когда Лефевр угрюмо напивается, любят друг друга.

Это было невыносимо.

— Сдается мне, дорогой друг, что миледи Алита ждала от тебя предложения руки и сердца, — сказал Гуле, когда официантка удалилась, покачивая бедрами. После второй стопки грушовицы Лефевр рассказал ему историю своих отношений с Алитой и неожиданно встретил живое сочувствие и понимание.

— Какое предложение... — отмахнулся Лефевр. — Я что, принцу конкурент?

— Не в этом дело. Женщины — они материя тонкая, — Гуле произвел некие жесты руками, которые были призваны изобразить всю тонкость дамской природы. — Для них замуж это... — он прищурился, прикидывая сравнение, и сказал: — Ну вот как для нас с тобой пост министра. С этим постом хлопот больше, чем пользы, но сам факт! Ты ведь уже не просто человек, ты...!

Гуле снова произвел жесты руками.

— Человечище, — произнес Лефевр, обновляя стопки.

— В точку, — согласился Гуле. — И вот посмотри на ситуацию ее глазами. Принц предложил ей не просто вечерок скоротать интимным образом. Он ее сразу же позвал замуж и из лап маньяка спас. Но тут маньяк не так важно, как замуж. И вдруг появляешься ты и говоришь: твой принц — урод, неизвестно что затевает и тебя вокруг пальца обведет.

— Так и есть, — сказал Лефевр, осушив свою стопку и вынув из обертки уже четвертую за день сигару. Принц Рекиген не нравился ему все больше и больше. — Она очень добрая и наивная. Ее ребенок обведет вокруг пальца, не то, что Рекиген.

— Все уроды, — сообщил Гуле, опрокинув стопку и намотав на вилку тонкую ленту бекона. — Нет в сей юдоли святых и чистых, сам понимаешь. И вот ты на голубом глазу заявляешь доброй и наивной миледи такие вещи — и что? Потом-то что? Допустим, бросит она принца, и куда ей деваться? Обратнo к мадам за стойку? Ты говоришь, чего она должна лишиться, а вот альтернатив не предлагаешь. А если бы ты сказал: ну его, этого принца, выходи за меня — это был бы уже совсем другой вариант!

Гуле откинулся на спинку стула и сунул-таки в рот бекон. За стеной компания гуляк разразилась жеребьячьим ржанием, и официантка поспешила туда с добрым десятком пивных кружек на подносе.

— Она бы отказалась, — устало промолвил Лефевр. Идея Гуле была совершенно бессмысленной. Какая женщина в здравом уме променяет принца на Страховида?

— Кто я и кто он?

— Допустим, — Гуле не собирался сдаваться. — Но при этом она бы видела, что у нее есть разные возможности. А так получается, что вроде бы ты для нее близкий человек, который помогает и защищает. А с другой стороны, ты инквизитор, который глумился и гонял ее по всему борделю, потом воспользовался случаем и закусил-таки сладеньким, и в итоге назвал проституткой и показал свое полное безразличие.

— Я ее не гонял, — жестко произнес Лефевр. Гуле тотчас же примирительно вскинул руки.

— Говорю ж тебе: женщины — это тонкая материя. Мы с тобой знаем, как было на самом деле. А миледи Алита видит все немного в ином свете. Поэтому она и обижена на тебя, — Гуле скользнул взглядом по столу, оценивая количество еды и выпивки, и заявил: — Но поскольку теперь мы уже ничего не сделаем, надо как-то переключить внимание. И знаешь, что тебе лучше всего поможет?

— Что же? — безнадежно осведомился Лефевр. Гуле хлопнул его по плечу и заявил:

— Бабы! Допиваем эту дрянь и идем к мадам Бьотта! Клянусь, после таких клиентов ее девки неделю ноги сдвинуть не смогут!

Глава 7. Игра на повышение

— Разумеется, о нашем договоре никто не должен узнать, — провожая Алиту к выходу из розария, Ахонсо давал ей последние наставления. — Все без исключения должны считать, что вы любите Рекигена и счастливы вступить с ним в брак. Никаких подводных камней, никаких интриг, просто любовь, которая внезапно свалилась на вас обоих.

— Конечно, ваше величество, — согласилась Алита. Разговор с государем вернул ей определенную стойкость духа, и она уже не так боялась будущего, как раньше.

— И ничего не бойтесь, — произнес напоследок Ахонсо и, отдав поклон и коснувшись правого виска, добавил: — Впереди у вас великая судьба. Можете мне поверить.

Алита усмехнулась и с сомнением покачала головой.

— Надеюсь, эта судьба позволит мне дожить до конца года, — сказала она.

Венчание и свадебный пир остались позади. Новобрачных торжественно привели в их покои, служанки сняли с Алиты платье, распустили волосы и переодели в легкую шелковую сорочку до пят. Глядя в зеркало на незнакомую рыжую девушку с испуганными темными глазами, Алита вдруг поймала себя на том, что испытывает какой-то непонятный сладкий ужас при мысли о том, что будет дальше. Волнение, которое накрывает целомудренную девушку в первую брачную ночь, нахлынуло и на нее. Хоть убей, Алита не знала, что делать, она внезапно стала испуганной и робкой, и, когда Рекиген неслышно подошел сзади и мягко опустил руку на плечо, Алита шархнулась в сторону от неожиданности.

— Так страшно? — улыбнулся принц, поймав ее за локоть и обняв. Алита неожиданно поняла, что боится на него смотреть. Ей было не то что страшно — жутко. От этой жути ноги подкашивались; если бы не объятия Рекигена, Алита уже упала бы на ковер.

Рекиген осторожно, но уверенно приподнял ее подбородок, заставляя-таки взглянуть себе в лицо. Алита подумала, что он действительно очень красив. Настоящий прекрасный принц, как из сказки. Светлые волосы, струящиеся на плечи мягкими прядями, добродушный взгляд прозрачно-голубых глаз, гладкая кожа, действительно идеальное тело без малейшего изъяна — на какое-то мгновение Алита даже забыла о своей растерянности.

— Страшно? — повторил Рекиген.

— Немного, — ответила она, постаравшись улыбнуться, но улыбка вышла вымученной и жалкой. Рекиген понимающе посмотрел на Алиту и произнес:

— Ну ничего. Попробую тебе помочь.

Почему-то Алите вспомнилось, как он выносил ее из алтарного зала — жалкую, израненную, бессильно свесившую руки. Это было странным, ведь Алита тогда лишилась чувств и ничего не могла помнить, но картинка, всплывшая сейчас перед глазами, была четкой и очень настоящей. А вот как он делал ей предложение и что при этом говорил, Алита не помнила — в памяти на этом месте плавали расплывчатые пятна.

Рекиген привлек Алиту на огромное ложе, и девушка внезапно обнаружила, что он уже успел избавить ее от сорочки — должно быть, использовал заклинание, как когда-то Огюст-Эжен. Руки дрогнули и потянулись к груди, пытаясь прикрыться, но Рекиген осторожно придержал ее за запястья и сказал:

— Тебе нечего стесняться. Ты удивительно красива.

Сейчас он в открытую любовался ей. Алита вспомнила, как Никитос постоянно придирался: то грудь маленькая, то живот без пресса и кубиков, то ноги кривоваты.

Воспоминание мелькнуло и погасло. Алита подумала, что надо успокоиться и не вести себя, как дочка мельника перед сеньором. Видимо, в ее взгляде что-то изменилось, потому что Рекиген довольно улыбнулся и произнес:

— Ложись на живот. Ложись и расслабься.

Алита послушно вытянулась на постели и, положив подбородок на руки, стала смотреть, как в воздухе пляшут зачарованные светлячки: их приглушенное сияние делало огромную комнату очень уютной. Неожиданно Алита поняла, что в комнате очень тепло, где-то в стороне потрескивают дрова в камине, в воздухе плавает сладкий, но не навязчивый аромат цветов, и откуда-то издалека доносится тихая умиротворяющая музыка. Чувства, которые безвольно застыли, когда Алиту привели сюда после пира, теперь снова ожили, и, когда Рекиген отвел в сторону ее волосы и осторожно вылил на спину немного теплого масла, Алина уже не тряслась от непонятных ощущений.

— Правильно, умница, — сказал принц, плавно массируя плечи Алиты. Его пальцы были сильными и твердыми, но двигались очень нежно, не причиняя боли. — Расслабься и получай удовольствие. А я пока расскажу кое-что.

Алита насторожилась. Некоторое время Рекиген молчал, разминая ее плечи, и это молчание невольно заставляло Алиту нервно думать о том, что же задумал принц. Наконец он произнес:

— Я буду говорить максимально честно. Ты мне нужна не только как прекрасная супруга, к которой я испытываю самые нежные чувства, — Алита вопросительно подняла бровь, и Рекиген сразу же сказал: — Да-да, не сомневайся. Почему красивая молодая женщина, одаренная и умом, и душой, не может нравиться?

— Не знаю, — откликнулась Алита. Ладони принца теперь скользили по ее спине, и в запахе масла было что-то тревожащее — то, от чего в низу живота зашевелился горячий комок медленно растущего возбуждения. «Что тебе не нравится? — поинтересовался внутренний голос. — Ты прекрасно понимала, что с мужем придется спать. Так лучше делать это с удовольствием, чем через силу, не так ли?»

С этим нельзя было не согласиться.

— Не надо года свиданий, чтобы понять, хороший перед тобой человек или нет, — сообщил Рекиген. — Мне это стало ясно, когда ты отказалась продолжать нашу тогдашнюю встречу. Другие дамы и думать не стали бы ни о какой женской природе.

— Когда приглашает принц, любая природа подождет, — промолвила Алита. Пальцы Рекигена, вдумчиво разминавшие ее спину, на мгновение замерли.

— Совершенно верно, — сказал он, продолжая массаж. — Одним словом, я свой выбор сделал. Умная и красивая женщина с четким пониманием того, чего хочет. А мне нужна не просто баба в койке. Мне нужна подруга и сподвижница, с которой я могу быть искренним.

Потянувшись к краю кровати, Рекиген взял большую подушку, расшитую цветами и птицами, и подложил Алите под живот.

— Я могу быть с тобой искренним? — спросил он самым невинным тоном. Несмотря на всю мягкость его голоса, Алита поняла, что в случае отрицательного ответа Рекиген просто задушит ее такой же подушкой.

— Разумеется, можешь, — кивнула Алита и не увидела, а как-то почувствовала, что Рекиген улыбается.

— Вот и хорошо, — сказал принц, и Алита ощутила, как масло для массажа капает на поясницу. — Сейчас все сложилось так, что ты — мечта, которая стала былью. Девушка из

простонародья вышла замуж за принца, встретив любовь, которая преодолевает и сословные рамки, и силы зла, — он несколько минут молчал, скользя ладонями по спине Алиты вниз, к бедрам, и назад, к лопаткам и шее. Прикосновения были то легкими, едва уловимыми, то сильными и властными, и Алита, неожиданно для самой себя, изменила позу, разведя ноги чуть шире.

— Зачем это нужно? — спросила она, надеясь, что голос не выдает накрывающего ее желания. Рекиген усмехнулся.

— Нас с тобой должны полюбить все, — сказал он и мягко провел ладонью по внутренней стороне бедра и между ног. Алита вздрогнула, и Рекиген тотчас же убрал руку. — И простонародье, и высший свет. Для новой династии это очень важно.

— Новая династия? — переспросила Алита и не сдержала стона, когда принц снова прошелся ладонью между ее бедер. Тяжелое томление в низу живота становилось все более властным, помутняющим разум. Воздух в комнате стал сухим и горячим, и на какой-то миг Алите показалось, что она задыхается.

— Да, — откликнулся Рекиген. — Посмотри на моих старших братьев. Тупые, алчные, ни о чем не думают и ничего не хотят. А я хочу. И сделаю все, чтобы занять трон.

Он вошел в нее плавным осторожным движением — Алита вспомнила, как одна из девиц мадам Бьотта делала жесты руками, описывая принца, и подумала, что она явно преуменьшила реальность. Сдавленно зашипев от боли, Алита попыталась отстраниться, но Рекиген придержал ее за бедра и произнес:

— У меня есть все, чтобы стать хорошим правителем, — немного помедлив и дав Длите привыкнуть, он начал двигаться: сперва неспешно, потом постепенно увеличивая темп. — Ум, совесть, желание работать, а не паразитировать...

Это было какое-то страшное, темное удовольствие, и Алита растворялась в нем, чувствуя, как раздваивается сознание: одна часть умоляла, чтобы Рекиген остановился, но другая кричала, чтобы он продолжал вбиваться в ее тело уже без недавней нежности, а быстро, грубо и жестко. Кажется, она закричала, вцепившись в сбившиеся простыни и ощущая, как ее захлестывает и сминает горячая волна удовольствия, кажется...

А потом Алита вдруг поняла, что все кончено. Шторм закончился — теперь в комнате царил мягкий золотистый полумрак — светлячки сгрудились в ком возле окна и приглушили сияние, и камин почти погас. Рекиген задумчиво водил пальцем по влажному плечу Алиты, и в его глазах плавали тихие лукавые огоньки. Лежа в объятиях принца и постепенно приходя в себя, Алита подумала, что, возможно, все не настолько страшно и не настолько плохо.

— Значит, новая династия, — проговорила она. — И тебе нужна поддержка всех слоев общества. От крестьян до дворян.

Рекиген усмехнулся и поцеловал ее в висок.

— Умница. Разумеется, есть те, кому я не нравлюсь. Конечно, пришлось потрудиться, но я собрал достаточный компромат, чтобы закрыть им рты.

— В заведении мадам Бьотта ты тоже собирал компромат? — спросила Алита, прислушиваясь к приятно ноющим мышцам. Рекиген легонько стукнул ее указательным пальцем по кончику носа.

— Конечно. Ты удивишься, как много интересных вещей могут рассказать проститутки.

«Не удивлюсь, — подумала Алита. — Удивлюсь, если завтра смогу сидеть».

— Впрочем, — совершенно серьезно произнес Рекиген, и по его тону стало ясно, что для принца крайне важно то, что он собирается сказать, — с этим покончено. Я собираюсь быть для тебя хорошим мужем. Ты не будешь жалеть, что мы вместе.

Его ладонь легла на живот Алиты и медленно двинулась вниз. Рекиген слегка изменил позу, и Алита ощутила бедром полную готовность принца ко второму заходу.

На деревенской площади бродячие артисты развернули балаганчик и показывали сценку из жизни Глуподырого Пиетро. Актер, изображавший жалкого паяца, пытался признаться в любви грудастой красотке с сиреневыми волосами, но все его амурные притязания закончилось тем, что красотка принялась закидывать его огрызками. Дамочку поддержали ее товарищи под одобрителный смех немногих зевак. Пиетро, как водится, распустил нюни, но так было только веселее. Жалел его только ослик, вечный спутник и единственный друг.

Представление не пользовалось успехом — слишком уж неприятельным был вид артистов, а шутки, которыми они обменивались, были известны всем давным-давно и не могли выдавить даже крошечной улыбки. Однако вскоре из церквушки вышел священник, и дело стало принимать совсем иной оборот.

Местный святой отец был молод и, судя по широченным плечам и сломанному носу, успел поднатореть в кулачном бою в своей мирской жизни. Смерив взглядом собравшихся, он громогласно заявил, что не потерпит такого непотребства перед храмом Господним и незамедлительно отоварит нечестивцев своим пасторским посохом, если они немедля не прекратят свои мерзости. Артисты разразились дружным хохотом, а дамочка с сиреневыми волосами задрала юбку и продемонстрировала священнику все, чем ее наградила природа. Народ смекнул, что сейчас начнется представление поинтереснее того, что было в балагане, и к площади потихоньку стали подтягиваться зеваки.

Святой отец вздохнул, провел по лбу пальцами, прося прощения у Господа, а в следующую минуту уже выдрал дырн из ближайшего забора и ломанулся к балагану с такой скоростью и таким веселым азартом, что немногие зрители сумели увернуться от карающего слуги Божия. Визг, удары, ослиный рев, крики — все слилось в великолепную музыку битвы, и Лефевр, который в это время появился на площади, несколько минут наблюдал, как священник почем зря лупцует артистов, и в итоге одобрительно кивнул. Сражение впечатляло.

Впрочем, досматривать разгром заблудшего стада Лефевр не стал. Утром он приехал в эту деревеньку, оставил вещи в трактире и отправился в лес. Дожди превратили дороги в бездонный грязевой кисель, но Лефевр все-таки умудрился добраться до места назначения и не потерять сапоги. Немного передохнув, он активировал артефакт, который ему предоставил профессор Гундеготт, и вскоре земля под ногами задрожала, выпуская на поверхность маленький сундучок. Когда Лефевр толкнул его носком сапога, сундучок рассыпался, выпустив зеленоватое облако, вонявшее так, что птица, бормотавшая в кустах, поперхнулась. Дождавшись, пока облако рассеется, Лефевр склонился к обломкам и поднял маленький глиняный шарик. Смахнув с него пыль и грязь, он увидел отчетливый отпечаток большого пальца — так, по традиции, художники и ремесленники помечали свои работы. А этот шарик, по легенде, вышел из рук первого мага Сузы, безымянного чудовища, когда-то державшего в страхе всю ойкумену.

Лефевр редко выезжал из столицы, и осенний лес впечатлил его. Золотистокровавый, сумрачный, хранящий страшные тайны, он был наполнен звуками и жизнью, несмотря на отвратительную погоду. Но теперь лес потерял одно из своих сокровищ и, когда Лефевр

обернулся напоследок в сторону опушки, то увидел, что лес кажется печальным и унылым. Что ж, иногда приходится терять самое дорогое, и с этим ничего не поделаешь.

Сейчас найденный артефакт лежал во внутреннем кармане сюртука, и Лефевр чувствовал его тяжесть, необычную для предмета таких скромных размеров. День постепенно клонился к вечеру, Лефевр вымотался за время поисков и сейчас хотел вымыться и поужинать. Драка на площади заставила его улыбнуться, и он вдруг подумал, что, возможно, все очень скоро изменится к лучшему. Во всяком случае, ему хотелось в это верить.

После того, как он привел себя в порядок в убогой ванной своего гостиничного номера, Лефевр вышел в комнату и, вынув артефакт из кармана, сел на кровать и несколько минут просидел просто так, ни о чем не думая и катая шарик по ладони. Артефакт не откликнулся. Он лежал в его руках, глухой и безмолвный, и, когда Лефевр отправил в него личное заклинание, остался таким же — древним кусочком окаменевшей глины. Артефакт умер, магия покинула его — Лефевр понял это и неожиданно подумал, что сидит возле могилы, заросшей травой и кустарником, и внизу никого нет. Рано или поздно уходит все, и мысли, и чувства, и чары. Остается только пустота, поросшая травой.

Ему стало грустно. Мысленно оживив карту поисков, Лефевр нашел факел, горевший над сундучком с шариком, и загасил его. Что ж, этого следовало ожидать. Не все артефакты лежат под землей в целостности и сохранности, и кто знает, сколько раз еще придется столкнуться с таким знобящим разочарованием.

С улицы по-прежнему доносились крики. Лефевр выглянул в окно и увидел, как побитые артисты сгребают жалкие остатки своего разломанного балагана, а священник, опираясь о свой дын, отдыхает после славного сражения и проповедует собравшимся о том, что в свободную минуту порядочным людям следует почитать богоугодную книгу, навестить друзей или родных, да даже и в кабак заглянуть — все лучше, чем тешить бесов, глядя на мерзопакостные кривляния. Лефевр усмехнулся и подумал, что святой отец прав: в кабак действительно стоит заглянуть, тем более, что на первом этаже гостиницы как раз открыта таверна.

Ужин, поставленный перед Лефевром, был простой, но сытный: жареное мясо с грибами и картофелем. Хозяйка, она же официантка и раздатчица в одном лице, как бы невзначай прижалась к плечу Лефевра пышным бюстом и спросила:

— Может, вина?

— Лучше чаю, — сказал Лефевр и, вытащив из кармана бесполезный шарик, задумчиво прокатил его по столу. Хозяйка разочарованно вздохнула, пожалала плечами и ушла за стойку. Не хотите, как хотите, дело ваше. Лефевр проводил ее равнодушным взглядом: дамочка, конечно, обладала выдающимися достоинствами, но, как он уже успел убедиться, это ему никак не могло помочь.

Он не переставал думать об Длите. Со временем это превратилось в какую-то навязчивую идею, и даже приторные ласки красавиц мадам Бьотта не могли ее изгнать. В конце концов, Лефевр плюнул на попытки забыть и забросить, признался самому себе, что любит, имеет полное право любить и страдать, и решил, что надо все-таки заняться делами. Должность директора правового департамента инквизиции освободилась через месяц, и государь Ахонсо, вручая Лефевру орден святого Горго, сказал прямо, что никого другого на этом месте не видит.

— Через год министр Литто уходит в отставку, — сообщил его величество. — Так что

департамент для вас просто маленькая ступень.

Разумеется, это произвело фурор на работе. Все прежние недруги сразу же стали милыми и вежливыми, при встрече кланялись чуть ли не в пояс и так и норовили уверить в своем совершеннейшем почтении. Непосредственные подчиненные Лефевра оказались гораздо честнее и сердечнее: они поздравили шефа с грядущим повышением и попросили не забывать их. Менталист Абриль высказался без обиняков:

— Пришлите нам хорошего начальника, шеф. Мы уж привыкли к хорошему, от уродов голова болеть будет.

Лефевр рассмеялся и сказал, что сделает все возможное. На том и порешили.

Но больше всех его удивил господин Куатто, председатель Центрального банка Сузы, того самого, в котором Лефевры уже несколько веков хранили свои сбережения и драгоценности. Когда он в очередной раз пришел проверить проценты и накопления, председатель на правах старого знакомого семьи завел с ним весьма необычную беседу, поинтересовавшись:

— Милорд, а вы женаты?

— Нет, — спокойно ответил Лефевр, изучая отчет по вкладам гораздо пристальнее, чем обычно: он прекрасно понял, в какую сторону поворачивает беседа. Левая бровь Куатто слегка дрогнула: те, кто был близко знаком с господином председателем, знали, что это означает плохо скрываемую радость.

— Пора бы вам задуматься о семье, — с самой искренней заботой сообщил Куатто. — Обзавестись наследниками. Такое состояние, как ваше, нельзя отдавать в чужие руки.

Лефевр усмехнулся и, фигурально выражаясь, решил подергать Куатто за усы.

— Где же сейчас найдешь хорошую жену, — вздохнул он с самым серьезным видом и перевернул очередную страницу отчета. — Да и некогда мне заниматься поисками, откровенно говоря.

Левая бровь господина председателя дрогнула снова: внутренне Куатто пустился в пляс.

— А зачем заниматься поисками, — сказал он, — когда у старых друзей вашего семейства уже есть превосходный вариант? Моя дочь Этель в этом сезоне в первый раз выходит в свет.

Лефевр одарил господина председателя тонкой понимающей улыбкой и вспомнил Кати Къежу, свое увлечение из давних времен.

— Берегитесь, господин Куатто, — сказал он. — Ходят слухи, что миледи Этель потрясающая красавица. Вас немедля начнут атаковать охотники за приданым.

Куатто вздохнул. Весь его вид говорил о том, что он крайне рад встретить понимание в столь деликатном вопросе.

— В том и дело, мой друг, в том и дело, — вздохнул он. — Господь создал две сложные работы: чистильщика конюшен и отца девушки на выданье. Отчего бы вам не облегчить мой труд?

Лефевр задумчиво потер щеку, затем закрыл лапку с отчетами и сухо поинтересовался:

— И каков размер приданого?

Куато натурально выдохнул с облегчением, расположился в кресле свободнее и назвал такую сумму, что теперь уже у Лефевра дернулась бровь. Он отстраненно подумал, что никакой магии на свете нет: настоящее волшебство творят только чины и деньги. Если через год ты станешь министром, то любой, даже самый заносчивый столп сего мира сочтет за

честь подложить под тебя единственное и обожаемое дитя. И теперь никого ничто не смущает: ни двадцать лет разницы в возрасте, ни то, что физиономией будущего зятя можно кошек пугать в темных переулках. Конечно, юная красавица будет биться в истерике, но это ей не поможет.

— Хорошо, — кивнул Лефевр и поднялся. — Я подумаю об этом. Передайте миледи Этель мои самые теплые пожелания.

Куато улыбнулся, машинально прикоснувшись к кончику уха — этот жест господина председателя означал некоторое разочарование. Впрочем, он отлично понимал, что серьезные дела не делаются быстро, и был согласен подождать.

И теперь, сидя в каком-то медвежьем углу на севере Сузы, Лефевр вдруг подумал: а почему бы и нет? Он всю жизнь пытался быть хорошим, но в итоге понял только одно: хорошие люди никогда не живут хорошо. Вот и вся истина.

Мертвый артефакт молча лежал на столе и не мог ни согласиться с Лефевром, ни сказать, что он неправ.

Государь Ахонсо был прав: дворцовые кумушки невзлюбили Алиту сразу же, стоило ей стать женой принца. Неприятный сюрприз появился через два дня после свадьбы: толченное стекло, насыпанное в домашние туфли Алиты. Рекиген рвал и метал; служанка, приставленная к ее высочеству, была сразу же изгнана без выходного пособия, а остальные обитатели дворца смогли насладиться превосходным скандалом. Разумеется, виноватых не нашли: жены старших принцев смотрели на Рекигена, как на помешанного, и отвечали ему во вполне простонародных выражениях, а супруга наследника престола, весьма дородная дама с очень дурным характером, высказалась очень жестко: порядочные женщины не будут жить под одной крышей с шалавой, которую вытащили неизвестно из какой канавы. Пусть проваливает или получит что-нибудь поинтереснее стекла.

Алита прекрасно слышала их вопли, но не чувствовала ни злости, ни обиды — всего лишь очередное понимание того, что Огюст-Эжен был прав. Вся Суза считает ее девкой из публичного дома. Что ж, придется делать свою работу в практически военно-полевых условиях. Подобрал юбки, Алита наскоро припудрила лицо и, прихрамывая, отправилась в малую библиотеку, где шел скандал. Она понятия не имела, что скажет будущей государыне, но знала, что той мало не покажется.

Малая библиотека сейчас напоминала встревоженный курятник: жены старших принцев переругивались с Рекигеном так эмоционально, что не сразу увидели вошедшую Алиту, и она несколько минут наслаждалась их яркой и выразительной бранью, узнав о себе много нового. Потом она показушно покашляла в кулак и, дождавшись, когда дамы обернутся к ней, отчетливо промолвила:

— Ну что, курочки, в ваш закуток пришла лиса. Мы с вами еще не слишком близко познакомились, поэтому представлюсь еще раз: Алита Росса, баронесса Ковенская. В документах инквизиции — злонамеренная ведьма. Правила будут такие: вы не лезете ко мне, и я не трогаю вас. Эти стекла в туфлях, — она обвела дам тяжелым пристальным взглядом, и одна из высочеств, худенькая ангелоподобная блондинка, сразу же опустила глаза, — я вам на первый раз прощу. Спишем на скудоумие и отсутствие чувства самосохранения. Занимайтесь вышиванием, или чем вы там занимаетесь. Но если что-то похожее повторится, то вы об этом очень сильно пожалеете.

Алита встряхнула правой кистью, и на кончиках пальцев засветились бледно-голубые огоньки. На курятник это произвело самое серьезное впечатление: дамы, которые хотели

было дать дерзкой девице соответствующий ответ, практически поперхнулись словами. Алита отдала им поклон, взяла Рекигена под руку и добавила:

— Всего доброго, курочки. Сидите тихо.

Они действительно сидели тихо. На охватившем ее кураже Алита дошла до своих покоев, и уже там с ней случилась самая натуральная истерика. Алита не могла взять в толк, как, каким образом ей удалось говорить настолько резко и нагло, что дамочки, прошедшие такую интриганскую шкуродерню, что ей и не снилось, даже и не пикнули в ответ. Огоньки на пальцах были последней каплей: Алита не осознавала, как они появились и как исчезли. Пришла, перепугала этих дур до икоты, ввернула немножко магии и ушла. Все.

Рекиген, который был потрясен не меньше венценосного курятника, сумел привести супругу в чувство и, когда Алита перестала-таки дрожать, с искренним восторгом произнес:

— Это было великолепно, милая. Как ты это сделала?

— Не знаю, — выдохнула Алита. Сейчас ей хотелось просто сидеть, уткнувшись мокрым от слез лицом в грудь Рекигена, и ни о чем не думать. Ни о том, что она, тихая, скромная и спокойная, вела себя, как действительно злонамеренная ведьма, ни о том, что в груди едва заметно пульсировал комочек темноты, который стал помрачающим разум туманом в тот миг, когда Алита появилась в библиотеке.

— Умница, — одобрительно сказал Рекиген. — Теперь эти клушки будут знать свое место и больше не пикнут. Ноги болят?

— Немного, — ответила Алита, прислушавшись к тупой ноющей боли в порезанной правой ступне. — Они ведь пожалуются мужьям...

— И что? — усмехнулся Рекиген. — Мои братья не вникают в бабские разборки. Тем более, если бабы такие дуры, что устраивают ссору со злонамеренной ведьмой. Кстати, как ты вызвала эти огни?

Алита пожала плечами.

— Понятия не имею. Это как-то... вне меня.

Спустя полчаса к Алите пришел врач — судя по тому, как он обменялся рукопожатием с Рекигеном, они были добрыми друзьями. Впрочем, тщательный осмотр не принес никакой новой информации. Убирая инструменты в маленький саквояж, врач поинтересовался:

— Не беременны?

— Нет, — одновременно ответили Алита и Рекиген. Врач понимающе кивнул и сказал:

— Тогда надо звать дворцового ведуна. Ее высочество разворачивается как ведьма.

Глаза Рекигена энергично сверкнули, словно он услышал именно то, что и ожидал. Алита испуганно села на кровати и спросила:

— Это что такое?

— Ну вы же злонамеренная ведьма, ваше высочество, — ответил врач так просто, словно речь шла о насморке. — И если раньше ваши способности проявлялись только в моменты особого душевного напряжения, были, так сказать, в латентном состоянии, то сейчас они начали активно развиваться. Скоро вы сможете пользоваться ими тогда, когда пожелаете. Господин Гвиноар, ведун его величества, сможет сделать этот процесс относительно безболезненным.

Длите стало еще страшнее, хотя, казалось бы, дальше бояться было уже некуда.

Господин Гвиноар оказался чем-то похожим на Огюста-Эжена: то ли четко

осознаваемой внутренней мощью, то ли спокойной доброжелательностью. Появившись на пороге, он бросил короткий взгляд на Алиту и сообщил:

— Ну конечно! Цветок уже расцветает, — он присел рядом с Алитой, взял ее за руку и, начертив пальцем на ладони какой-то иероглиф, доверительно сообщил: — Весь дворец гудит о том, как вы гоняли старших высочеств громами и молниями.

На Алиту внезапно нахлынула такая слабость, что она откинулась на подушки без сил. Комната вздрогнула и медленно поплыла по кругу. На мгновение Длите показалось, что она сейчас задохнется, но это чувство исчезло почти сразу. Стало как-то очень спокойно, и комочек темноты в груди перестал причинять неудобство.

— Не стоило подсыпать мне стекла в туфли, — негромко сказала она и попыталась улыбнуться, но улыбки не получилось. Рекиген опустился на край кровати возле супруги и обеспокоенно сообщил:

— У нее были огоньки на пальцах. Такие, бледно-голубые, как на болотах.

Гвиноар удивленно вскинул брови.

— Ваше высочество, вы меня поражаете, — сказал он Длите. — Честно говоря, я впервые вижу, как личное заклинание обретают с такой скоростью...

Его голос становился все тише и тише, пока не уплыл куда-то в сторону и не растаял в осеннем сумраке. Алита вдруг поняла, что теперь в ее мире никого нет, она осталась наедине с собой, и от того, как она себя поведет, зависит ее будущее. Алита не хотела быть ведьмой. Ни злонамеренной, ни обычной. Обладание магией внушало ей тяжелую тревогу — Алита прекрасно понимала, что в этом мире магия для нее лучший друг и помощник, но неприятное предчувствие никуда не уходило. Ладони стало покалывать: в них будто бы медленно собирались лужицы настолько горячей воды, что рука постепенно начинает чувствовать холод. Алита попробовала лечь поудобнее, но не смогла пошевелиться.

«Не волнуйтесь, — услышала она голос Гвиноара в голове. — Не волнуйтесь, это пробивается ваше личное заклинание. Осталось немного».

«Не хочу, — отчетливо подумала Алита. — Не хочу магии, не хочу быть ведьмой. Это зло. А я не злая».

И тогда ее ударило. Алита внезапно с невероятной, пронзительной четкостью осознала, что все-таки стала ведьмой, все-таки изменилась, но в этой перемене не было тьмы. Черный клубок, крутившийся в груди сгустком шипящих змей, вдруг растаял, и это было настолько хорошо и легко, что Алита не выдержала и рассмеялась. Теперь она была сосудом, который наполняло волшебство — доброе, светлое, свободное. В нем не было зла, и у зла теперь не было над ней власти.

«Я должна рассказать Огюсту-Эжену, — вдруг подумала Алита. — Я должна поделиться с ним...»

Сияние, в котором она тонула, стало медленно гаснуть, но Алита знала, что оно всегда будет с ней в ее личном заклинании. И это наконец-то дало ей покой и полную ясность. Да, человек, которого она любила, оказался негодяем и лжецом, но теперь у нее достаточно сил, чтобы двигаться дальше, не оглядываясь на прошлое и не боясь нового предательства. А самое главное — Алита наконец-то смогла сказать себе с предельной искренностью о том, что имеет право любить, и что уже любит.

— Ведьма, да, — произнес Гвиноар: уже наяву, а не в мыслях Алиты. — Причем очень сильная. Но не злонамеренная.

Открывать глаза не хотелось. Алита всем сердцем стремилась хоть немного побыть в

угасающем сиянии, таком теплом и ласковым, таком своем... Мир снаружи мог и подождать.

— А так бывает? — с сомнением осведомился Рекиген.

— Иногда случается, — уклончиво ответил Гвиноар. — Редко, но случается.

Алита мысленно прикоснулась к принцу и увидела, что он окутан розовым облаком, в котором расплываются красные нити: разочарование, раздражение и плохо сдерживаемый гнев. Ему нужна была злонамеренная ведьма, и этой ведьмы вдруг не стало. Есть, от чего беситься.

— Милорд Гвиноар, оставьте нас, — негромко попросила Алита, не открывая глаз. На месте дворцового ведуна было непроницаемо черное облако с лохматыми протуберанцами, вырывавшимися из тьмы. По облаку прошла легкая волна возмущения, но Алита повторила с прежней твердостью. — Оставьте. Я должна поговорить с мужем.

Облако качнулось, и Алита скорее поняла, чем услышала ответ:

— Разумеется, ваше высочество.

Когда за ведуном закрылась дверь, а в розовом облаке, окружавшем принца, расплылись еще три алые нити, Алита сказала:

— Ты обижен, Рекиген. Обижен на жизнь, которая тебя обманула. Разочарован в том, что я получила заклинание, но не стала злонамеренной ведьмой. А тебе нужна была именно такая, правда? Потому что новую династию либо обожают, либо боятся. И теперь ты злишься потому, что я не смогу обеспечить страх.

Розовое облако потемнело, налилось кровавым гноем гнева. Алита почувствовала, как Рекиген метнулся к кровати и взял ее за горло: пока просто взял, он и сам не знал, что готов сделать в следующую минуту. А самое главное — он боялся, пусть и не осознавал своего страха до конца.

— Не стоит, — мягко сказала Алита и открыла глаза. Рекиген наткнулся на ее взгляд, и пальцы на шее дрогнули. — Я ведь не отказываюсь тебе помочь.

Она осторожно взяла принца за запястье и медленно отвела его руку от шеи. Рекиген не сопротивлялся: то ли решил посмотреть, что будет дальше, то ли неосознанный страх стал сильнее. Алита ободряюще улыбнулась и промолвила:

— Тебе нужна подруга и соратница? Я ей буду. Тебе нужна иллюзия счастливой семьи? Я ее составлю так, что никто не подкопается. Но вот откручивать головы твоим недругам я не стану, уж извини. Мне это неприятно.

Несколько минут они сидели молча. Алита не убирала руки с запястья Рекигена, словно пыталась сдержать его гнев и страх. В конце концов, принц вздохнул и признался:

— Я не думал, что так получится.

— Я тоже не думала, — сказала Алита с какой-то бесшабашной легкостью. Магия наполняла ее, заставляя чувствовать себя воздушным шариком, готовым взлететь в любую минуту. Магия меняла — сейчас Алита почти не узнавала себя. — Ну ты же умный человек, Рекиген. Если ситуацию нельзя изменить, то с ней можно смириться.

Принц печально усмехнулся.

— Значит, иллюзия счастливой семьи? — сказал он, и Алите вдруг стало жаль его. Это чувство было пронзительным, почти причиняющим боль. Она неожиданно поняла, насколько одиноким был Рекиген, седьмой принц, которым никто никогда не интересовался, не занимался и не принимал всерьез.

— Что тебе важнее? — спросила Алита, ласково погладив его по плечу. — Семья или власть?

Принц усмехнулся. Развел руками.

— Спроси ты меня утром, я бы ответил точно. А сейчас не знаю.

— Знаешь, у меня когда-то была семья, — призналась Алита. — Я думала, что она настоящая. Верила в это. Делала все для того, чтобы мой муж был счастлив, — Рекиген взглянул на нее со странным интересом, и Алита продолжала: — А в итоге оказалось, что все это так... Пыль на ветру.

Она сама удивилась той грусти, которая прозвучала в ее голосе.

— Мы с тобой несчастные люди, — заметил Рекиген. — Каждый в своем смысле, но несчастные.

— Не используй меня вслепую, — попросила Алита. — Я тебе помогу, только игра должна быть честной.

Принц кивнул.

— Разумеется, — ответил он. — Если уж играть, то играть без подводных камней, правда?

Кровавый гной в розовом сиянии медленно таял. Алита вздохнула с облегчением, прекрасно понимая, что это всего лишь временная передышка.

Печаль Рекигена не обманула ее. Теперь Алита отлично видела всю нависшую над ней опасность. Оставалось решить, как выбраться из этого с минимальными потерями.

Лефевр занял пост директора правового департамента в первый день зимы. Снег выпал несколько дней назад, и столица, которую Лефевр теперь видел из окон своего нового кабинета, стала торжественной и чистой. Вся грязь и мерзость осени были моментально забыты. Снег заставил поверить в то, что жизнь налаживается, и в этой новой жизни уже не будет места ни греху, ни горю.

За этот месяц Лефевр сумел отыскать еще пять артефактов. Четыре были мертвы, пятый оказался настолько слаб, что имел уже исключительно научный интерес, и Лефевр с чистой совестью сдал его на кафедру артефакторики. За месяц он написал Длите семнадцать писем, но так ни одного и не отправил. В этом уже не было смысла. Гуле был прав: шевелиться стоило раньше. Лефевр это прекрасно понимал, но не мог не думать и не мог, устроившись вечером в кабинете, не вынимать из папки очередной лист бумаги... Соня Тимофеева, должно быть, и не вспоминала о нем: у нее было много дел.

Лефевр не упускал из виду ни единого упоминания о ее высочестве — а столичная пресса писала о Длите чуть ли не каждый день. Принцесса действительно была крайне занятым человеком: она занималась благотворительностью, лично курировала открытие сети бесплатных школ с полным пансионом для детей из бедных слоев населения и на средства мужа начала строительство больниц для городской бедноты. В отличие от прочих членов большой королевской фамилии, ее высочество Алита была очень открытой и доброжелательной. Газеты поначалу писали об этом с легким удивлением: ни одна принцесса не стала бы разговаривать с прачкой, с искренним интересом узнавая о нуждах ее детей и оказывая помощь не на словах, а на деле — но удивление вскоре сменилось уважением и любовью. Лефевр отмечал, что авторитет Алиты среди всех слоев столичного общества становится все более и более значительным. Она была молода, хороша собой и очень добра, она всегда готова была прийти на помощь каждому, кто нуждался в ней — читая очередную статью, Лефевр подумал, что в этом и заключался план Рекигена. Стать мужем народной героини, обрести популярность и уважение, а затем...

А затем Алиту убьют — Лефевр вдруг понял это с невероятной, потрясающей ясностью.

В качестве невинной жертвы она принесет Рекигену намного больше пользы. Столица — да что там столица, вся страна выйдет на площади, требуя отыскать и казнить виновных, и скорбящий Рекиген их найдет: например, своих старших братьев, которые решили, что принцесса слишком уж активно набирает популярность. Его величеству ничего не останется, кроме как вершить справедливый суд, и Рекиген станет наследником престола. Свет новоявленной мученицы озарит путь к трону, его высочество наверняка пообещает продолжить добрые дела своей жены, но, разумеется, ничего не сделает, а зачем? И постепенно об Длите все забудут.

В кабинет постучали, и секретарь, долговязый молодой человек с удивительно глупым лицом, принес стопку конвертов на подносе.

— Почта, господин директор, — произнес он без выражения и аккуратно положил письма перед Лефевром. Лефевр смерил его изучающим взглядом и подумал, что секретарь наверняка снабжает нужной информацией заинтересованных людей в министерстве. Как недавно рассказал Гуле, будущее назначение Лефевра министром весьма опечалило некоторых высокопоставленных господ. Что ж, Лефевр понимал, на что идет, когда соглашался на должность.

— Идите, — сухо сказал он, и секретарь подался к выходу. Решив вечером поискать в кабинете что-нибудь вроде мелких подслушивающих артефактов, Лефевр принялся разбирать почту. Деловой переписки было много — да, в общем-то, почти все его время занимала работа с официальными бумагами. Впрочем, сегодня среди оранжевых конвертов государственной почты попался и один белый — частное письмо. Лефевр посмотрел на печать — стоящий на задних лапах лев держал копье

— и криво усмехнулся. Сегодня вечером открывался бальный сезон, и господин Куатто решил окончательно взять в оборот новоиспеченного директора и будущего министра. Он действовал в лучших традициях деловых кругов: серьезные вещи откладывать нельзя, сейчас слишком многие начнут подбивать клинья к Страховиду. Сломав печать, Лефевр прочел, что бал начнется в восемь вечера, и семья Куатто ждет и надеется, и все такое, и все прочее... Неожиданно ему стало весело, и Лефевр ощутил какой-то бодрый азарт, знакомый по временам охоты на злонамеренных ведьм. Алита все равно потеряна навсегда, судя по дагерротипам в прессе, они с Рекигеном вполне счастливы друг с другом, а он, возможно, просто накручивает себя на пустом месте, так... Так почему нет?

Маленький глиняный шарик с отпечатком пальца, который Лефевр почему-то до сих пор носил в кармане сюртука, разумеется, не дал ему ответа.

Миледи Этель Куатто исполнилось шестнадцать в конце лета. Девушка действительно была хороша собой и со временем обещала развернуться в настоящую красавицу. Тоненькая зеленоглазая блондинка, еще по-детски порывистая в движениях, она была похожа на лань, готовую в любой момент сорваться с места и убежать. Она была подчеркнута аристократична и нарочито хорошо воспитана, но порой сквозь оковы строгого воспитания пробивалась совершенно детская непосредственность, и тогда миледи улыбалась гораздо шире, чем предписывал этикет, или, забываясь, указывала на что-то пальцем. Ее матушка, госпожа Катин, до сих пор сохранившая идеальную осанку и прекрасный цвет лица, постоянно одергивала дочь, а в ее холодных голубых глазах плясали огоньки того же азарта, что испытывал Лефевр. «Интересно, кто же здесь настоящий охотник?» — подумал он, неторопливо входя в бальный зал, сверкающий золотом, огнями и драгоценностями дам, и делая вид, что не замечает семейства Куатто. Его-то, конечно, увидели сразу, но Лефевр

умудрился взять другое направление, и на какое-то время его потеряли из виду. Он прошел по залу, лениво прислушиваясь к разговорам и издали оценивая товар, который господин председатель так желал ему вручить, потом решил, что незачем мучить человека, который заботится о его деньгах, и подошел к семейству Куатто — папенька и маменька вздохнули с облегчением.

В зеленых глазах Этель мелькнул ужас — так зверь в капкане мог смотреть на охотника, поднявшего ружье. Лефевр неприязненно подумал о том, насколько же надо любить деньги и связи: судя по выражению лица, господин председатель готов был сунуть ему дочку прямо сейчас — бери, делай с ней, что хочешь, хоть фарш крути. Ты же одной ногой на верхушке власти, тебе все можно, только нас потом не забудь и не обдели. «Видно будет», — мрачно подумал Лефевр и сказал:

— Искренне рад встрече, миледи Этель.

Не переставая улыбаться, матушка наградила дочку щипком, и Этель шагнула вперед и сделала реверанс.

— Я тоже рада, милорд, — робко промолвила она, изо всех сил стараясь сдержать слезы. Раскланявшись с четой Куатто, Лефевр предложил девушке руку и неторопливо повлек ее в сторону одного из балконов — там, возле высоких окон, можно было спокойно беседовать. Этель шла, как на казнь; Лефевр представил себя ее глазами, и картинка действительно вышла пугающей. Высокий уродливый тип, глава одного из самых жутких ведомств Сузы, который пытается ведьм даже в свободное время — не по работе, а уже для души, и с этим человеком придется жить под одной крышей и ложиться в постель. Лефевр подумал, что будь он на месте Этель — удрал бы так, что с собаками не наши.

— Ну что, миледи Этель, — сказал Лефевр, когда они вошли на балкон, и Этель почти без чувств опустила на низенькую банкетку. — Страшно, правда?

Девушка прерывисто вздохнула, сдерживая слезы, и посмотрела на Лефевра с такой мольбой, что ему почти стало стыдно.

— Нет, милорд, — ответила она. — Нет, ни в коем случае.

— Врете, — мягко заметил Лефевр, усаживаясь рядом. Этель бы с удовольствием отодвинулась от него, да некуда. — Ну будет, будет так дрожать, прелестное дитя. Не бойтесь, я не кусаюсь. Ваш батюшка решил, что из нас получится прекрасная семья. Давайте думать, что станем с этим делать.

Этель снова взглянула на него, и за слезами Лефевр увидел легкий проблеск любопытства. Наверняка она не ожидала, что разговор свернет в такую сторону.

— А что мы можем с этим сделать? — спросила она. Лефевр неопределенно пожал плечами.

— Первый вариант — это наша свадьба. Можно хоть завтра, — Этель снова вздрогнула: она явно не ожидала, что Лефевр проявит такую прыть. В конце концов, джентльмены так не спешат. — Скажу сразу: я собираюсь вам изменять. Меня мало интересуют целомудренные девушки. Я их, откровенно говоря, побаиваюсь и не знаю, что с ними делать. К тому же, я люблю другую женщину, и иногда это меня очень сильно мучит.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Этель ахнула. Подобный поворот возмутил ее до глубины души. «Скажи спасибо папе», — язвительно подумал Лефевр и продолжал:

— Вдобавок, у меня тяжелая нервная работа, и в быту я просто невыносим. А самое неприятное — это то, что вы каждое утро будете видеть мою физиономию. И каждую ночь

тоже. Супружеский долг никто не отменял.

Этель сидела ни жива, ни мертва. Накручивала на палец золотистый локон, выпавший из прически. На мгновение Лефевру стало жаль ее.

— Спросите меня, какой второй вариант?

— И какой же второй вариант? — девушка шмыгнула носом, вздохнула, и на персиковый шелк платья упала слезинка.

— Батюшка ведь любит вас? Ну вот и скажите ему, что я сумасшедший урод, и вы предпочтете умереть, чем выйти за меня замуж. Он пригрозит выпороть вас, запрет в чулан, даже лишит обеда — стойте на своем. Кстати, соединение двух частей куатонского масла и одной части настойки жеревеги вполне сойдет за отраву. Покажите батюшке пузырек и поднесите к губам. Даю вам слово дворянина, что он оставит вас в покое.

Этель снова шмыгнула носом и посмотрела на Лефевра уже без панического ужаса. Конечно, ему показалось, но вроде бы в ее взгляде появился какой-то практический интерес.

— Правда оставит? — спросила она. Лефевр кивнул.

— Можете мне поверить. Выбирать, конечно, вам. Но я буду вам крайне признателен, если вы предпочтете второй вариант.

Некоторое время Этель молчала, а потом неожиданно поинтересовалась:

— А та, другая женщина... Она вас тоже любит?

В зале грянула музыка — наконец-то начались танцы. Влюбленные кавалеры сейчас кружат по паркету своих дам, господа постарше и посolidнее устраиваются за карточными столами, а Лефевр больше всего хотел отправиться домой.

— Нет, она меня не любит, — ответил он и к удивлению своему услышал искреннюю горечь в голосе. Этель сочувственно вздохнула и сказала:

— Это прямо как в романе...

Лефевр ухмыльнулся. Конечно, о чем еще думать юной дурочке? Только о романах. Лучше уж о книжных героях, чем о том, что родители продают тебя тому, кому считают нужным, а ты и сопротивляться не можешь. Впрочем, миледи Этель читала не только романы, потому что вдруг спросила:

— А этот ожог у вас от артефакта?

В голосе девушки звучало чистое детское любопытство. Лефевр задумчиво посмотрел на свою покалеченную руку и ответил:

— Да, верно. Разбираетесь в артефактах?

— Немного, — смущенно призналась Этель и осторожно прикоснулась к изуродованной коже на запястье Лефевра. — Ползучий ударил, да? Я читала о них в книгах.

— Поразительно, — сказал Лефевр. — Вам не положено читать такие книги.

Этель вздохнула и отвела руку.

— Да, вы правы. Я хотела... хочу стать врачом. Но батюшка не разрешает. Говорит, что леди не должны работать...

Господин председатель был прав: ни одна женщина из благородной семьи не работала ни дня в жизни, занимаясь, в основном, своими платьями, обустройством букетов в вазах своего роскошного дома и вынашиванием и рождением детей. Большого от нее не требовалось, и, разумеется, желание дочери стать врачом поразило Куатто до глубины души. Как отец он был совершенно прав: выдать замуж и выбить глупые мысли из головы.

— И каким же врачом? — осведомился Лефевр. Этель посмотрела на него с искренним изумлением: наверняка никто прежде не задавал ей таких вопросов.

— Женским, — коротко ответила она. — Ну понимаете... врач-мужчина... — Этель замялась с совершенно очаровательным видом, а потом выпалила: — Когда я болела, то показывала доктору на кукле, где у меня болит. А если бы я стала врачом, то могла бы осмотреть леди, как следует, и это бы не было неприлично... — голос девушки упал до шепота, и она смущенно сжала кисточку на поясе, понимая, что говорит совсем уже невыносимые вещи. Лефевр подумал, что она сейчас расплачется.

Ему вдруг очень понравилась эта худенькая девочка — было в ней, такой милой и наивной, нечто важное, то, что делало миледи Этель особенной. Для своей семьи она была всего лишь разменной монетой, способом обстряпывать дела. Не задастся с Лефевром — господин председатель найдет, кому ее подсунуть. И наверняка этот кто-то не будет спрашивать, почему Этель хочет стать врачом.

— Я предложу вам третий вариант, — вдруг сказал он, то ли пожалев Этель, то ли решив уязвить ее папашу посильнее. — Выходите за меня замуж. Ваши родители будут счастливы до безумия. А я на правах супруга разрешу вам учиться врачебному делу, раз оно вам настолько по душе.

Этель посмотрела на Лефевра с ужасом и надеждой, словно не знала, что делать: то ли расплакаться, то ли броситься ему на шею. В конце концов, девушка порывисто обняла его — конечно, это было совершенно невыносимо, так падать на грудь почти незнакомому мужчине, но Лефевр подумал, что иногда полезно немного пошатнуть устои. Тем более, если мечта вот-вот осуществится.

— Согласны, миледи? — спросил он, мельком вспомнив старую истину, что есть добро, есть зло, а есть и выгода, и ради этой выгоды можно потерпеть и старого урода в постели.

— Согласна. — прошептала Этель и благодарно сжала его руку.

— Тогда пойдемте. Отдам вас родителям, чтобы начинали подготовку к свадьбе. И кстати, Этель, — он сделал паузу, пропуская девушку к выходу с балкона, — не бойтесь. Я не такой страшный, каким хочу казаться. Вы привыкнете.

Этель посмотрела на него так, словно перед ней предстал наяву один из героев любимого романа. Лефевр понимающе вздохнул и повел ее к родителям.

Расставшись с семейством Куатто — матушка едва не лишилась чувств от счастья, а господин председатель даже улыбнулся, что для знавших его было верной приметой невероятной радости — Лефевр покинул бальный зал и неспешно пошел по лестнице вниз. На улице шел легкий снежок, и он решил не брать экипаж, а прогуляться пешком и все обдумать.

Лефевр почувствовал ведьму между вторым и третьим этажом и ощутил, как по загривку прошла ледяная волна, а волосы на голове шевельнулись в предвкушении охоты. Ведьма была матерой и очень необычной — Лефевр не мог сказать вот так сразу, в чем заключается эта необычность, но было ясно, что впереди идет очень заковыристое отродье. Это было как в старые времена, когда Лефевр только начинал работу в инквизиции, отлавливая ведьм, и это было хорошо: он любил свою работу, любил охоту, и у этой ведьмы не было шансов.

Он достиг ее одним молниеносным движением, практически прорвав собой пространство: ведьма и пискнуть не успела, а Лефевр уже заломил ей руку, прижал к перилам и приставил к рыжему затылку маленькую табельную пистоль. Ведьма была одета

очень дорого и модно — в тонкое нежно-зеленое платье и легкую шубку поверх, от ее длинной белой шеи пахло какими-то едва уловимыми духами, а на изящном запястье, которое Лефевр стиснул чуть ли не до хруста, позвякивали браслеты — но он видел лишь темное облако с запахом крови. Золотистой метки регистрации в нем и в помине не было.

— Инквизиция Сузы, — процедил Лефевр, чувствуя почти забытое возбуждение от поимки опасной хищницы. — Только дернись, тварь.

— Не стреляйте, — умоляюще прошептала ведьма. Лефевр ловил терпкий запах ее страха, и этот запах опьянял похлеще самых крепких вин. — Господа ради, не стреляйте, я не делала ничего плохого...

Лефевр слегка ослабил хватку и поставил ведьму прямо. Тонкий каблук подломился, и она едва не упала на ступени.

— Вниз, — приказал Лефевр и подтолкнул ведьму коленом. Сильная колдунья без лицензии, надо же... Пожалуй, стоит устроить взбучку своему прежнему отделу, чтоб мух не ловили, а занимались делом.

— Не стреляйте, — повторила ведьма, медленно спускаясь по лестнице. — Прошу вас...

Она снова покачнулась — подвел сломанный каблук — и Лефевр подхватил ее под руку. Ведьма вздрогнула всем телом, разворачиваясь в его сторону, и тогда Лефевр увидел ее лицо: бледное, искаженное ужасом.

Глава 8. Глиняное солнце

К вечеру легкий снежок превратился в настоящую метель, и в ней медленно терялось все: дома, пешеходы, omnibusы, экипажи — белая пелена окутывала столицу, размывала формы и цвета, и постепенно начинало казаться, что больше нет ни земли, ни неба, только это мятущееся безмолвие.

Дом Лефевра встретил Алиту густой тишиной давно покинутого места. Маленькие лампы, в которых плавали зачарованные светлячки, не могли развеять тьму. Войдя в прихожую, Алита внезапно подумала, что входит в свой склеп — настолько сильным было давление инквизитора. Оно полностью разрушало волю и напрочь стирало все мысли о сопротивлении. Огюст-Эжен сейчас был действительно страшным: не человек — механизм уничтожения чужой души. Тяжелая душащая волна, что катилась от него, почти вбивала Алиту в землю.

— Я дал слугам отпуск, — негромко сказал Лефевр. Он сбросил пальто на диван и прошел к камину. — Здесь никого нет.

Почему-то это напугало Алиту чуть ли не до обморока. Медленно сняв шубку и сбросив такие бесполезные сапожки, она опустилась в одно из кресел, чувствуя себя марионеткой в руках кукловода, жестокого и безжалостного. Лефевр швырнул в камин маленький золотистый шарик заклинания, и дрова сразу же обняло веселым пламенем.

— Не бойся, — глухо сказал Лефевр, не глядя в сторону Алиты. — Я подавляю, да?

Она жалко улыбнулась и кивнула. Алите до сих пор казалось, что дуло пистоли упирается в ее затылок, и это было настолько жуткое чувство, что ноги подкашивались.

— Да, — откликнулась Алита. — Подавляешь...

— Прости, — промолвил Лефевр, и в его голосе сквозь застарелую привычку втаптывать ведьм в грязь мелькнуло что-то человеческое. — Ты сильно изменилась, Алита.

— Ты тоже, — негромко произнесла Алита, искренне надеясь, что инквизитор не расслышал ее. Но он все-таки уловил эти слова, усмехнулся.

— Да, наверно. Когда твой муж придет меня убивать за твой арест?

Алита не сразу сообразила, о чем он говорит. Потом в памяти мелькнуло имя седьмого принца и растаяло.

— Рекиген на севере, — ответила она. — Официальный визит в Полярный округ.

Лефевр понимающе кивнул. Отблески огня на лице придавали ему какой-то жуткий, фанатичный вид.

— Как ты? — спросил он, стараясь говорить мягко и сердечно. Алита поежилась: в доме было тепло, но ее снова стало знобить.

— Живу потихоньку, Огюст-Эжен, — откликнулась она. — Знаешь, ты тогда был прав. У Рекигена много хитрых планов. Ты был прав, а я тебя не слушала.

Он усмехнулся и отправил в огонь еще один шарик. Когда веселые алые языки пламени заскакали по поленьям, Лефевр отошел от камина и сел в кресло напротив Алиты. На какое-то мгновение ее накрыло соленой волной понимания: несмотря на все свое могущество он одинок и очень несчастен — и в этом есть и ее вина тоже.

— Ты не одна, — глухо сказал Лефевр. — Что бы он ни планировал, я тебе помогу.

— Правда? — с надеждой спросила Алита. Ее постепенно стало отпускать: пусть воля инквизитора по-прежнему душила ведьму, но этот напор постепенно становился меньше и

слабее.

— Конечно, — улыбнулся Лефевр. — Я тебя люблю, я тебе во всем помогу... — он откинулся на спинку кресла и сжал переносицу. — Господи, Алита, я ведь чуть тебя не пристрелил. Почему у тебя регистрации-то нет?

Алита пожала плечами. Вопрос про регистрацию она уловила как-то вскользь: в ушах до сих пор звенело «Я тебя люблю... Я тебя люблю...».

— Не знаю, — едва слышно промолвила она. — Это правда, Огюст-Эжен? Он отвел руку от лица и посмотрел на Алиту.

— Что?

Несколько секунд она молчала, собираясь с силами, а потом сказала:

— Я тоже тебя люблю, — на этом самообладание иссякло, и Алита почувствовала, что вот-вот расплачется. В груди почему-то стало жечь. — Почему мы с тобой такие дураки?

Лефевр поднялся из кресла и, приблизившись к Алите, протянул ей руку. Мрачная угнетающая волна, которая по-прежнему катилась от инквизитора к ведьме, теперь не была настолько мучительной. Когда Алита встала, Лефевр обнял ее и ответил:

— Не мы дураки, а я. Мне нужно было вести себя по-другому.

Алита вздохнула, слушая, как глухо и размеренно стучит его сердце. Огонь в камине снова начал гаснуть, кругом царила зимняя метельная ночь, и казалось, что ничего уже нельзя ни изменить, ни исправить — оставалось только смириться со сделанным и попробовать жить дальше.

— Прости меня, — промолвила Алита. — Если можешь, пожалуйста, прости меня за все.

Сердце пропустило один из ударов, а потом застучало снова.

— И ты меня прости, — откликнулся Лефевр. — Все должно было быть иначе.

Потом они целовались — жадно и долго, словно прощаясь друг с другом навсегда. Это было мучительно и больно, каждое прикосновение Лефевра отдавалось в теле Алиты ударом тока — возможно, именно так новая ведьминская сущность реагировала на того, кто должен был усмирять ее, но Алита ни за что не отказалась бы от этой боли и этой муки. Она успела потерять слишком много, чтобы утратить еще и себя. Потом Алита как-то вдруг поняла, что они лежат на ковре возле камина, догорающие дрова подернуты серым пеплом, но под ним до сих пор теплится ровный спокойный огонь, похожий на тот, что сейчас медленно разливался по телу Алиты. И в этот миг ей было неважно, что будет дальше, какие планы строит Рекиген, потому что сейчас в мире были только два человека, и только то, что они любят друг друга, имело какой-то смысл.

Постепенно боль ушла, и Алита вздохнула спокойнее и глубже. Теперь, когда они с Лефевром двигались в едином ритме, Алита перестала чувствовать что-то, кроме нарастающей волны — не удовольствия, ощущение, которое сейчас охватывало ее, было намного больше и сильнее любого удовольствия. Это было какое-то идеальное совпадение внешнего и внутреннего, это был ее личный маленький рай, в котором была только любовь и желание, чтобы любимый был еще ближе, еще сильнее, еще...

Откуда-то издали послышался легкий вскрик, подхваченный зимним ветром и брошенный в пламя камина. «Да ведь это же я», — вдруг поняла Алита. Она чувствовала, как внутри пульсирует и растекается что-то горячее, слышала свое хриплое дыхание, и понимание того, что наконец-то все сделано правильно, накрыло ее с головой. А потом они долго лежали рядом, не произнося ни слова, и это тоже было правильно — в какой-то

момент Алита почувствовала, что соединение их душ достигло пика, и Лефевр видит себя ее глазами — видит, что он прекрасен, потому что любит и любим. И это было самым правильным.

— Почему все хорошее обязательно заканчивается? — спросила Алита, когда они все-таки поднялись с ковра, привели себя в порядок и отправились пить чай. — Я не согласна.

Лефевр усмехнулся и пододвинул ей коробку пастилы.

— Давай думать, что теперь делать, — предложил он. — Рекиген скоро вернется домой, у меня нарисовались свои матримониальные перспективы...

К своему удивлению Алита не почувствовала ни удивления, ни досады. Почему бы и нет? Лефевр заслужил право на семейное счастье, даже на иллюзию, как выражается Рекиген.

— Я не хочу тебя отпускать, — признался Лефевр. — Не только потому, что люблю. Потому что принц строит планы, в которых ты мертвая ему выгоднее живой.

Алита понимающе кивнула. За этот месяц она смогла очень многое обдумать и решить, что Рекиген действительно ваяет из нее кого-то вроде здешней принцессы Дианы, и трагическая гибель вполне вписывается в его планы. Огюст-Эжен говорил ей об этом с самого начала, но тогда она не хотела его слушать.

— Да, все так, — ответила Алита. — Вот только я пока не знаю, что со всем этим делать. Потому что формально принц не дает никаких поводов для обид или претензий, — она сделала паузу и осторожно добавила: — Рекиген идеальный муж.

Лефевр понимающе кивнул.

— Что говорит Ахонсо? — спросил он и тотчас же задал второй вопрос: — И что с тобой сделали? Ты сейчас очень сильная ведьма. Я таких за всю работу видел три раза. Сильная и непонятная, вроде бы не злонамеренная, но в то же время темная.

Алита вздохнула и налила себе еще чаю. Порыв ветра швырнул в стекло крупную горсть снега, лишний раз напомнив, что скоро ей придется вернуться туда, где есть политика, интриги и очередной мужчина, который делает ее разменной монетой в своих замыслах.

— Ну давай по порядку. Ахонсо говорит, что пока я все делаю правильно, и волноваться не о чем. Но я думаю, что он просто выжидает. И Рекиген выжидает, — она сделала паузу, а потом сказала: — Они оба хотят сделать меня виноватой. В итоге государь ли убьет принца, или принц государя... Крайней назначат меня. Ведьму.

Лефевр задумчиво потер висок и пристально посмотрел на Алиту. Взгляд был как удар плетью — она снова почувствовала, что рядом сидит не любимый и любящий человек, а инквизитор, тот, который посвятил жизнь охоте на таких, как она.

Это было жутко. Должно быть, Лефевр как-то ощутил пронизывающую дрожь Алиты, потому что отвел взгляд и сказал:

— Да, это тоже нельзя сбрасывать со счетов.

— Если бы все можно было изменить... — вздохнула Алита. В носу стало предательски щипать. — Не надо было мне выходить замуж за принца. Не надо.

Лефевр провел пальцем по скатерти, стирая невидимую пылинку. Сейчас он выглядел как человек, который несет тяжелую ношу и ничего не может с ней сделать, даже разместить на плечах поудобнее.

— Я тебя предупреждал, — еле слышно откликнулся он, и Алита внезапно ощутила укол ярости: острый, болезненный. Предупреждал он. Да уж.

— Да, — свывозом сказала она. — И что мне оставалось? Я не дура, я понимала, что

принцы не женятся на свинарках... Что ты предложил-то, кроме предупреждения?

Она вдруг поймала себя на том, что у нее гневно раздуваются ноздри. Конечно, легко ничего не сделать, а потом стоять красивым в белом и говорить, что предупреждал. Это злило не на шутку. Но, взглянув на Лефевра, Алита вдруг с невероятной ясностью поняла, что он страдает не меньше: потому что не смог поверить в то, что его тоже могут полюбить, потому что оказался слабее, чем считал, и потому, что боится ошибиться теперь.

— У меня нет никакого опыта в общении с женщинами, — с грустью признался Лефевр. — С хорошими женщинами, которые ко мне добры, — он сокрушенно вздохнул и сказал: — Надо было представить, что я говорю с Бригиттой, тогда бы... — Алита хотела было сказать, что теперь не стоит горевать из-за прошлого, но Лефевр только рукой махнул: — Не жалею меня. Это уже не нужно. Просто знай, что теперь я не допущу, чтобы ты попала в беду.

Помедлив, Алита взяла его за руку — она была тяжелой, крупной, с некрасивыми белыми шрамами на костяшках пальцев — и сказала:

— Давай забудем? Давай просто забудем? И попробуем жить дальше?

Сейчас Алита и сама не верила в то, что говорила. У нее был муж, Лефевр тоже собирался создавать семью, и больше всего Алите хотелось, чтобы эта снежная ночь не заканчивалась. Потому что день принесет только новые беды, и счастье, которое станет украденным и горьким, будет возможно только урывками. Лефевр задумчиво погладил ее пальцы и сказал:

— Видишь ли... я знаю твое имя. Твое настоящее имя.

На мгновение Алите показалось, что из дома выкачали весь воздух, и сейчас она задохнется и умрет. В висках застучало, а пальцы нервно затряслись — и, снова глядя на себя со стороны, Алита увидела, как зажимает Лефевру рот.

— Ни слова, Огюст-Эжен, — взмолилась она хриплым шепотом. — Молчи, Господа ради.

Лефевр осторожно отвел ее руку и произнес:

— В сочетании с нужным артефактом имя открывает ворота между мирами. Ты сможешь отправиться домой, Алита.

На мгновение Длите стало жутко — это была ледяная пронизывающая жуть, за которой не может быть ничего, кроме смерти. У нее даже живот от страха свело.

— Нет, — прошелестела она. — Нет, только не это. Я не хочу.

И ей стало ясно, что это самое правильное решение, которое она когда-либо приняла.

Снег перестал только под утро. Когда небо принялось медленно наливать серым рассветным сумраком, метель унялась, и последние снежинки задумчиво вились возле фонарей, словно мелкие насекомые. Стоя у окна, Алита подумала, что скоро Новый год, вспомнила, что Рекиген планировал устроить личный бал, и реальность все-таки навалилась на нее и накрыла собой, и с этим надо было что-то делать.

Тихонько спустившись на первый этаж, Алита прошла к давно погасшему камину подхватила брошенную на пол шубку и на мгновение ей показалось, что нельзя уходить вот так, втихомолку когда любимый человек спит, словно она воровка и покидает ограбленный дом. Она отогнала эту мысль, как назойливую муху. То, что выглядело единственно верным вечером и ночью, уже не было таким, когда наступило утро. Интересно, большой ли выйдет скандал? Слишком многие видели, как народную любимицу скрутил один из самых важных сотрудников инквизиции. Наверно, история получится грандиозная, особенно с учетом того,

что до инквизиции они так и не доехали. Все планы Рекигена полетят к чертям: рогоносцев не жалеют и уж тем более не сажают на трон. Впрочем, он наверняка придумает, как из этого выпутаться.

Накинув шубку, Алита выскользнула из дома и несколько мгновений стояла на пороге: легкий морозец обжег разгоряченное лицо, ветер пробрался под подол платья, и в его свободном прикосновении было что-то энергичное и бодрящее. Поежившись, Алита вышла за ворота и неторопливо побрела по пустынной улице, надеясь найти свободный экипаж и вернуться во дворец.

Если бы она знала, что столкнется с Огюстом-Эженом, то никогда бы не пошла на этот бал. Конечно, некоторые вопросы проще решать в неформальной обстановке

— Алита встретила с одним из председателей Приморского банка и почти сразу же договорилась с ним об очень выгодном размещении личного вклада, разумеется, втайне от всех. В последнее время она готовила обходные пути и делала небольшие схронки, чтобы в случае неминуемых неприятностей не остаться без средств и возможностей. Но эта неожиданная встреча...

— Ваше высочество, — неожиданно прозвучавший голос заставил Алиту вздрогнуть. — На пару слов.

Человек, деликатно придержавший ее под локоть, был абсолютно непримечательным. Светло-голубые глаза, бледное лицо с какими-то простецкими, смазанными чертами, пушистая рыжеватая шевелюра, одежда из магазина готового платья — увидишь такого на улице и не заметишь. Особой приметой были, разве что, шрамики от оспы. Человек доброжелательно улыбнулся и продемонстрировал Длите бронзовый жетон: секретная служба Сузы, капитан третьего ранга. Насколько Алита успела разобраться в здешнем положении дел, такой капитан мог стоять генерала. Скромный капитанский чин мог быть чистой воды декорацией.

— Мартин Бингалар, к вашим услугам, — представился человек и поднес пальцы к виску. — Есть разговор, ваше высочество. В ваших интересах.

— Разумеется, — кивнула Алита. Она и не собиралась сопротивляться. — Чем могу помочь, господин Бингалар?

— Просто Мартин, — улыбнулся капитан и с поклоном предложил Алите руку. Когда она взяла его под руку, капитан произнес: — Тут неподалеку есть неплохое кафе, где можно поговорить, не опасаясь лишних ушей. Вы пьете кофе?

Алита утвердительно кивнула.

— Без сахара.

— Ну и замечательно, — Бингалар снова улыбнулся и повлек ее куда-то в переулок. Булочник, раскладывавший на лотке свой свежеспециенный товар, перемигнулся с капитаном и вернулся к работе.

Неплохое кафе оказалось маленьким подвальчиком без посетителей. Кельнерша в белом фартуке, дремавшая за стойкой, приоткрыла глаза, смерила капитана и принцессу слишком пристальным взглядом и снова задремала. Бингалар взял со стойки поднос с кофейником и чашками и чуть ли не извиняющимся тоном объяснил:

— Трое суток на дежурстве. Не выпью кофе — мне конец.

— Разумеется, — без выражения ответила Алита. Бингалар кивнул в сторону отдельного столика в дальнем углу и, когда Алита сняла шубку и села на высокий стул с витыми ножками, сказал:

— Конечно, это не место для дамы из высшего света, зато можно поговорить спокойно.

— Слушаю вас, Мартин, — промолвила Алита. Бингалар налил ей чашку кофе и придвинул кофейник к себе.

— Собственно, я хотел бы обсудить с вами нынешнее положение дел, — сказал он, налив первую чашку и осушив ее одним большим глотком. На бледных щеках капитана сразу же вспыхнули пятна румянца. — А положение дел таково, что вчера при всем честном народе директор правового департамента инквизиции Огюст- Эжен Лефевр арестовал ее высочество Алиту, принцессу Сузианскую и Гилимерскую. Причем едва не вышиб ей мозги на радостях, поскольку ее высочество — сильнейшая ведьма с неопределяемым вектором да еще и без регистрации, но до правового департамента они так и не доехали, — он нацедил вторую чашку кофе и выпил ее уже медленно, щурясь от удовольствия.

— Он узнал меня, — сказала Алита, стараясь говорить как можно спокойнее. — Узнал и отвез во дворец. В конце концов, милорд Лефевр друг нашей семьи... А что напал на ведьму, так это его работа. И моя вина, что я не прошла повторную регистрацию после получения личного заклинания.

Бингалар усмехнулся и махнул рукой.

— Конечно, нет. Я лично проследил за вами до его особняка. Внутри не заглядывал, щадя вашу скромность. Но полагаю, вы таки недурно провели время, наставляя рога его высочеству.

Алита вдруг обнаружила, что нервно сжимает и разжимает челюсти. Она не могла дать названия тому чувству, которое сейчас ее мучило — но это было жутко.

— Бросьте хмуриться, — Бингалар одарил ее очаровательной улыбкой и снова взялся за кофейник. — Поймите, дорогая принцесса, я ваш самый искренний друг.

— Вряд ли тот, кто за мной шпионит, может быть моим другом, — сказала Алита, постаравшись вложить в свои слова максимум язвительности. Впрочем, Бингалара этим было не пронять.

— Уж поверьте, — улыбнулся он и продолжал уже серьезнее. — Алита, я слежу за вами после вашего вечера с принцем на набережной. Я знаю все о вас, о ваших трогательных отношениях с господином Лефевром, о том, что вы, возможно, одна из сильнейших ведьм за всю историю Сузы. А еще о том, что вы — и это с гарантией

— будущая королева. Поверьте профессионалу.

— Вы сумасшедший, — выдохнула Алита, откинувшись на спинку стула. Бингалар весело улыбнулся. Заглянул в кофейник и разочарованно вздохнул:

— Кофе кончился... Нет, дорогая, я не сумасшедший. За короткое время вы, злонамеренная ведьма со дна общества, сумели влюбить в себя всю страну. Вы красивы, молоды, умны, вы не брезгаете никем из тех, кто идет к вам за помощью, вы бесконечно добры и вы ведьма. Знаете, сколько всего в Сузе ведьм и ведунов? Двадцать семь процентов населения! Не все, конечно, злонамеренные, но сама цифра впечатляет. Конечно, они захотят видеть на престоле одну из своих. Кому нужен этот Рекиген? Его лучший поступок — женитьба на вас, об этом говорят почти в открытую. И его величество совсем не против составить указ о престолонаследии в вашу пользу.

На мгновение Алите показалось, что она тонет — Бингалар вывалил на нее столько информации, что уцелеть не представлялось возможным. Алита вдруг с невыносимой, почти болезненной ясностью увидела этот крошечный подвальный с маленькими столиками и

догоревшими свечами, ухватила тонкую ленту одеколона капитана, услышала, как по улице прошел первый омнибус — сердце кольнуло тупой иглой, и Алита сказала:

— Вы все-таки сумасшедший.

— Поймите меня правильно, — серьезно сказал Бингалар. — То, что вы согласились стучать на принца, было обычной проверкой на лояльность. Его величество уже стар, но возраст не отнял у него ума. И он прекрасно понимает, насколько быстро меняется жизнь, и знает, на кого надо делать ставку.

— На кого же?

Кельнерша принесла еще один кофейник, и Бингалар тотчас же налил себе еще одну чашку.

— Как на кого? — спросил он с самым невинным видом. — На свой народ, конечно. Видите ли, пройдет каких-то пятьдесят лет, и все эти короли, дворяне, сословия станут просто красивыми атрибутами, не принимающими сколь-нибудь важных решений. Жизнь меняется. Мир меняется. И Ахонсо понимает это лучше остальных. Народ вас любит, вы коронованная принцесса, так почему бы и не бросить народу такую лакомую косточку? Будь иначе, разве он позволил бы сыну жениться на девке из бардака? Сохрани, Господи!

Ужас, который охватывал Алиту, вырос настолько, что она схватилась за край стола

— просто для того, чтобы почувствовать хоть какую-то опору.

— Но зачем? — прошептала она. Бингалар мечтательно прищурился.

— Его величество думает вперед. А впереди обязательно будут революции, восстания, бунты и кровь на улицах. Новый мир рождается, как и человек, в крови и дерьме. И Ахонсо просто хочет обезболить процесс. Сперва народная королева. Потом ряд знаковых реформ. Потом что-то еще, что сделают уже ваши дети и внуки, — Бингалар вынул из внутреннего кармана сюртука помятую сигару и отгрыз ее кончик. — Впрочем, давайте поговорим о более близких делах. Потому что ваш арест — это таки грандиозный скандал, и надо решить, как представить все так, чтобы вышел триумф.

Алита промолчала, прекрасно понимая, что в ее ситуации лучше послушать то, что скажет Бингалар. Он с удовольствием закурил — несмотря на непритязательный вид, его сигара обладала очень дорогим ароматом — и вопросительно посмотрел на Алиту.

— Итак, ваше высочество? Что будем делать? Если мы не придем к какому-то решению через полчаса, то я буду вынужден арестовать вашего сердечного друга за преступление против короны.

«Значит, действительно непростой капитан, — подумала Алита, — раз может арестовать директора департамента».

— Почему именно полчаса?

— Через полчаса в газетах должен выйти рассказ о вчерашних событиях, — объяснил Бингалар. — Милорд Лефевр, конечно, знаток своего дела, профессионал... И поверьте другому профессионалу, нет ничего хуже, когда такие люди слетают с катушек.

— Он не слетел с катушек, — сухо сказала Алита. — Он делал свою работу.

Бингалар кивнул.

— Да. Но почему он с такой жестокостью арестовал принцессу сузианского королевского дома, причем свою бывшую коллегу? Вдобавок, как вы сказали, он большой друг вашей семьи. Видит Господь, я думал, он вас застрелит.

Алита нахмурилась. Она не могла понять, куда ее подводит Бингалар, и это пугало.

— Послушайте, господин Бингалар, если вы...

Капитан брезгливо скривил губы.

— Мартин, — с нажимом сказал он. — Просто Мартин, ваше высочество. Итак?

— Я не знаю, — прошептала Алита, понимая, что сейчас расплачется. — Что вы предлагаете?

Бингалар одобрительно улыбнулся.

— Вы ведь понимаете, что ваша деятельность некоторым как кость в горле?

— Разумеется, — кивнула Алита, разобравшись, куда он клонит. — Старшие принцы увидели в Рекигене конкурента.

— Вот именно, ваше высочество. Вас — прекрасную жену, порядочную женщину — решили скомпрометировать. Конечно, вас не было на балу. Где вы были в это время?

Алита стала судорожно прикидывать, где могла провести вечер и ночь.

— Я ездила за город, в сиротский приют, — ответила она. — Он под моим покровительством. На обратном пути у меня сломался экипаж, и в столицу я приехала только утром.

Бингалар кивнул с таким видом, словно наелся чего-то сладкого.

— Совершенно верно, ваше высочество. Вы ведь и были в том приюте, только не вечером, а днем. С корабля на бал, верно? — Алита утвердительно качнула головой, и Бингалар продолжал: — А женщина, которую арестовали на балу — это навка. Знаете, кто такие навки?

Алита беспомощно пожала плечами.

— Это морок, напускаемый на людей, — объяснил Бингалар, и в его взгляде промелькнуло что-то холодное, на мгновение сделав капитана затаившимся чудовищем. — Гибельный морок... Разумеется, милорд Лефевр не мог поступить иначе. Навку он, конечно, развоплотил, но и сам был ранен, поэтому комментарии прессе пока даст наша служба. А самое интересное — это то, что следы навки ведут в самые высокие круги сузианского общества, где многим не по нраву деятельность молодой принцессы и ее популярность в народе, — теперь Бингалар говорил так, словно диктовал статью журналисту. Алита слушала его и не знала, куда деть руки. Она очень редко чувствовала себя настолько слабой и беспомощной. Даже бесполезной.

— Я поняла, — сказала она. — Что теперь?

Бингалар неопределенно пожал плечами. Кельнерша встала со своего высокого стула за стойкой и, накинув на плечи пальто, покинула заведение. Должно быть, пошла передавать информацию в нужные руки.

— Теперь можете ехать домой, — Бингалар вдруг сально улыбнулся — эта улыбка смотрелась на его лице совершенно чужеродной и неестественной — и сказал: — Только будьте очень осторожны, хорошо? Раз уж у милорда Лефевра настолько мутится разум, когда он вас видит, — Алита поджала губы, придумывая максимально хлесткий ответ, и Бингалар тотчас же произнес: — Я не запрещаю вам встречаться, что вы. Просто помните, что его величество делает ставку на вас обоих.

— Он не может сделать меня королевой, — промолвила Алита. — Это бред. Я простая девка из бардака.

Бингалар встал со стула и снял с крючка пальто. Алита последовала его примеру и, поднявшись, обнаружила, что ноги затекли.

— Его бабка, великая императрица Криштина, была обычной торговкой, — сказал он, заботливо подавая Длите шубку. — Так что наш государь лучше других понимает силу

случая, который возносит людей на трон. Не бойтесь, ваше высочество. И будьте осторожны.

В принципе, он мог бы и не давать такого совета. Алита теперь готова была шарахаться от собственной тени.

— Огюст-Эжен! Вы спите?

Голос, прозвучавший в голове, был смутно знаком — Лефевр нахмурился и вспомнил, что это голос того самого артефакта, который составлял карту.

— Половина шестого утра, — пробормотал он куда-то в подушку. — Конечно, я сплю.

— А, — разочарованно протянул артефакт. — Ну спите, спите. Ладно.

Алита ушла полчаса назад: Лефевр слышал, как она поднялась с постели, но не стал ее останавливать. Это было правильно. Не везти же ее лично во дворец, да еще и ручку поцеловать возле дверей.

Подушка еще хранила запах ее волос и духов.

— Огюст-Эжен, — не унимался артефакт. — Она красивая. Я видел.

— Вы производили более благоприятное впечатление, — вздохнул Лефевр, перевернулся на спину и заложил руки за голову. В свете крошечного ночника потолочная фреска казалась живой, и люди на ней медленно двигались. — А теперь вам не придется поболтать?

— Мне скучно, — признался гвоздь. — И вы мне понравились. Слушайте, выкупите меня у моего владельца?

Лефевр хмыкнул. Только говорящего артефакта ему и не хватает, для полного-то счастья. Потому что он, честно говоря, влип по уши. Арестовал принцессу на глазах всего честного люда, потом наставил принцу лосиные рога, а вдобавок ко всему собирается жениться на юной дочери банкира... Изумительно. Просто изумительно. Выбраться бы живым из всего этого.

— Выберетесь, — заверил его артефакт. — Его величество Ахонсо имеет на вас очень серьезные виды. Рассказать?

Лефевр со вздохом завел глаза.

— Вы не пьяны, случаем? — осведомился он. — А то, сдастся мне, вы изволили наклюкаться.

Артефакт фыркнул.

— Ладно, давайте серьезно. Сегодня ночью министра Литто хватил апоплексический удар. Старик пока жив, но доктора говорят, что надолго его не хватит.

Лефевр сел в постели. Новость была крайне неожиданной и пугающей. Он отчего-то подумал, что министру могли помочь.

— Нет, конечно, — артефакт одарил его очередной усмешкой. — Министр просто старенький уже. Но дело в том, что государь уже подписал указ о вашем назначении на этот пост. Молниеносная карьера, правда?

Лефевр слушал и не понимал до конца, где находится, что происходит и как теперь себя вести — мысли путались, а мир внезапно вывернулся наизнанку и никак не хотел вставать обратно. Он растерянно смотрел по сторонам, и память все крутилась вокруг коробочки с орденом, которую вручил государь — маленькой такой коробочки с крошечной зацепкой на одном из золотых уголков.

— Еще бы, — выдавил Лефевр. — Сказал бы кто раньше, что так будет...

— Никто не ожидал такого взлета, — серьезно сказал артефакт. — Хотя это вполне логично и предсказуемо. Вы поймали самого жестокого серийного убийцу за всю историю

Сузы, а вчера отличились, изловив и обезвредив навку, которая приняла облик ее высочества Алиты.

Лефевр закрыл лицо ладонями и некоторое время сидел, не шевелясь, пробовал хоть как-то восстановить душевное равновесие. Потом он поднялся и вынул из кармана сюртука крошечную серебряную флягу с коньяком — артефакт сообщил такие новости, что их непременно следовало запить.

К его искреннему удивлению коньяк оказался абсолютно лишенным вкуса.

— Можно поподробней про навку? — поинтересовался Лефевр.

— Эту историю придумала секретная служба его величества, — охотно сообщил артефакт, — чтобы как-то объяснить ваш вчерашний подвиг. Огюст-Эжен, так нельзя. Вы вели себя крайне опрометчиво.

Лефевр только руками развел. Воспоминание о том, как все нутро поднялось, когда он почувствовал ведьму, обожгло и вскружило. Опрометчиво — пожалуй, не то слово. Он был просто опьянен возможностью охоты. Это было почти безумие.

— То есть, вместо Алиты я арестовал и развоплотил навку? Которая приняла ее облик? — Лефевр сделал еще один глоток и завернул крышечку фляги. В конце концов, джентльмены не начинают пьянствовать на рассвете. — И кто послал эту навку?

— Сколько вопросов! — обрадовался артефакт. — Сейчас капитан Мартин Бингалар диктует прессе, что следы этого морока ведут в покои королевской фамилии. Кто-то из высочеств решил скомпрометировать новоявленную принцессу, которую уже успели полюбить все слои общества от мала до велика.

Лефевр схватился за голову. То, что говорил артефакт, полностью вписывалось в его подозрения по поводу планов Рекигена. Конечно, о несуществующей навке скоро забудут, но для принца главное — создать прецедент. Когда будет нужно, эту историю вынут из сундука, отряхнут от пыли и представят всем желающим как доказательство того, что злоумышленники давно начали тянуть к Длите свои грязные лапы.

— Но вам сейчас лучше подумать о другом, — продолжал артефакт. — Его величество не просто так поставил вас министром, сами понимаете. Он планирует ряд реформ для инквизиции, причем таких, которые не прибавят вам любви коллег...

— Например? — перебил Лефевр. Он понимал, что у Ахонсо есть какие-то планы на его счет: государь не с пуста места устроил ему такой феерический взлет карьеры, и Лефевр не обольщался по поводу своих профессиональных навыков и устремлений.

Артефакт издал странное низкое сопение.

— Например, отмену регистрации для всех ведьм и ведьмаков, — сказал он, и Лефевр снова запустил руку в волосы. Этот нервный жест казался наиболее естественным в его ситуации: Лефевр чувствовал что-то похожее на звенящую пустоту, которая на несколько мгновений накрывает тело после раны — милостивая анестезия, сквозь которую потом все равно пробивается боль, приправленная ужасом.

— Невозможно, — произнес он. — Это невозможно. Это основа всей нашей работы, мы на том стоим...

Артефакт усмехнулся.

— Это дискриминация, мой дорогой Огюст-Эжен. Это злостное нарушение прав человека. Варварство и дикость. Законопослушные граждане отбираются по определенному признаку и отделяются от остальных, проходя унижительную процедуру регистрации. Потом они с трудом могут найти работу, получить образование, устроить личную жизнь. Так не

должно быть и так не будет.

Лефевр подумал, что напрасно убрал флягу: коньяка захотелось так, что даже живот свело. Артефакт нес какую-то несусветную чушь — и в то же время Лефевр понимал, что он говорит правду. Так могло случиться. Мир менялся, становясь совершенно непредсказуемым.

— Пожалуй, вы правы, — произнес Лефевр и не узнал собственного голоса. — Такие реформы не принесут мне популярности у коллег.

По голове словно ветерок прошел: Лефевр подумал, что артефакт таким образом приласкал его, погладив по растрепанным волосам.

— Зато народ вас будет на руках носить. Вы только представьте, какое единение власти и общества! Впрочем, это будет еще не скоро, дорогой друг. А самое интересное... Знаете, что?

Лефевр подумал, что после всего сказанного ему просто страшно представить, что еще мог припасти артефакт. Видит Господь, с него было достаточно.

— Что же? — спросил он, когда пауза стала уже неприличной.

— Спуститесь в гостиную, — уклончиво сказал артефакт. — Увидите.

Со вздохом поднявшись с кровати, Лефевр накинул домашний халат и покинул комнату. Коридор был озарен тусклым отблеском золотистого света, идущего откуда-то снизу, и этот свет был Лефевру незнаком. Он не имел отношения ни к знакомому огню ламп, ни к жару камина. В нем было что-то неожиданное и что-то хорошее. Лефевр понятия не имел, почему, подходя к лестнице, подумал о хорошем — эта мысль пришла извне.

— Вы всю жизнь работаете с магией, — продолжал артефакт. — По большому счету вы злонамеренный маг, причем достаточно сильный. И от ареста и тюрьмы вас спасает только то, что вы стоите по другую сторону баррикад. Когда вы признаете это до конца, то кто знает... Может, следующим государем будете именно вы?

Лефевр беззвучно взмолился, чтоб артефакт в конце концов заткнулся и оставил его в покое. Утро казалось нереальным, словно Лефевр до сих пор спал.

— Вы не спите, Огюст-Эжен, — мягко сказал артефакт. — Вы стоите на пороге своей новой жизни и боитесь открыть дверь.

В гостиной было светло, как в самый яркий солнечный день. На какое-то время Лефевр зажмурился — слишком уж резким и пронзительным было это сияние — но потом он вдруг почувствовал, что может открыть глаза и посмотреть, и эта мысль тоже пришла извне. Она была похожа мягкому толчку в спину: не медли, что же ты? Смотри! И Лефевр посмотрел.

Крошечное солнце лежало на ковре возле его брошенного сюртука. Оно медленно вращалось, пульсируя и рассыпая во все стороны разноцветные брызги света — и оно пело, тихо и мелодично. Лефевр ощутил, как волосы поднимаются на голове жестким ершом: мертвый артефакт, привезенный им из далекого леса на окраине Сузы, был жив, и он был не просто кусочком глины.

Он был центром всех миров. Точкой, в которой соединялось все.

Лефевр опустил на колени и протянул руку к шарик. Отпечаток пальца создателя на шершавом боку наливался жидким огнем, и прикосновение отдалось мгновенной острой болью во всем теле — но она прошла почти сразу, и Лефевр почувствовал радость, тихую и светлую, ради которой, наверно, Господь и создал людей. Шарик вращался на его ладони и пульсировал в такт его сердцебиению.

— Имя! — пропел шарик. — Назови имя и входи!

Недоумение порождает бездействие — сия мудрость отлита в бронзе и от частого употребления не стирается. Но если Алита, потрясенная до глубины души словами капитана секретной службы, действительно приехала во дворец и заперлась в своих покоях, где упала на кровать и закрыла лицо руками, то Лефевр, напротив, развил бурную деятельность.

Спрятав угасшее глиняное солнце в сейф и надежно заперев его на несколько заклиний, он быстро привел себя в порядок и отправился в особняк господина Куатто, завернув перед этим в нотариальную контору, облеченную особым доверием. Стряпчий, который только-только пришел на работу и собирался взбодриться парой кружек кофе, был, мягко говоря, удивлен настолько ранним визитом первого клиента, но за четверть часа приготовил все нужные бумаги и поехал вместе с Лефевром. Разумеется, господин председатель Центрального банка с супругой еще изволили почивать, но появление новоиспеченного министра на пороге разом придало им бодрости. Миледи Этель вытащили из постели и привели в отцовский кабинет по-простому, в ночной сорочке и с легкой шалью на плечах: испуганная девушка смотрела на Лефевра так, словно перед ней стоял самый жуткий демон из адских глубин.

— Такая спешка, такая спешка, — приговаривала матушка, пытаясь одновременно привести волосы дочери в приличный вид и поправить ее сорочку, мало похожую на свадебное платье. — Что скажут друзья нашего дома?

— Помолчи, дура, — прямолинейно посоветовал господин Куатто. Он всегда отличался крайним здравомыслием, прекрасно понимая, что настоящее значение имеют документы и подписи, а не цацки и убаживание приятелей. — Лучше вещи собери.

Матушка расцеловала Этель, смахнула со щеки слезинку и убежала отдавать распоряжения горничным. Дом ожил: за стенами кабинета слышался шум, голоса и топот быстрых ног. Этель была крупная дрожь: девушка не знала, что ей делать, и в итоге просто осела в одно из кресел, практически лишившись чувств.

— Итак, — стряпчий поправил очки с немилосердно заляпанными стеклами и прочитал: — Настоящим свидетельством удостоверяется, что Огюст-Эжен Лефевр и Этель Катарина Куатто заключили добровольный и законный брачный союз, о чем в книге государственных регистраций произведена запись за номером... — он оттарабанил сложную комбинацию из цифр и букв и протянул Лефевру перо: — Ваша подпись, господин министр.

Лефевр поставил неразборчивую закорючку напротив своей фамилии. Стряпчий удовлетворенно кивнул и передал перо Этель: девушке понадобились все ее силы, чтобы написать свое имя. Господин Куатто блаженно прищурился и издал короткий вздох исключительного удовольствия. Лефевр подумал, что председатель, к сожалению, не в курсе всей ситуации.

— Замечательно, — стряпчий деловито собрал документы и важно произнес: — Как официальный представитель Сузианской короны поздравляю вас с созданием семьи. Пусть она будет крепкой.

— Непременно, — сухо сказал Лефевр. — Сделаем все возможное. Дорогая, у вас четверть часа на сборы. Жду в экипаже.

Счастливые родители собрали новоиспеченную госпожу Лефевр за десять минут. Глядя, как матушка с батюшкой тащат плачущую девушку к экипажу, приговаривая что-то утешительное на ходу, Лефевр подумал, что человеческая алчность не знает границ — как, собственно, и человеческая глупость. Этель усадили в экипаж, и матушка разрыдалась — не от того, что единственное дитя покидает отчий дом, а потому, что нельзя закатить пышное

празднество, чтобы все знакомые умерли от зависти. То, что дочь при этом почти не отличается от тюка с собственной одеждой в плане значимости для родителей, уже не важно. Вещами надо торговать, а дорогими — тем более. Когда экипаж покатило прочь, Этель разрыдалась так, что стряпчий, сидевший рядом с Лефевром, смущенно и понимающе отвел глаза. Должно быть, полностью разделял девичий страх.

Когда они добрались до особняка Лефевра, утихшая было метель закружилась снова, а Этель успела проплакаться и смогла-таки взять себя в руки: в конце концов, она была девушкой из благородной семьи и не имела права вести себя, как крестьянка. Пройдя вслед за Лефевром в пустую холодную гостиную, Этель села на краешек дивана и сказала:

— Все так быстро случилось... Я не ожидала.

Лефевр усмехнулся. Стряпчий вынул из папки еще один исписанный лист гербовой бумаги и с поклоном протянул его Этель. Взяв лист, она некоторое время вчитывалась в написанное, а потом подняла глаза на Лефевра, и он подумал, что его юная супруга сейчас может служить живым выражением удивления — она в самом деле не верила своим глазам.

— Это... — только и смогла проговорить девушка. — Это...

— Это все имущество рода Лефевров, включая недвижимость и банковские счета, переведенное на ваше имя, — хмуро произнес Лефевр, и стряпчий тотчас же вытащил еще один лист и достал переносную чернильницу и обгрызенное перо. — А это свидетельство о расторжении нашего брака. Поставим подписи и отпустим занятого человека.

Этель подчинилась, решив просто плыть по течению и посмотреть, что будет потом. Лефевр от всей души одобрил такое решение и, когда стряпчий раскланялся и покинул его дом, сел рядом с девушкой и сказал:

— Пожалуй, наш брак поставил рекорд продолжительности, дорогая.

— Объясните, наконец, что происходит, — прошелестела Этель. Документы, которые она держала в руках, трепетали, едва не выскальзывая из дрожащих пальцев.

— Я надеюсь, что ничего страшного не случится, — искренне признался Лефевр и добавил: — Но очень скоро ситуация в Сузе может стать критической. Я обещал, что вы сможете учиться на врача, как всегда мечтали. Скоро сюда приедет мой товарищ, и вместе с ним вы отправитесь на Феленские острова. Насколько я знаю, там самая лучшая медицинская академия в мире.

Этель кивнула. Сквозь недоумение и испуг наконец-то сверкнуло нечто, похожее на осознание того, что мечта сбывается, и это помогло девушке окончательно взять себя в руки.

— Меня могут обвинить в государственной измене или в чем-то подобном, — продолжал Лефевр. — Чтобы избежать конфискации имущества, я переписал его на вас, миледи. Разумеется, это временно, и потом все придется вернуть.

Девушка утвердительно качнула головой, и на ее щеках впервые появился румянец.

— Я никогда бы не присвоила чужого, — чистосердечно заверила она. Лефевр подумал, что судьба, должно быть, любит его — несмотря ни на что, он все-таки встречает порядочных людей.

— Я в вас не сомневаюсь, Этель, — сказал он и добавил уже жестче: — Но на всякий случай, если свобода и финансовая независимость все-таки вскружат вам голову... Я могу не быть министром. Я могу не быть инквизитором. Однако, — и он сам удивился тому, с какой легкостью произнес эти слова: — я всегда буду злонамеренным магом. Такова моя природа.

Советую вам никогда этого не забывать.

По лицу Этель скользнула тень, но Лефевр сделал вид, что не заметил ее.

Собственность действительно привязывает к земле: сейчас, когда Лефевр добровольно лишился всего, ему было на удивление легко и спокойно. Входя в розарий вслед за личным помощником государя Ахонсо, Лефевр не чувствовал ничего, кроме этой легкости и свободы. Белые растрепанные розы постепенно отцветали, и их запах, прежде почти неуловимый, теперь обрел отчетливую прощальную резкость. Ахонсо сидел на скамейке, задумчиво перелистывал Святое писание и, когда помощник скрылся за кустами, негромко произнес:

— Аудиенция по поводу вашего назначения состоится вечером, милорд. Вы что-то рано.

Лефевр подумал и сел на скамью напротив. Государь даже не взглянул в его сторону.

— Позвольте говорить откровенно, ваше величество?

Белые брови Ахонсо дрогнули: это было единственным выражением каких-то эмоций.

— Разумеется, господин министр, — ответил он. Лефевр подумал о вытатуированном солнце на запястье государя и произнес:

— Вы действительно планируете переписать указ о престолонаследии в пользу ее высочества Алиты?

Ахонсо усмехнулся в усы.

— Ни в коем случае, Огюст-Эжен, — сказал он. — Вы просто никогда не читали этого указа до конца. А там написано, что действующий правитель имеет право избрать наследника из числа членов королевской фамилии. На свое усмотрение.

Растрепанная роза медленно уронила один из лепестков на дорожку. Лефевр подумал, что это, должно быть, романтично. Метель снаружи и розы внутри. Вот только вряд ли в жизни есть романтика. Одни подковерные игры и грязь. Розы не растут на таком болоте.

— Это глупо, сир, — равнодушно промолвил Лефевр. — Ее убьет кто-нибудь из ваших сыновей, едва вы закроете глаза. А народ усмирят пушками, это очень полезное средство, — Ахонсо впервые посмотрел ему в лицо, и Лефевр поспешил добавить: — Я знаю, почему вы так зацепились за эту девушку. И почему вы поверили ей, когда она сказала, что пришла из другого мира.

Некоторое время Ахонсо смотрел в глаза Лефевра, и тот никак не мог понять, что же именно кроется в этом взгляде за пустотой доброжелательности. И, когда государь все-таки спросил:

— И почему? — Лефевр понял, что победил.

— Потому что Криштина, ваша бабушка, тоже не отсюда, — сказал он, и тогда Ахонсо действительно изменился в лице. Куда-то исчез стержень, поддерживавший государя все это время: теперь перед Лефевром сидел старик, изо всех сил пытающийся справиться с собственной судьбой, чтобы защитить единственное, что имело для него смысл: свою родину.

— Она была торговкой, — продолжал Лефевр, стараясь говорить максимально искренне. — По архивным данным — слабоумная. Но так было с самого начала. Потом-то она смогла привыкнуть к новому миру и начала действовать. Я не буду пересказывать вам ее путь к трону, вы знаете его лучше, чем я. Но самое главное то, что вы, единственный внук Криштины, знали ее тайну. Знали, откуда она пришла и что увидела на своей прежней родине. А увидела она войны, кровь и революции, и рассказала вам об этом, потому что могла

поделиться своим грузом только с вами.

Ахонсо вздохнул и провел по лицу ладонями. Лефевр подумал, что его выстрел попал точно в цель. Некоторое время государь молчал, стараясь обуздать свое волнение, а потом вынул из кармана сюртука маленький колокольчик и позвонил. Личный помощник бесшумно вынырнул из-за кустов и поднес Ахонсо высокий бокал с густой темно-зеленой жидкостью. Лефевр с запоздалым сожалением подумал, что мог загнать старика в гроб своими откровениями.

— Мне не важно, кто именно будет сидеть на троне, — признался Ахонсо, когда помощник ушел. — Династии приходят и уходят, и это нормально. Это эволюция. В конце концов, под самыми дорогими штанами находится самая обычная задница. А вот будущее Сузы для меня имеет первостепенное значение. Я хочу процветания и счастья, а не казней и пушек. Это неправильно?

— Это самое правильное, — уверенно сказал Лефевр. Ахонсо раскрыл Писание наугад и некоторое время смотрел в книгу, вряд ли вчитываясь в написанное.

— Тогда что именно вас так мучит, Огюст-Эжен? С Алитой все будет в порядке, даю вам слово. Тем более, с таким другом, как вы.

Теперь уже Лефевру понадобилось несколько минут, чтобы собраться с духом и промолвить:

— Мы можем не успеть, ваше величество. Надвигается беда.

Глава 9. Обезьяна

Лефевр действительно был профессионалом: он понял, что Сузу ждут крупные неприятности, когда артефакт произнес слово «дискриминация» на русском языке — са эс дискриминация. Конечно, говорящий гвоздь мог просто выловить слово у него в голове, но Лефевр решил не слишком на это полагаться.

Он был уверен, что Винокуров изыскал-таки способ прорваться в Сузу. Возможно, старый писака каким-то образом влиял на артефакты — серебряный гвоздь, показавший себя при первой встрече выдержанным джентльменом, повел себя чересчур развязно и вольно, а смена вектора поведения была очень дурным знаком для артефактов. Возможно, Перо снова подыскивало жертву для Винокуровских затей, и преступления Мороженщика покажутся всем легкой закуской перед главным блюдом. Но сильнее всего Лефевра поразило то, что мертвый глиняный шар стал солнцем, источником невероятной силы. Вполне вероятно, что все эти события были никак не связаны между собой, но, как выражался Гуле, в иных ситуациях лучше перебдеть, чем недобдеть, и Лефевр был с ним полностью согласен.

Ахонсо выслушал его и, ворчливо сказав, что господин министр делает значительные выводы из незначительных вещей, все-таки позволил перевести внутреннюю охрану дворца, полицию столицы и опорные отряды инквизиции в режим полной боевой готовности для моментального отражения любой возникающей угрозы. Вдобавок, государь разрешил извлечь из личного хранилища большую часть запасов разрыв-камня и раздать его всем членам правящей династии, чтобы у них была возможность покинуть дворец магическим путем в случае опасности.

— Что там все-таки за история с навкой? — спросил Ахонсо, когда Лефевр поднялся со скамейки и шагнул к выходу из розария. Вопрос, разумеется, был с подвохом.

— Навки не было, — признался Лефевр, и признание снова далось ему с неожиданной легкостью. — Я действительно арестовал ее высочество с неподобающей случаю жестокостью. И это тревожит меня еще больше.

— Стороннее воздействие? — уточнил Ахонсо. Лефевр обернулся и увидел в глазах государя энергичный блеск. «Да, старый дуб еще пошумит», — подумал он и ответил:

— Полагаю, что так.

Ахонсо усмехнулся и прикрыл глаза.

— И что же случилось потом?

Одна из отцветающих роз уронила очередной лепесток — дождавшись, когда он упадет в аккуратно подстриженную траву, Лефевр ответил:

— А что еще, кроме любви?

Государь одарил его одобрительным взглядом и снова открыл свою книгу — он и так знал ответ. Лефевр поклонился и покинул розарий, надеясь, что в ближайшее время его никак не покарают за покушение на честь владыческой фамилии. Впрочем, у него сейчас были занятия поважнее.

Алита, стоявшая возле окна, видела, как Лефевр покинул дворец и направился к воротам. Он, должно быть, почувствовал ее взгляд, обернулся — Алита отступила за штору так, чтобы ее не было видно; дождавшись, когда экипаж министра выедет на проспект, Алита отошла от окна и снова легла на кровать.

Она не могла объяснить, откуда взялось это вязкое оцепенение, охватившее ее и не

позволяющее ни действовать, ни думать. Это было похоже на болезнь, что-то вроде гриппа, когда температура сжимает тело в объятиях и хочется просто лежать

— без мыслей, без эмоций, просто понимая, что внутри идет невидимая, но очень важная борьба, и надо всего лишь дождаться ее финала. И Алита лежала на кровати, запретив горничным входить в комнату, и думала не о муже и не о Лефевре — о Никитосе. Она и сама не знала, почему вдруг взялась перебирать фрагменты прошлого, старые открытки, сложенные в шкатулку и убранные в шкаф. Вот они едут по грибы, смеясь и разговаривая о пустяках, вот загорают на берегу маленькой речушки, вот наряжают елку — а ведь это прошлый новый год, и Алита тогда наивно верила, что скоро все изменится к лучшему.

Лучше не стало. События всегда развиваются от плохого к худшему, и попутный ветер никогда не начинает дуть в минуты отчаяния.

Рекиген прислал телеграмму, сообщая, что приедет во дворец около пяти вечера и что невероятно соскучился по любимой супруге. Алита несколько раз перечитала убористые строчки на официальном желтом бланке и подумала, что у нее еще есть время, чтобы окончательно прийти в себя и снова изображать нежную любовь. Другой вопрос, чего это теперь ей будет стоить...

В дверь постучали, и Алита услышала голос своей горничной:

— Ваше высочество! Посылка от государя!

Пришлось подняться и открыть дверь: девушка с поклоном передала Длите коробку, обтянутую грубым жгутом и запечатанную личной печатью Ахонсо. Отпустив горничную, Алита вскрыла посылку и обнаружила в ней грубый тяжелый кусок разрыв-камня. На сопроводительном листке был написан номер — двадцать один. Алита пожалала плечами: зачем его величеству посылать ей артефакт для перемещения в пространстве?

Впрочем, задавать вопросы было некому, и Алита решила, что лучше все-таки взять себя в руки и заняться насущными делами, тем более, их всегда хватало. Отправив коробку с разрыв-камнем в ящик стола, Алита погрузилась в свою деловую переписку и проверку личных счетов, и неожиданно работа настолько увлекла ее, что девушка оторвалась от бумаг только после полудня, когда в дверь застучали, громко и нервно.

— Ваше высочество! Ваше высочество, откройте! Беда! — Алита узнала голос Виаты, своей первой фрейлины: девушка явно плакала. — Беда!

Алита бросилась к дверям так стремительно, что едва не упала, зацепившись за какую-то складку ковра. Виата действительно рыдала, прижимая к глазам скомканный голубой платочек, и это — слезы девушки, нервный жест, дрожащие плечи — было словно удар по голове: Алита растерянно застыла на пороге, и в памяти нервно всплывало — беда? Государь? Рекиген?

— Что..? - только и смогла прошептать она. Виата прерывисто вздохнула и выпалила:

— Его высочество Рекиген... Поезд сошел с рельсов... Принц тяжело ранен.

Сперва Алита не почувствовала ничего, кроме отстраненного и холодного понимания: это только ее вина. Она изменила мужу, и это наказание за ее грех. Впрочем, эта мысль тотчас же исчезла, смытая волной подступающей истерики; приложив титанические усилия, чтобы не разрыдаться в голос, Алита стиснула руку фрейлины и со спокойной твердостью сказала:

— Виата, мы должны быть сильными. Где принц?

Некоторое время девушка всхлипывала, испуганно глядя на Алиту и давась словами.

Алита сжала пальцы на кисти фрейлины и повторила:

— Виата, где Рекиген? — и только тогда поняла, что тоже плачет. Фрейлина зажмурилась и ответила:

— Его везут во дворец, в больничное крыло. Там...

Алита кивнула и внезапно с невероятной, резкой ясностью осознала, что ей уже не страшно и не горько. Если Рекиген умрет, то это будет идеальным вариантом для всех. Первой мыслью было: «И поделом..!», а потом пришла вторая: «Господи, в кого я превратилась...».

— Все будет хорошо, — уверенно сказала Алита. — Но подготовьте для меня траур.

Алита увидела мужа поздно вечером, почти ночью, когда врачи закончили свою работу и разрешили ей войти в палату. Сделав несколько шагов к белой койке, на которой лежало человеческое тело, Алита внезапно споткнулась, словно налетела на невидимую преграду — человек на койке не мог иметь отношения к Рекигену. Это был кто-то другой: Алита смотрела на бледное осунувшееся лицо, на забинтованную голову, на слишком длинные руки, безвольно лежавшие поверх одеяла, и не могла поверить в то, что это Рекиген. Хотя... вот владычская татуировка чуть ниже левой ключицы, вот знакомый шрам на руке, а уж форму ушей-то точно не подделать. Эта двойственность была чересчур болезненной и жуткой; Алита поняла, что падает в обморок тогда, когда врач подхватил ее и негромко произнес:

— Тише, тише, ваше высочество. Держитесь.

— Он... — начала было Алита и не закончила фразы. Ей казалось, что она не переживает по-настоящему, а просто продолжает игру, к которой уже успела привыкнуть. Любящая жена должна падать в обморок возле умирающего мужа. Так положено, и это тоже было жутким. Ненастоящим.

— Все в воле Господа, ваше высочество, — откликнулся врач и осторожно подвел Алиту к небольшому стулу рядом с койкой. — Мы сделали все, что от нас зависело. Держитесь, вы должны быть сильной.

«Я должна быть сильной», — повторила Алита. Бледное лицо молодого мужчины на койке все-таки принадлежало Рекигену, но не весельчаку и авантюристу, а усталому человеку, полностью смирившемуся со своей судьбой и не испытывающему желания сражаться с ней. Если он все-таки умрет, не переживет этой ночи, то Алита получит свободу, и все кончится. Не будет ни интриг, ни лжи, ни игр, которых она не понимает. Она обретет свободу и сможет делать все, что захочет. Например, выйти замуж за Лефевра и стать счастливой.

Человек на койке был неподвижен. Едва заметно поднималась и опускалась грудь и слегка дрожали веки — вот и все. Стыд, нахлынувший на Алиту, был настолько сильным, что она издала хриплый полузадушенный стон и закрыла лицо ладонями. Врач тотчас же поднес к Алите флакон с резко пахнущим содержимым и проговорил:

— Ваше высочество. Алита. Вы меня слышите?

Запах пробирал до дрожи.

— Слышу, — откликнулась Алита и подумала: «Интересно, почему Ахонсо не пришел. Или он уже был здесь? Где вся родня?»

— Алита, крепитесь. Сможете встать? Думаю, вам лучше уйти и отдохнуть.

Алита не могла не признать его правоту. В конце концов, что она может сделать для незнакомого человека на койке? Врач помог ей подняться — Алита с необычной для себя

отстраненностью отметила, что он долговяз, молод и рыж, а на скулах у него целая россыпь веснушек.

— Я буду дежурить всю ночь, — заверил ее врач. — Если что-то изменится, к лучшему или к худшему, то я вас позову. Согласны?

Алита кивнула и спросила:

— Как вас зовут?

Врач улыбнулся и ответил:

— Фьетро.

Алита вдруг представила себе этого рыжего Фьетро лежащим на полу с развороченной грудью — удар очень мощного заклинания был настолько быстрым, что доктор даже не понял, что умирает. В черно-красной яме на груди что-то белело, из-под тела медленно растекалась лужа крови.

— Ваше высочество, — сказал живой и здоровый Фьетро, глядя ей в глаза. — Все будет хорошо. Поверьте.

— Верю, — негромко сказала Алита и уже потом, когда на рассвете что-то взорвалось в больничном крыле, поняла, что хорошо уже не будет. Никогда.

Лефевра разбудил удар — вернее, он потом так назвал для себя это внезапное ощущение, сбросившее его с кровати. Несколько мгновений он тупо смотрел на часы: половина пятого, по зимнему времени еще глухая ночь, и до утра далеко. Самый темный и мрачный час, когда люди беспробудно спят, а силы зла властвуют безраздельно.

Силы зла. Винокуров.

Быстро собравшись и нервно распахивая по карманам защитные артефакты, Лефевр выбежал из дома и бросился на угол проспекта и улицы Бакалейщиков, к стоянке ночных извозчиков. Он всем телом ощущал какую-то вязкую знобящую пустоту — так бывает при простуде, когда повышается температура, и организм борется с болезнью, но до окончательной победы еще далеко. А еще он очень четко понимал, что может и не успеть, и все судорожно принятые меры окажутся бесполезными. Винокурова не остановят ни внутренние войска, ни полиция, ни особые отряды — никто. Просто потому, что он был сильнее. И Лефевр, тоже ничем не помешает тому, кто сейчас прорывается в их мир — торопливо, нагло, с полным осознанием своей власти.

— Огюст-Эжен... — знакомый голос артефакта был тихим, едва уловимым. Он терялся в метельной ночи, тонул среди снегов и льда, и Лефевр ощутил пронзительную жалость и печаль. — Вы меня слышите?

— Да, — откликнулся Лефевр, прижав пальцы к вискам: это позволяло сосредоточиться на голосе артефакта и отрезать внешние воздействия хотя бы частично. Кучер покосился в сторону ночного пассажира с тревожным уважением. — Да, я вас слышу.

— Во дворце... — прошептал артефакт. — Там что-то появилось. Пожалуйста... пожалуйста, будьте осторожны.

— Хорошо, — произнёс Лефевр, понимая, о чем говорит артефакт. — Вы тоже. Берегите себя.

По затылку скользнула струйка тёплого воздуха — артефакт издал слабый вздох, похожий на стон.

— Я всего лишь вещь, — откликнулся он и вдруг запнулся и нервно добавил: — Принц Рекиген. Он только что умер...

Голос оборвался, словно артефакт внезапно уничтожили. Лефевр вцепился в скамью и

сжал зубы. Значит, Рекиген мёртв... Он слышал про крушение поезда и знал, что принц в критическом состоянии, но его смерть все равно стала ударом, неожиданной пощечиной. «Как же теперь Алита...» — с непривычной беспомощностью подумал Лефевр, и ответ пришёл откуда-то со стороны — последним выдохом мертвеца из глубин зимней ночи: «Её тоже не будет. Ты опоздал».

Возле поворота к дворцу лошадь внезапно вздрогнула и рванулась в сторону, словно готова была на все, лишь бы не приближаться к величественному зданию, окутанному зеленоватым маревом. Лефевр спрыгнул на мостовую и кинулся вперед

— кучер с видимым облегчением хлестнул лошадку, и экипаж помчался прочь: перепуганного возницу не смутило даже то, что пассажир забыл расплатиться. В воздухе витал тошнотворный запах магии — такой обычно пропитывает алхимические лаборатории, возникая тогда, когда слишком много артефактов усиленно работает в одном месте. К изумлению Лефевра, на улице не было отважных зевак — даже той породы любопытных, которая полезет к бесам в пасть за интересными новостями. Квартал, прилегающий к дворцу, похоже, вымер.

— Огюст-Эжен, — с неожиданной робостью окликнул серебряный гвоздь. — Не ходите туда.

Лефевр вошел в ворота и поймал себя на мысли, что входит на кладбище. За ним словно занавес опустился, отделяя мир живых от мира мертвых. Лефевр скользнул взглядом по темным окнам, за которыми периодически вспыхивали зеленые всполохи света, и признал, что не чувствует живого. Никого. Дворец был пуст.

— Вы меня слышите? Не ходите туда, — попросил артефакт. — Вы тоже умрете.

Откуда-то доносился тонкий скрип и взвизгивание — Лефевр не сразу понял, что это скрипит снег под ногами. Возле дворца было холодно, намного холоднее, чем за воротами. Он медленно поднялся по заснеженным ступеням и увидел мертвого часового, лежавшего у парадного входа. Высокая меховая шапка отлетела в сторону, мертвые руки крепко сжимали оказавшееся бесполезным ружье — солдат развернулся к неизвестному источнику опасности во дворце и попал под удар. Верхней части головы у него не было — напрочь снесло разрывом точечного заклинания. Лефевр осторожно обошел мертвеца, стараясь не наступить в его кровь, и толкнул дверь.

— Это Брызга? — уточнил он у артефакта. Брызга была боевым заклинанием колоссальной силы: маг бросал всего один энергетический шарик, который, настигая и поражая жертву, делился надвое и летел дальше, увеличивая мощность с каждым новым мертвецом. Лефевр знал о Брызге только по книгам: заклинание сочли бесчеловечным и запретили применять.

— Да, — прошелестел артефакт. — Огюст-Эжен...

Голос угас, словно серебряный гвоздь переместился далеко-далеко, невозвратно. Коридор, по которому шел Лефевр, был пуст. Не считать же трупы дворцовой охраны и многочисленных слуг — спасаясь, люди бежали в сторону выхода, но Брызга настигла их и вышибла мозги. Зеленоватое свечение металось вдоль стен, напоминая северное сияние или огни над болотами. Лефевру казалось, что он идет среди сломанных игрушек.

— ...вас убьют, — ожил артефакт. — Пожалуйста, не ходите.

Лефевр обнаружил, что ноздри азартно вздрагивают. Убьют? Ну и пусть. Он снова ощутил наполненность тем приятным чувством, которое дает не сама охота человека на человека, но предвкушение охоты. Винокуров был здесь, шагал по опустевшему дворцу,

собирался строить свою власть на мертвецах, но Лефевр прекрасно знал, что не позволит этого сделать. Должно быть, именно так — лихо и с полным равнодушием к собственной жизни — Ансельм Ле Фро шел убивать дракона, небрежно помахивая секирой.

— Кому-нибудь удалось спастись? — спросил Лефевр. Юная служанка в одной сорочке лежала на лестнице, раскинув руки — она напоминала святую Хелезу, распятую язычниками. Половины лица у девушки не было.

— Многим, — сказал артефакт. — Почти вся королевская семья успела активировать разрыв-камень.

— Кто не успел? — поинтересовался Лефевр, аккуратно обходя покойницу. Лестница вела к библиотекам и покоем их высочеств: Винокуров направился именно туда — тошнотворный запах, оставленный работой артефактов, здесь был намного сильнее, чем внизу.

— Третий и пятый принцы, — помедлив, сообщил артефакт, и Лефевр почти ощутил, как сидит в ожидании ответа. Значит, Ахонсо потерял троих сыновей...

— Где Алита? — спросил он. На лестнице было светло, как в самый ясный день: конечно, если бывают дни, наполненные прозрачной мертвенной зеленью отработанной магии.

— Не знаю, — откликнулся артефакт, и Лефевр ощутил волну холода, мгновенно охватившую все тело. — Я ее не чувствую.

Он прошел мимо библиотек — сквозь приоткрытые двери мелькнули ровные ряды книжных шкафов, едва горящие лампы, пачки бумаги на столах — и, немного помедлив, направился к покоем принцев. Значит, третий и пятый, Виэль и Риобар. Жаль, они были хорошими людьми. Заглянув в первую попавшуюся дверь, Лефевр увидел разбитый светильник с медленно вытекающей жижой умерших светлячков — в угасающем свете кровать со сбитым, окровавленным бельем казалась ненастоящей, какой-то декорацией к спектаклю ужасов. Он шагнул в комнату и, всмотревшись, заметил изуродованное женское тело с другой стороны кровати. Судя по растрепанным светлым волосам, это была жена третьего принца — видимо, уже будучи тяжело раненной, она попыталась как-то спастись, но не сумела.

— Пожалуйста... — артефакт уже не просил, а стонал. — Вы еще сможете уйти... Лефевр кивнул и покинул комнату. Там он уже никому не мог помочь.

Зарево в коридоре стало гуще, насыщенней. Теперь зеленый сумрак не был пустым — в нем слышались дальние шаги. В нем кто-то двигался — медленно, неуверенно, подволакивая ногу.

— Ага, — негромко сказал Лефевр. — Значит, ты, дружок, ранен.

И, высвободив боевую пистоль из специального держателя, он уверенно двинулся на звук.

Артефакт прошептал что-то неразборчивое и умолк.

В эту минуту в своих покоем на третьем этаже Алита медленно выбралась из-под кровати и, осмотревшись, осторожно подошла к дверям и выглянула в коридор. Когда взрыв прокатился по дворцу, с потолка посыпалась штукатурка, а стены задрожали, Алита решила, что началось землетрясение — но потом, когда воздух наполнился выворачивающей наизнанку вонью, а откуда-то снизу донеслись истошные вопли, оборвавшиеся так резко, что о судьбе кричавших не осталось никаких иллюзий, Алита подумала, что надо спрятаться. Почему-то она не вспомнила о разрыв-камне, лежавшем в ящике стола — все мысли о нем

исчезли. Лежа под кроватью и изредка выглядывая из-под свесившегося уголка одеяла, Алита слышала какие-то хлопки, крики, топот множества ног. Один раз прозвучал выстрел. А потом стало совсем-совсем тихо, словно дворец вымер.

— Плохая идея, — прошептала Алита, выглянув в коридор. — Плохая идея...

Коридор был пуст. Зеленое зарево плыло по стенам, и дворец напоминал затонувший корабль. Было холодно. Алита, одетая в одну ночную сорочку, поежилась и отступила назад в комнату. Чутье подсказывало, что она была единственным живым человеком во дворце.

«Но ведь так будет не всегда...», — жалобно подумала Алита. Наступит утро, зарево угаснет, люди, которые сумели выжить, вернуться сюда. Алита шагнула к окну, и в это время ее схватили за руку.

Она заорала так, что крик услышали по всей столице. Рекиген, выступивший из тьмы, улыбнулся. Правый глаз принца был темным, мертвым, левый смотрел на Алиту с ядовитым торжеством победителя. Из одежды на принце была только светлая больничная рубаха, похожая на саван. Бинты на голове покрывали сияющие иероглифы — жизнь Рекигена поддерживала магия.

Алита отшатнулась, но твердые холодные пальцы удержали ее — на мгновение принцессе показалось, что она задыхается от ужаса. Рекиген улыбнулся — нижняя губа треснула, и струйка темной крови потекла на подбородок.

— Привет, обезьяна, — сказал он по-русски. — Соскучилась?

И тогда Алита закричала.

— Я очень много работал, знаешь ли. Ну о-о-чень.

Алите казалось, что она куда-то плывет — она почти ощущала прикосновение теплых волн, трепет ветра в парусах, поскрипывание палубы под ногами. Где-то наверху было солнце, слегка прикрытое облаками. Наверняка и птицы были.

— Когда этот припадочный Лефевр резал Клода, я сразу же стал искать возможность вернуться. Перо, честно сказать, не испытывало радости по этому поводу. Оно вообще обленилось. Ленивое перо у лучшего писателя мира, представляешь? У меня американцы выкупили права на «Хроники Сааты», в феврале начнут снимать сериал. А оно обленилось!

Открывать глаза не хотелось. Алита знала, что не увидит ничего хорошего. Рекиген был мертв, она не сомневалась. Его пустую оболочку теперь занимал Винокуров. Должно быть, для старого писаки это было чем-то вроде погружения в компьютерную игру. В реальности ты просто жирный урод, которого любят такие же уродцы. Зато в игре ты принц... Наследник престола, только что взявший власть в свои руки...

— Но я не отчаивался, — продолжал Винокуров голосом Рекигена. Это было омерзительно, потому что противоестественно. Алита чувствовала, как к горлу подступает тошнота. — И в итоге мы с ним пришли к соглашению. Оно сделает все, чтобы найти замену для Клода. А я... а я не буду жечь его на медленном огне. Ему это не понравилось.

— Самого бы тебя сейчас... на медленный огонь... — проговорила Алита и, открыв глаза, обнаружила, что лежит на кровати, а Рекиген методично перебирает вещи в ящиках ее стола, вынимая артефакты и аккуратно складывая их на столешнице. Иногда он встряхивал головой, пытаясь сбросить что-то невидимое и раздражающее. Услышав ее голос, Рекиген обернулся и одарил Алиту самой лучезарной из всех своих улыбок — сейчас, на больном окровавленном лице, она казалась противоестественной. Винокуров раздвигал невидимыми пальцами губы Рекигена, и принц наверняка испытывал невероятные душевные страдания, если, конечно, все еще мог хоть что-либо чувствовать.

— А, проснулась? — сказал он и задумчиво провел пальцами по губам, размазывая кровь. Почему-то Длите пришло в голову, что человек возле стола не понимает, что с ним происходит. Не видит, что, например, у него лопнула губа. — Готова стать королевой?

Алита медленно села на кровати. Ужасно болела голова, словно Винокуров огрел ее чем-то тяжелым по затылку, но, к счастью, он не потрудился ее связать. Осторожно разминая пальцы и надеясь, что она успеет бросить огненный шарик прежде, чем Винокуров сможет нанести удар, Алита спросила:

— А ты что, уже король?

Мертвый правый глаз, смотревший на Алиту, дернулся в глазнице. Живой левый был искажен страданием. Где-то внутри, за уродливой маской, Рекиген кричал от ужаса. Каким бы он ни был, но такой страшной участи принц уж точно не заслужил. За посягательство на престол нельзя наказывать настолько жестоко.

— Считай, что да, — усмехнулся Винокуров. — Все будет так, как планировал этот бойкий юноша. Только он хотел сперва организовать твою смерть, а потом дожидаться папиной. Но я внес легкие коррективы в его план. Видишь, как полезно подпалить хвост несговорчивому перышку?

С пальцев Алиты сорвался огненный шар и с шипением ударил Винокурова в грудь. Он отшатнулся, но сумел устоять на ногах, и иероглифы, покрывавшие бинты, налились зловещим алым светом. Алита слепила второй шарик, но швырнуть его так и не успела — рука налилась свинцом и безвольно упала на колени. Похоже, у Винокурова было много карт в рукавах — например, возможность обуздать чужую магию. Длите не хотелось думать о том, какие еще сюрпризы он приготовил.

— Лучше не дергайся, — посоветовал Винокуров, с болезненной гримасой растирая место удара. — Рекиген дурачок, он хотел тебя убрать. Кто же режет курицу, несущую золотые яйца? Я тебя не трону, Сонечка. Королю нужна королева.

Сонечка... Алита вдруг обнаружила, что ее знобит. Настоящее имя, ее собственное имя оказалось таким простым и легким, что сейчас она испытывала замешательство и легкий стыд: ну как же можно было забыть, что она Соня, Соня, Соня! Имя дрожало и прыгало на губах, имя вызывало слезы и боль в груди.

— Соня... — растерянно повторила она. Винокуров усмехнулся.

— Да. Но имя само по себе ничего не значит. Нужно раздобыть артефакт, открывающий врата с этой стороны, — вытащив разрыв-камень, Винокуров взвесил его на ладони и отправил к остальным артефактам. — Насколько я знаю, он потерян навсегда. Так что, ваше будущее величество, смиритесь. И будьте мне самой нежной и трепетной супругой.

— Непременно, — процедила Соня и швырнула в Винокурова еще одно заклинание: угодив ему в поясницу, оно отбросило самозванца на стол. Воспользовавшись этим, Соня спрыгнула с кровати и бросилась к дверям. Заклинание оказалось действительно впечатляющим: пусть неповиновение новому владыке обернулось практически парализованной правой рукой, немедленно обвисшей плетью, но зато Винокуров сейчас просто выл от боли в изувеченном теле принца и не мог броситься в погоню.

Коридор был пуст. Изумрудное зарево медленно угасало, и запах уже не был настолько отвратительным. Соня рванулась к боковой лестнице, которой пользовались слуги — сбежав по ней, она оказалась бы в подсобных помещениях, а там и до черного хода было недалеко. Выбежать на улицу, покинуть территорию дворца и постараться найти помощь. В столице ведь остались люди, Винокуров не мог истребить всех своими заклинаниями, и кто-нибудь

обязательно придет на помощь... Двигаться было тяжело, как в дурном сне. И, когда Соня уже почти добралась до неприметной двери, ведущей на лестницу, в конце коридора вдруг выросла тень — огромная, горбатая, насыщенно черная. От нее веяло тем самым холодом, который позавчера полностью парализовал любую способность ведьмы к сопротивлению при аресте.

Тень содрогнулась и упала на пол, почти полностью заняв коридор. Зеленый туман с шипением отступил от ее рваных краев.

— Огюст-Эжен? — испуганно позвала Соня. — Это ты?

Помедлив, тень скользнула к ней, и Соня почувствовала, как дверная ручка выскальзывает из пальцев, а ноги подкашиваются.

— Стой там, Алита, — негромко приказал Лефевр. Тень осанисто повела головой и плечами, словно инквизитор принюхивался — брал след. — Стой и не шевелись. Ты ранена?

— Нет, — откликнулась Соня. — Это Винокуров... он там. В моей комнате.

— Не шевелись, — глухо повторил Лефевр, и Соня вздрогнула от неожиданного прикосновения — на голову опустилось что-то тонкое и легкое, остро пахнущее лекарствами. В коридоре стало немного светлее: иероглифы на грязных бинтах Рекигена вспыхнули с новой силой.

— Он не там, — весело откликнулся Винокуров из-за спины Сони. — Он тут.

Холодная твердая рука обхватила Соню, не давая ей упасть — теперь Винокуров заслонялся девушкой от Лефевра. На мгновение Соня подумала, что это конец, но тотчас же решила, что будет барахтаться до последнего. Лампа над дверью издала нервное потрескивание и ярко вспыхнула: Соня увидела Лефевра и издала сдавленный стон.

Инквизитор был страшен.

— Ловко, хвалю, — сказал Лефевр. — Перо чертит тебе нужные заклинания? Например, для мгновенного перемещения в пространстве?

Винокуров ухмыльнулся где-то над головой Сони. Рука шевельнулась, взяв девушку крепче.

— Верно, — ответил он. — Пистольку брось.

— Иначе что? — равнодушно осведомился Лефевр. — Убьешь ее?

— Точно, — усмехнулся Винокуров и погладил Соню по голове свободной рукой. — Брызга мощная штука. Оценил?

Лефевр кивнул. Задумчиво взвесил пистоль на ладони и швырнул в сторону Винокурова. Тот удовлетворенно кивнул.

— Вторую тоже. Она у тебя во внутреннем кармане пальто.

Лефевр пожал плечами.

— Как ты планируешь править оттуда? — поинтересовался он, медленно расстегивая пальто. — Принц спит — графоман строчит?

— Не смей называть меня графоманом! — прорычал Винокуров. Рука сместилась вверх, и пальцы сжали шею Сони: пока не крепко, просто обозначая намерение. Соня знала, что Винокурову хватит одного движения, чтобы свернуть ей шею.

Она вдруг ощутила страшное безразличие к собственной судьбе. Должно быть, именно такое чувство накрывает тех, кто бросается под танк с гранатой. Ты уже ничего не значишь сам по себе — потому что становишься барьером на пути зла. Ты именно для этого и был создан. Лефевр вынул пистоль — тяжелую, многозарядную

— и Соня вдруг отчетливо сказала:

— Стреляй, — Винокуров изумленно дернулся за спиной, он и представить не мог, что кто-то способен пожертвовать собой, чтобы его остановить. Соня улыбнулась и повторила: — Стреляй, Огюст-Эжен.

И Лефевр улыбнулся тоже. Потом Соня поняла, что эта улыбка была самым жутким событием бесконечной ночи.

— Хорошо, — кивнул он и нажал на курок.

Грохот был таким, что на несколько минут Соня оглохла — тьма и тишина, которые навалились на нее непроницаемой тяжестью, казались бесконечными. Наверно, это и была смерть, и Соня невольно обрадовалась тому, что ей не больно. Но потом реальность вернулась, и Винокуров разжал пальцы и безвольно рухнул на пол. Соня тоже не удержалась на ногах — соскользнув по стене на паркет, она замороженно смотрела, как из дыры во лбу принца поднимается светло-зеленый дымок. Теперь Рекиген был мертв уже окончательно — разрушенная оболочка больше не могла служить пристанищем для Винокурова, и он был вынужден вернуться обратно.

Кажется, Соня заплакала. Кажется, Лефевр подбежал к ней и сел рядом. Кажется, он хлопал ее по щекам и что-то говорил — Соня смотрела, как движутся его губы, и не могла разобрать ни слова. А потом Лефевр вытащил из кармана кусок разрыв-камня, и, ощутив резкий запах открывшегося туннеля в пространстве, Соня с невероятной отчетливостью поняла, что эта часть ее истории закончена.

Соня окончательно пришла в себя в кабинете Лефевра — она обнаружила, что стоит у окна и смотрит на улицу. Дом и заснеженный сад были накрыты золотистым полупрозрачным куполом, свечение, исходящее от него, медленно колыхалось, перетекая сияющими волнами и не позволяя рассмотреть, что происходит на улице. Часы на каминной полке мелодично пробили семь утра — значит, город давно проснулся, стряхнул оцепенение, навороженное страшной ночью, и в ужасе смотрит на содеянное.

— Алита, — негромко окликнул Лефевр. — Алита, лучше отойди отсюда.

— Почему? — спросила Соня, послушно отступив от окна. Лефевр, который резкими движениями выбрасывал из сейфа какие-то свертки, объяснил:

— Могут начать стрелять. Этот купол еще продержится... какое-то время. Но лучше отойти.

Соня покорно прошла по кабинету и опустилась на диван. В голове царилла какая-то звонкая пустота. Ни о чем не хотелось думать: мысли крутились обрывочными бессвязными клочками. Винокуров сумел прорваться в Сузу... Занял тело Рекигена... Огюст-Эжен застрелил его... Наконец, когда способность размышлять здраво все-таки вернулась к Соне, первой мыслью было: «Несчастный Рекиген. Он не заслужил такую участь».

— Стрелять? — переспросила она, чувствуя вязкую тошноту, оставленную на память о путешествии с помощью разрыв-камня. — Кто?

— Там сейчас вся полиция города, — объяснил Лефевр. Один из свертков разорвался, и на ковер со звоном высыпались тусклые золотые кругляши монет. — Армия, опорные отряды инквизиции. Я ведь убил его высочество Рекигена и взял тебя в заложники.

Он выпрямился, наконец, обнаружив искомое, и обернулся к Соне. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, и Соня вдруг поймала себя на мысли, что видит Лефевра в последний раз. Этого не могло быть, она не собиралась с ним расставаться — но чувство прощания было огромным и жгучим.

— Но ведь Рекиген был одержим... — испуганно прошептала Соня. С ресниц сорвалась первая слезинка, но она ее не заметила. — Он перебил всех во дворце. Ты... ты же спас меня и остальных. Это просто надо объяснить. Ахонсо простит.

Лефевр усмехнулся.

— Это уже не важно. Я убил наследника престола. Алита, послушай...

— Соня, — перебила она. — Меня зовут Соня Тимофеева. Винокуров сказал. Огюст-Эжен, это ведь... — Соня замялась, подбирая правильные слова. — Страшное недоразумение. Тебя надо наградить, а не стрелять.

Лефевр печально покачал головой. Соня вдруг заметила, что темные жесткие кудри на его висках тронуло сединой — еще совсем недавно этого не было. Она зажмурилась и закусила губу: боль и жалость накатили на нее и смяли.

— На Земле сейчас зима, — медленно проговорил Лефевр. — Возьми одежду Бригитты И деньги. Золото — оно ведь везде золото.

— Я никуда не пойду, — твердо сказала Соня, не глядя на него. — Я тебя не оставлю, Огюст-Эжен. Если мы живем, то вместе. И умираем тоже... Вместе.

Лефевр приблизился к ней и, помедлив, осторожно обнял, словно боялся причинить боль. Только теперь Соня поняла, что правая рука до сих пор почти не слушается, что все тело ломит, что в висках грохочет пульсирующий набат.

Потом она поняла, что Лефевр собирается отправить ее домой. Что он нашел-таки способ.

— Я очень тебя люблю, Соня, — негромко сказал Лефевр. — Ты должна жить.

Он с прежней осторожностью помог ей сесть и быстро покинул кабинет — должно быть, отправился за одеждой. Некоторое время Соня слушала, как где-то далекодалеко, на улице, шумит толпа — словно бескрайнее холодное море — а потом разрыдалась так, как никогда не плакала прежде. Жить? Вернуться в мир Никитосов и Винокуровых, где не найдется ни помощи, ни защиты, ни любви? Что она там будет делать?

Ответ пришел откуда-то со стороны, четкий и ясный:

— Сражаться. Ты будешь сражаться.

Соня понятия не имела, кто это говорит, но слова прозвучали в ее голове с такой железной уверенностью, что она и не подумала сопротивляться. Говоривший передал ей свою непоколебимую твердость; Соня кивнула и спросила:

— А Огюст-Эжен? Он сможет пойти со мной?

— Нет, — отозвался говоривший. Только сейчас Соня поняла, насколько у него приятный и мелодичный голос. — Нет, пройти сквозь врата сможешь только ты. У тебя отняли имя, но ты его вернула. У тебя отняли жизнь, но ты ее найдешь. Назови свое имя и входи.

Возникший на пороге Лефевр замер, глядя, как глиняный шарик с неторопливой величавостью выплывает из темного бумажного пакета, в который был помещен на хранение. Он медленно поднимался к потолку, постепенно наливаясь золотым огнем, он грел, но не опалял, и он пел. Он был не просто артефактом — умерший и оживленный, он был точкой соприкосновения всех возможных миров.

И он был радостью.

Соня смотрела на него и смеялась. Свет ложился на ее заплаканное лицо мягкими сияющими мазками, превращая девушку в огненного духа. Лефевр не мог оторвать от нее взгляда, и чувство потери — жесткое, окончательное чувство — уже не имело над ним

власти. Соня отправится домой, Соня будет жить: это было самым главным.

— Имя! — пел артефакт. — Назови свое имя и входи.

И тогда Соня сделала шаг назад и обернулась к Лефевру. Несколько пронзительных долгих минут они смотрели друг на друга, и сияние артефакта стало угасать, а музыка отдалилась. Соня подошла, и Лефевр понял, что она уже не здесь и не с ним.

И это было правильным.

— Я собрал для тебя сумку, — сказал он, и в голосе прозвучало непривычное смущение. — Там деньги, драгоценности Бригитты... ты всегда сможешь их продать.

— Я вернусь, — прошептала Соня, глядя ему в глаза. — Огюст-Эжен, я вернусь. Ты... ты дождись меня, ладно?

Лефевр кивнул. Соня сжала его руку.

— Там в сумке конверт, — сказал он. — Если получится, съезди в Ленинград. На конверте адрес... возможно, мои родственники еще живы.

— Хорошо, — Соне казалось, что еще немного, и никакая полиция и армия не смогут ее оторвать от Лефевра. Он был прав, как всегда, посылая ее домой. Оставалось только смириться с этой правотой, и Соня промолвила: — Я тебя люблю. Я тебя очень люблю.

Глиняный шар стал солнцем — взмыв над ковром, он начал вращаться по тонкой, едва различимой нити своей орбиты, и Лефевр увидел на его боках очертания материков.

— Имя! — пропел артефакт тысячей голосов, ангельским хором. — Назови имя и входи!

— Софья Тимофеева, — откликнулась Соня, и солнце взорвалось, на мгновение лишив мир звуков и красок. Слепший и оглохший, Лефевр судорожно цеплялся за ощущение маленькой женской руки в своей руке — оно медленно таяло, становясь далеким, призрачным. Соня уходила навсегда, и это было страшное, убивающее чувство.

Солнце погасло, и мертвый глиняный шарик упал на ковер и покатился под диван.

Лефевр опустил руку.

Сейчас, когда Алита ушла — он по старой привычке называл Соню Алитой — ему казалось, что он видит сон и вот-вот проснется. Золотое сияние защитного поля медленно угасало: скоро заклинание окончательно утратит силу, и вооруженные люди у забора выждут некоторое время и пойдут на штурм: спасти принцессу и убивать того, кто застрелил его высочество Рекигена. Принц мог сойти с ума после катастрофы, его душу мог поработить демон — неважно. Имеет смысл только то, что Лефевр совершил тягчайшее преступление против короны.

Хорошо, что Алита покинула Сузу. Ее непременно обвинили бы в соучастии в убийстве.

Лефевр пару минут постоял неподвижно, без слов прощаясь с домом и своей прежней жизнью, а затем неторопливо покинул кабинет и спустился вниз. Когда он надевал пальто в прихожей, защитное заклинание иссякло, и золотой купол рухнул

— на дом сразу же обрушились звуки: лязгание оружия, стоны артефактов, готовых кинуться в бой, испуганные голоса людей за оградой. Среди них наиболее отчетливо выделялся голос Гуле: старый товарищ примчался на выручку. Лефевр подумал о нем с теплом и искренней любовью.

— А я вам говорю, что пойду! Он меня не тронет! — бушевал Гуле. Лефевр улыбнулся и толкнул входную дверь.

Снаружи сразу же воцарилась обманчивая тишина. Лефевр помедлил, полной грудью

вдохнув свежий воздух морозного утра.

— Огюст-Эжен! — заорал Гуле. — Это ты, дружище?

Лефевр услышал скрип, и над садом прогремел смутно знакомый голос кого-то из полицейских чинов:

— Господин министр! Выходите! Поднимите руки так, чтобы я их видел!

Усмехнувшись, Лефевр толкнул дверь и, заложив руки за голову, неторопливо вышел в рассвет.

Глава 10. Земля, Россия

Таня вынырнула из глубин тяжелого похмельного сна и долгое время не могла сообразить, где находится. Вроде бы в клуб они поехали с Иркочкой и Гошей, а там Таня познакомилась с симпатичным пареньком и, по идее, отправилась к нему домой, сев в новенький «фольксваген». На этом месте память сбоила, показывала серый шуршащий экран и издевалась. Таня почесала глаз, убедилась-таки, что находится в собственной съемной квартире на Нижнем Подъячеве и в очередной раз дала себе самую искреннюю клятву, что никогда больше не будет пить, разрази ее гром на этом самом месте.

Мочевой пузырь настойчиво напомнил, что если Таня продолжит валяться на кровати и убивать перегаром тараканов во всем доме, то он разразит ее не хуже грома. И на этом месте, да. Вздохнув, Таня поднялась с кровати и потащила в туалет.

Когда она вернулась в комнату, то застыла в дверях и перекрестилась. Вроде бы Таня никогда не была алкоголичкой, но белочка к ней все-таки пришла.

В центре комнаты, спиной к Тане, стояла рыжая женщина в мужском пальто странного покроя и тапках с загнутыми носами. Из-под пальто выглядывали кружева чего-то вроде ночной рубашки. В руке женщина держала туго набитую сумку.

Парализованная отвратительным липким ужасом Таня только и смогла прошептать:

— Изыди, мать твою за ногу...

Рыжая обернулась, и Таня схватилась за сердце: перед ней стояла Сонечка Тимофеева, пропавшая без вести полгода назад. Они с мужем ходили на презентацию какой-то книги, потом Соня вышла из магазина, и с тех пор ее никто не видел. Как же убивался Никитос!

— Сонечка, ты? — жалобно спросила Таня. Она очень любила Соню, свою добрую и искреннюю подругу еще с института, но теперь ей почему-то пришло в голову, что Соня все-таки умерла, и это призрак пришел с ней проститься. Лицо Сони дрогнуло, и она бросилась к Тане и обняла ее.

— Живая? Сонька, ты живая? Господи! — Таня сжала подругу в объятиях и разревелась. Так они стояли и плакали, и каждая не могла поверить в то, что рядом с ней снова дорогой и близкий человек. Наконец, Соня отстранилась от подруги и, вытирая слезы, спросила:

— Тань, у тебя попить есть?

— Конечно! — воскликнула Таня, сразу же вспомнив о том, что у нее имеется не только попить, но и поесть, и выпить. — Пошли на кухню. Ой, надо же Никитосу позвонить!

Соня схватила ее за руку, и Таня увидела, что лицо девушки искажено самым настоящим ужасом.

— Ни в коем случае, — прошептала Соня. — Тань, он ничего не должен узнать.

И было в ее голосе что-то такое, отчего Таня сразу же поняла: в исчезновении Сонечки ее муж замешан по самые уши.

Впрочем, на интенсивность реанимационных мероприятий это понимание никак не повлияло. Усадив Соню на кухонный диванчик и вручив ей стакан сока, Таня сразу же развила бурную деятельность. Увидев, что под странным пальто у подруги действительно лишь ночная рубашка, она раскрыла шкаф, и вскоре Соня была одета в легкий батник, джинсы и белье, купленное для особых случаев и ни разу не надетое.

— Кушать хочешь? — спросила Таня, заглядывая в холодильник и в очередной раз уныло убеждаясь, что из еды там только пачка соды и банка сгущенки. — Можем пиццу

заказать.

Соня задумчиво посмотрела на нее, и Таня вдруг поняла, что простое предложение заказать пиццу повергло подругу в легкий ступор, словно она вернулась оттуда, где ничего подобного и в помине нет. Закрыв холодильник, Таня села на табурет и совершенно серьезно спросила:

— Где ты была, Сонь?

Соня грустно усмехнулась и ответила:

— Ты все равно не поверишь.

Открыв свою сумку, она какое-то время рылась в ее недрах, а потом извлекла мягкий кожаный мешочек со шнурками, украшенный золотым гербом, и Таня натурально открыла рот от изумления: на клеенку на кухонном столе высыпались золотые монеты. Тяжелые с виду, тусклые, с гордым профилем какого-то венценосца с одной стороны и драконом с другой. В каждой монете было маленькое отверстие. Таких монет не выпускало ни одно государство за всю историю — Таня в этом не сомневалась. От них веяло чем-то чужим и диким.

— Сонь, это что? — испуганно спросила она, осторожно взяв в руки одну из монет. — Это что, золото?

— Да, — кивнула Соня. — Золото. У тебя вроде ломбард под домом был?

За монеты Соня получила двести тысяч рублей, сдав их как лом, на вес. Приемщица долго рассматривала золото государя Ахонсо, несколько раз надпиливала монеты и капала на срез прозрачной жидкостью из специального пузырька, но в итоге все-таки выдала деньги. Потом Соня распрощалась с подругой и уже в дверях промолвила:

— Ни слова Никитосу, Тань. Он хотел меня убить... и что-то мне подсказывает, что и с тобой не захочет церемониться.

Она и сама не знала, почему сказала именно так — но тут главным была интонация и выражение лица говорившего. Конечно, Таня проболтается, но до конца дня ее все-таки хватит. Соня рассчитывала, что за это время успеет уладить все свои дела и уехать из города.

Потом события завертелись, утягивая Соню в пестрый водоворот. В небольшом салоне сотовой связи, где, похоже, половину товара составляло краденое, Соня обзавелась смартфоном — без интернета ей сейчас было не обойтись. Расплатившись и выкинув чеки в ближайшую урну, Соня устроилась за грязным столиком ближайшей забегаловки, где самым приличным блюдом были чипсы из пакета, и потратила полчаса на то, чтобы выяснить, где в ближайшее время у Винокурова будет встреча с читателями.

Странное дело — Соня сидела в углу кафешки на простеньком пластиковом стуле, перед ней стояла чашка суррогатного кофе, на ней были батник, джинсы и ботинки на высокой подошве, и она никак не могла поверить в то, что покинула мир ведьм, королей и артефактов. Это было странное ощущение муторного сна, который все не может закончиться. А ведь когда-то Соня мечтала о возвращении домой... Оторвавшись от смартфона, она посмотрела в окно — по улице шли пешеходы и ехали машины, подсветка реклам перемигивалась со светофорами, и Соне не верилось, что ее мир существует.

Она смотрела и не верила.

А у Винокурова дела шли всем на зависть. Писака действительно пользовался сногсшибательной популярностью. Он выпустил еще одну книгу, и теперь «Хроники Сааты» наперебой хвалили за искренность и продуманную логику повествования, ярких персонажей

и неожиданные повороты сюжета. Больше всего фанатов взволновала смерть Мико, убийцы девушек — на фоне прочих событий саги ее сочли странной и неестественной. Соня не стала вникать в подробности: она и без того знала обстоятельства смерти Мороженщика лучше остальных. Самым важным было то, что два дня назад у Винокурова начался пресс-тур в поддержку новой [книги](#), и завтра он должен был выступать в одном из самых больших книжных магазинов Велецка. Соня подумала, что ей невероятно повезло. До Велецка было всего два часа езды.

Бармен, он же раздатчик и он же хозяин заведения, высунулся из-за стойки и поинтересовался:

— Еще заказывать будем?

Соня покосилась в сторону витрины с едой и поежилась. Она под страхом смертной казни не заставила бы себя прикоснуться к этим блюдам. Простецкая компания за соседним столиком взглянула на Соню более чем заинтересованно. Должно быть, в ней увидели легкую добычу — особенно с учетом того, что она расплатилась с барменом крупными купюрами. Нижнее Подьячево действительно было веселым районом, и ограбления среди бела дня здесь не были чем-то особенным. Впрочем, Соня поймала себя на мысли о том, что ей не страшно. Ей было весело. Она прошла через клетку человеческого зоопарка, лапы маньяка, интриги царедворцев — теперь пусть боятся ее.

Отрицательно покачав головой, Соня накинула пальто Лефевра — слишком большое и громоздкое — и, улыбнувшись бармену, покинула кафешку. Один из парней, наблюдавших за девушкой, поднялся было со стула, но более опытный товарищ придержал его. Он правильно оценил выражение лица несостоявшейся добычи: если сперва она выглядела глупенькой и наивной девчонкой, то потом за маской доверчивости вдруг сверкнул глазами хищник, с которым не стоило связываться.

Неторопливо шагая по улице, Соня пришла к выводу, что ряд планов придется поменять — ей все-таки нужно было заглянуть домой. Хотя бы для того, чтобы забрать паспорт, конечно, если он все еще лежит в ящике стола. Соня предпочитала отложить встречу с Никитосом до последнего: она никак не могла собраться с силами, чтобы посмотреть в глаза мужа — но теперь неприятное вяжущее чувство, делающее жертву жертвой, растаяло. Глиняное солнце сказало, что Соня будет сражаться, и сейчас у нее были для этого силы.

Зло надо остановить. Соня решила, что не будет откладывать сражения.

Родной дворик встретил ее так, словно Соня и не покидала его на полгода — здесь ничего не изменилось. Малыши по-прежнему лазили по переплетениям труб, лестниц и перекладин детского городка, на веревках сохло белье, которое тут вывешивали в любую погоду и во все времена года, и кабысдох Сониной соседки, обычно гулявший сам по себе, задира лапу на забор. Соня подошла к своему подъезду и, задрвав голову, посмотрела на окна на третьем этаже. Все было как обычно. На кухне была открыта форточка — значит, Никитос дома. Интересно, один или в приятной компании?

Дверь подъезда открылась, и во двор вывалилась Армине — ее выволок за собой огромный дог. Их прогулки были вечной потехой: в Армине было максимум сорок килограммов, и она летала за псом, как брелок, пристегнутый к ошейнику. Улыбнувшись, Соня вошла в подъезд и задумчиво провела кончиками пальцев по почтовому ящику с номером «9». Как обычно, набит всяким бумажным барахлом...

Соня хранила запасной ключ у соседки с первого этажа, и у нее хватило ума не рассказывать об этом Никитосу. Надавив на пуговку звонка, Соня ждала несколько долгих

минут — баба Тамара двигалась медленно. Наконец, дверь открылась, и старушка, рассмотрев лицо гостыи, всплеснула руками:

— Господи, Сонечка! Живая!

— Живая, баб-Том, — ответила Соня. — Мне бы ключик.

Баба Тамара нырнула куда-то в недра шкафчика, долго возилась там и, в конце концов, вынула связку ключей.

— Сонечка, где ж ты была? — спросила она. В глазах доброй старушки сверкнули искренние слезы радости и ушедшего горя. — Никитушка весь извелся...

Соня криво усмехнулась. Извелся, значит...

— Никита меня убить хотел, — просто объяснила она. Баба Тамара замерла с раскрытым от изумления ртом. — Но так, чтоб без следов. Продал чуркам в рабство. Я сбежала, — запустив руку в сумку, Соня извлекла один из денежных сверточков и протянула соседке. — Это вам.

— Как же это, Господи... — пролепетала добрая старушка, на автомате принимая деньги. Баба Тамара смотрела все сериалы и ток-шоу, поэтому поверила бы не только в продажу опостылевшей жены в рабство. — Сонечка, да как же...

Соня улыбнулась.

— Я пойду, баб-Том. Не болейте.

На ее счастье Никитос не поменял ни замки, ни дверь. Несколько минут Соня стояла у порога, чувствуя себя вампиром, который не может войти в дом. Потом она сумела взять себя в руки и прошептала по-валеатски:

— Господи, помоги мне.

На пятом этаже кто-то вышел на площадку. Соня услышала щелканье зажигалки, вздохнула и бесшумно сунула ключ в замочную скважину.

Никитос был не один: войдя в полутемный коридор, Соня слышала возню и стоны из спальни. «Надо же, — подумала она, неслышно подходя к прикрытой двери в комнату, — даже не стесняется». Почему-то ей снова стало весело.

Она застала мужа и бывшую лучшую подругу в самый разгар любовного действия. Парочка расположилась спиной к двери; некоторое время Соня смотрела, как ритмично двигается зад Никитоса, а потом демонстративно покашляла в кулак и сказала:

— Прелюбодеяние. На супружеском ложе.

Никитос шарахнулся в сторону и уставился на Соню так, словно она восстала из мертвых. В каком-то смысле это было так; Соня одарила его циничной улыбкой из богатого арсенала Рекигена и посмотрела на Ирку — та вытаращила глаза и открывала и закрывала рот, будто от ужаса чем-то подавилась.

— Я подаю на развод, Никитос, — сообщила Соня. — Забирай эту шалаву и проваливай, чтоб я тебя не видела.

Никитос натурально лишился дара речи. Сейчас он был похож на капризного ребенка, который готов забиться в истерике. Конечно, ему же обещали, что гадкая жена больше не появится на горизонте — а она вот, стоит, подбоченься, и еще смеет ухмыляться.

— Сорок пять секунд подъем, — процедила Соня. Ирка оказалась сообразительнее Никитоса: она соскочила с кровати, мигом сгребла с пола шмотки, сорванные в порыве страсти, и поскакала в коридор. Вскоре хлопнула входная дверь: бывшая подруга действительно уложилась в отведенное время.

— Проваливай, — повторила Соня. Она сейчас не испытывала ничего, кроме стыда за

то, что когда-то любила этого человека. Все силы духа Никитосу хватило только на то, чтобы убрать надоевшую жену чужими руками — а теперь он не может набраться смелости и посмотреть ей в глаза.

— Как ты вернулась? — проговорил он, и тут выдержка окончательно покинула его: Никитос вскочил, сжал кулаки и заверещал по-бабьи: — Как ты, сука, вернулась? Почему ты не сдохла? Ты должна была сдохнуть, обезьяна! Я за это бабки отвалил!

Ноздри Сони дрогнули, и она вскинула руку, собирая нити заклинания среди пальцев. В эту минуту она забыла о том, что вся магия осталась в Сузе — и магия тоже об этом забыла. Заклинание сгустилось в светло-зеленый шар, сорвалось с ее пальцев и ударило Никитоса в грудь.

— Я не сдохла, дорогой, — ухмыльнулась Соня. Зеркало на стене отразило незнакомую жуткую фигуру, и только потом Соня поняла, насколько ужасной и пугающей была в тот миг. Никитос, отброшенный к окну, схватился за горло: он задыхался, ему не хватало воздуха. Соня шагнула вперед и, подняв руку, сказала: — Я же говорила: не называй меня обезьяной.

Никитос жадно хватал воздух раззявленным ртом, не сводя взгляда с жены. Соня чувствовала, как лицо каменеет, превращаясь в маску презрения и ненависти. Вот он, человек, которого она любила всем сердцем — и он заплатил за любовь, выкинув ненужную жену в другой мир. В клетку. На верную смерть. В ушах шумело; на мгновение Соне показалось, что она сейчас умрет от боли.

— Бабки он отвалил, — второй шар ударил Никитоса и отшвырнул его на пол. Гнев, беспримесный и ясный, туманил зрение. — Не мои ли бабки-то? Ты же никогда много не зарабатывал, дорогой, — еще один шар, и еще: из носа и ушей мужа потекла кровь. Соня прошла по комнате и склонилась над Никитосом. Она вернулась домой, ее магия осталась с ней, и она могла отомстить. Это было очень легкое и очень искреннее чувство.

Соню остановило только понимание того, что если она сейчас убьет Никитоса, то никогда не сможет посмотреть в глаза Лефевру.

— Лежи смирно, дорогой, — посоветовала она и развела руки. Между пальцами повисли серебристые нитки паутины: примерно такими Клод прикрепил ее к алтарному камню, лишив возможности пошевелиться. — А то будет больно.

Велецк оказался достаточно крупным, но, к удивлению Сони, каким-то очень ленивым городком, погрязшим в вязкой дремоте и не желающим из нее выбираться. Вроде бы жизнь была ключом: на дорогах Соня увидела дорогие машины, количество торговых центров на душу населения было практически столичным, от реклам и новогодней иллюминации рябило в глазах, хотя до нового года было еще больше месяца — но почти все люди выглядели так, словно больше всего хотели забраться под одеяло в компании с печеньем и планшетом, и чтобы их не трогали в ближайшие сто лет.

Книжный магазин, в котором предстояло выступить Винокурову, располагался в самом сердце города, на втором этаже огромного торгового комплекса. Сидя за столиком на фудкорте, Соня лениво потягивала бессовестно разведенное пиво и смотрела, как в стеклянной коробке магазина суетятся продавщицы, готовя место для выступления величайшего фантаста современности. Растяжки с рекламой новой книги висели на каждой стене. Вездесущие телевизионщики уже расставляли аппаратуру: визит светоча следовало осветить со всеми подробностями.

Фанаты Винокурова уже толпились возле магазина и на фудкорте — все энергичные,

все веселые, все с красно-белыми шарфиками, в цветах флага Сааты. Сказать бы им, что Саата на самом деле называется Сузой, а их кумир просто подглядывает за чудесным миром в замочную скважину, потому что не в силах создать ничего своего — ведь не поверят, разорутся... Впрочем, глядя на винокуровских поклонников, Соня подумала, что вот так, лицом к лицу, они орать не станут. Они ужасно боятся реального мира, который может дать им отпор, и смелеют только за компьютером. Как Никитос, который со вкусом втапывал в грязь любимую жену, но тотчас же капитулировал, когда понял, насколько она изменилась.

Он обмочился от ужаса, когда нити опутали его, заключив в некое подобие кокона. Вспоминая об этом, Соня не могла сдержаться презрительной ухмылки. А ведь она любила его, хотела строить с ним жизнь, верила, что все будет хорошо... Отпив еще глоток из высокого пластикового стакана, Соня подумала, что у нее наконец-то открылись глаза.

Винокуров приехал за полчаса до начала встречи: его приветствовали радостными криками, аплодисментами и возгласами «Кхеар Кхими!» — традиционным приветствием в Саате. В Сузе Соня не слышала ничего подобного. Значит, писака все-таки смог изобрести что-то свое... Взяв бокал, она смешалась с толпой фанатов и подошла к стеклянной коробке магазина. Винокуров поздоровался с организаторами, поцеловал ручки продавщицам и уделил целых десять минут на интервью представителям местного телеканала. Соня не отрывала взгляда от вещей, которые Винокуров выложил на стол: старая записная книжка, давно ставшая частью его образа, смартфон с обгрызенным фруктом и ручка. Потертая ручка в красном деревянном корпусе, щедро украшенном темными пятнами — их явно оставила зажигалка.

Соня сделала очередной глоток из стакана, притворяясь, что просто глазеет по сторонам, и подумала, обращаясь к Перу:

«Иди ко мне».

Перо не шевельнулось. Фанаты эмоционально обсуждали смерть Мико. Соня прикрыла глаза, подумала о том, что Винокуров, стоящий сейчас к ней спиной, может обернуться и увидеть ее и подумала снова:

«Не бойся. Иди ко мне».

Возможно, ей показалось, но Соня будто бы ощутила прикосновение. Тихое, едва заметное.

«Не бойся. Я не буду тебя обижать».

Оператор с камерой неловко зацепил стол, и Перо, качнувшись, медленно покатило к краю.

«Иди ко мне!» — воскликнула Соня, и Перо сорвалось со стола и исчезло. Соня готова была поклясться, что оно не долетело до пола.

Карман куртки неожиданно потяжелел. Осторожно запустив в него пальцы, Соня наткнулась на теплый гладкий корпус — Перо вздрогнуло, и девушка услышала его голос:

«Ты ведь желаешь мне зла?»

«Ни в коем случае, — максимально искренне подумала Соня, протискиваясь сквозь толпу винокуровских фанатов к эскалатору. Стакан с недопитым пивом отправился в ближайшую урну. — Ты ни в чем не виноват. Тебя просто использовали».

На улице пошел снег. Застегнув куртку и спрятав руки в карманы, Соня пошла в сторону моста через унылую местную речушку. За мостом располагалась небольшая гостиница, где она сняла номер. Перо молчало, но, когда Соня пересекла мост, подало голос:

«Клод Ренард умер. Принц Рекиген умер. Жертвы Мико. Все, кто умер в этих книгах...

Это все из-за меня».

Его голос был звонким, мальчишечьим, и в то же время усталым и надтреснутым. Соня ощутила мгновенную, пронзительную жалость. Неподалеку мигнул красный крест с зеленой окантовкой — вывеска над дверью аптеки.

«Я куплю тебе мазь от ожогов», — подумала она. Неожиданно Перо дрогнуло в кармане и с очаровательной застенчивостью попросило:

«Апельсиновое масло. Я очень его люблю. Можно?»

Артефакт был не просто зачарованным куском дерева и металла — в отличие от Винокурова, Соня видела в нем вполне очевидную личность. Она тщательно вымыла и почистила Перо в ванной своего гостиничного номера, смазала мазью от ожогов темные пятна, оставленные зажигалкой, и, нажав несколько капель апельсинового масла в аромалапу на столе, положила Перо на чистую салфетку рядом. Возможно, Соне показалось, но Перо издало блаженный вздох.

«Я никогда так хорошо не жил», — признался артефакт. Соня улыбнулась, представив, как мечется по магазину Винокуров, утративший бесценное сокровище, и спросила вслух:

— Может быть, что-то еще?

«Куда уж больше, — от металлического кончика Пера поднялся золотистый туманный лепесток. — Мне очень хорошо, Соня. Ты правда не держишь на меня зла».

Соня не могла испытывать ничего, кроме искренней жалости и сочувствия. Винокуров просто использовал чудесную вещь, использовал грубо и нагло, не допуская даже мысли о том, что настолько бесцеремонно нельзя поступать даже с вещами.

— Как же Винокуров спелся с Никитосом? — поинтересовалась Соня. Устроившись на кровати поудобнее, она взяла исцарапанный пульт от старенького телевизора и включила местные новости. На экране появился финал репортажа о встрече со знаменитым писателем: Винокуров выглядел вполне довольным собой, фанаты ликовали, продавщицы сбились с ног, пакуя книги. То ли Винокуров не успел заметить пропажу, то ли умел делать хорошую мину при плохой игре и не стал устраивать скандала.

«Никитос его очень любил, — сообщило Перо, выпустив еще один сверкающий лепесток. В воздухе отчетливо запахло ландышем. — Просто висел на нем, обожал даже тогда, когда остальные ругали. Нашел подход, много льстил, и они подружились, стали хорошими приятелями...»

— ...обещает, что новая книга из серии «Хроник Сааты» появится уже через три месяца, — журналистка улыбалась с экрана, держа в руке разноцветный томик. Шарф на ее шее был завязан традиционным сузианским узлом, и Соня подумала, что никто никогда не узнает, насколько это на самом деле дико. — А мы говорим «Кхеар Кхими» и продолжаем ждать. Валерия Маслова, Артем Выготский, специально для телеканала «Россия-Велецк».

«Я, кстати, оставил там свою копию, — признался артефакт. — Он ничего не заметил и поймет далеко не сразу».

— Ловко! — восхитилась Соня. — Но Никитос никогда не говорил мне, что общается с самим Винокуровым. Я бы знала.

Перо отчетливо усмехнулось в ее голове.

«Ты ничего не знала, Соня, уж прости. Он спал с твоей подругой на твоей кровати... Это все-таки покруче, чем дружба с писателем. Никитос не хотел ею делиться. Ни с кем. Эта дружба принадлежала только ему».

Соня предпочла пропустить эту шпильку мимо ушей.

«Искренняя любовь творит чудеса. А Никитос любил только себя и Винокурова, — продолжал артефакт. — И такая искренняя любовь не может остаться без взаимности. Как-то Никитос поделился тем, насколько его вымотала семейная жизнь, и Винокуров предложил ему вариант. Не за спасибо, разумеется».

Вздыхнув, Соня принялась бездумно переключать каналы. Интересно, как там сейчас Никитос в паутине?

«Лежит на полу и мычит, — с готовностью сообщило Перо. — Что ты собираешься делать дальше, Соня?»

Некоторое время Соня молчала. За окнами совсем стемнело: ноябрьский вечер, холодный и хмурый, был почти таким же, как в Сузе. Соне до сих пор казалось, что она не вернулась домой. Стоит открыть глаза, и она увидит роскошную спальню Рекигена. Или фрески на потолке в комнате Огюста-Эжена. Она до сих пор была там, в Сузе.

— Самый крошечный островок где-нибудь в тропиках, — сказала Соня. — Не отмеченный ни на какой карте. Без источника пресной воды. Есть такой?

«Есть», — подумав, сказал Перо. Соня улыбнулась и, поднявшись с кровати, подошла к столу и взяла листок бумаги с эмблемой гостиницы.

— Что я должна сделать? — спросила она. — Просто взять и написать?

«Да, — ответило Перо и вздрогнуло. Воздух над ним колебался неровным маревом, какое бывает между пламенем и дымом костра. — Просто возьми меня и напиши».

— Они ведь там сожрут друг друга. В прямом смысле слова, — сказала Соня и осторожно взяв Перо, написала:

«Владимир Винокуров и Никита Тимофеев очнулись на рассвете у кромки моря. Ветер облизывал голую каменистую спину островка, лежащего вдали от всех торговых путей...»

Перо плавно скользило по бумаге. Писать было очень легко.

Купе было в полном распоряжении Сони. Туристический сезон давно закончился, до новогодних праздников было еще далеко, и желающих отправиться в ноябрьский Питер нашлось не так уж много. Одиннадцать часов в пути; бросив сумку под стол, Соня поставила телефон на зарядку и вытянулась на полке. Вскоре поезд плавно качнулся и неторопливо двинулся вперед, оставляя за собой темное здание вокзала.

Меньше всего Соня ожидала, что Перо подведет ее настолько сильно.

Проводник проверил билеты, предложил чаю — Соня сдержанно улыбнулась и сказала, что подумает. Наконец, ее оставили в покое, и Соня решила побродить по интернету. Что еще остается делать, если Перо, отправив Никитоса и Винокурова в дальние дали, сообщило, что измучено настолько, что ничем больше не сможет помочь. Ему требовался отдых и восстановление сил. Соня в буквальном смысле слова лишилась дара речи — она смотрела на Перо и думала о том, что не попадет в Сузу и не сможет помочь Лефевру.

Он наверняка в тюрьме. Застрелил принца из своего табельного оружия, похитил принцессу и умудрился куда-то ее спрятать — а преступления против короны сузианское правосудие карало смертью. И вряд ли можно было доказать, что принц Рекиген был одержим, и у Огюста-Эжена, собственно говоря, не было иного выхода. Простит ли Ахонсо убийство сына? Придет ли на помощь?

Соня до сих пор чувствовала пробирающую простудную дрожь страха и беспомощности. Винокуров истерзал несчастный артефакт настолько, что Перо и говорить-то могло с трудом, не то что отправлять Соню в другой мир.

— По крайней мере, скажи, что с Огюстом-Эженом, — попросила Соня. Разочарование

и полный крах всех надежд все-таки не могли заставить ее сердиться на артефакт. В конце концов, устранение Винокурова было первостепенной задачей; Соня подумала, что слишком быстро научилась распределять приоритеты с достаточной жесткостью, и ей стало очень горько.

— Он жив, он в тюрьме, — устало откликнулось Перо. — И он справится. Прости, Соня. Я должен отдохнуть.

Сейчас Перо лежало в сумке, надежно упакованное в коробку. Соня положила его на вату, пропитанную апельсиновым маслом. Что ж, иногда обстоятельства бывают сильнее нас. Не жечь же его, в конце концов, на огне зажигалки...

Об исчезновении Винокурова трубили все газеты и все новостные сайты. Во время пресс-тура в Велецке гений современной литературы бесследно исчез — зашел в туалет и пропал. До сих пор о нем не было никаких известий. Поклонники сходили с ума, предлагая самые невероятные версии: среди всех прочих Соню порадовала мысль, изложенная неким Обнимуськой на одном из форумов — Винокуров на самом деле маг и отправился в Сузу. Соберет материала для новых книг и вернется.

— В каком-то смысле это так, — негромко сказала Соня. — Вот только он не вернется.

Интересно, сколько Никитос и Винокуров протянут на том островке? Впрочем... впрочем, нет, неинтересно — Соня признала, что испытывает полное равнодушие к судьбе теперь уже бывшего мужа и его любимого писателя. Она всем сердцем рвалась в Сузу, к Лефевру, но Перо было безмолвным и неподвижным, и Соня не могла сказать даже приблизительно, сколько ей придется ждать.

Огюст-Эжен наверняка сказал бы что-то вроде того, что не стоит изводить себя мучительными терзаниями, если все равно ничего не можешь изменить. Соня пробовала взять себя в руки, старательно прогоняя дурные мысли, но в конце концов ей стало казаться, что в Сузе ее будет ждать могила любимого человека. Ахонсо не вмешается — ему нужен козел отпущения, на которого можно свалить убийство принца и смерть народной любимицы. Принцесса Алита станет святой мученицей, а злонамеренный маг Лефевр...

Соня старательно обрывала плохие мысли.

В Москве поезд стоял полчаса. Соня угрюмо смотрела, как на перроне кучкуются пассажиры, вышедшие покурить и плотнеть свежего воздуха. Шел мелкий дождь. Самое скверное время года, когда хочется забиться куда-нибудь и не выбираться. В Велецке, оставленном далеко позади, всегда был ноябрь... Соня смотрела в окно, и в мыслях мелькали обрывки молитв — она не могла понять, кому именно молится и на каком языке, но суть была одна: пусть Лефевр дождетя. Пусть он выживет.

Никто не отвечал. Небо над перроном было низким, серым и унылым.

Поезд прибыл в Петербург около десяти утра. Войдя в здание вокзала, наполненное голосами, музыкой и суетой, Соня некоторое время смотрела на бюст Петра, а потом спустилась в метро и, поблуждав пару минут, определилась с направлением и села в вагон. Теперь ее путь лежал на Васильевский остров.

По городу пришлось поблуждать: Соня шла мимо угрюмых нахохлившихся домов, изредка сверяясь с картой в смартфоне, но то ли карта была неправильной, то ли улицы решили поиграть с ней, как кошка с мышью, но нужный дом никак не попадался. Но, когда Соня успела отчаяться и окончательно пасть духом, карта все-таки вывела ее к шестиэтажному светло-желтому зданию. Встав под козырек подъезда, Соня аккуратно

извлекла из сумки толстый конверт, еще раз сверилась с адресом и, мысленно перекрестившись, набрала на домофоне нужный номер квартиры. Несколько долгих минут Соня слушала мелодичные переливы из динамика, а сердце так и прыгало в груди. Что, если там никого нет? Дед и бабушка Огюста-Эжена наверняка очень старенькие, они могли и не дожить... Наконец, когда Соня вздохнула и решила уйти, чтобы вернуться попозже, домофон ожил:

— Кто? — женский голос был немолодым, но энергичным. В нем не было и следа старческой усталости.

— Здравствуйте, я к Мезенцевым, — откликнулась Соня и сама удивилась тому, как задрожал ее голос. Она готова была расплакаться. — К Анне и Евгению Мезенцевым.

Ей ничего не ответили, но домофон пикнул, и дверь открылась. Нырнув в подъезд, Соня открыла конверт и вынула оттуда листок с акварелью — с рисунка улыбалась молодая женщина в светлом платье. Ее вряд ли можно было назвать красавицей, но во взгляде, повороте головы и выражении лица таилось нечто, бывшее сильнее любой красоты. Поднявшись по ступенькам на второй этаж, где уже была открыта дверь в квартиру, и маленькая старушка в темном платье смотрела на лестницу, Соня спросила:

— Вы Анна Петровна Мезенцева?

— Да, — кивнула старушка. — Да, это я.

Во взгляде выцветших серых глаз, за приветливым дружелюбием, Соня заметила старую-старую боль. Должно быть, Анна Петровна иногда забывала о ней, но потом боль неизменно всплывала снова. Соня протянула ей акварель и сказала:

— Это вам.

Старушка приняла рисунок, всмотрелась в изображенную на нем девушку и вдруг вздрогнула всем телом, едва не уронив акварель. Если бы Соня не подхватила ее под руку, Анна Петровна наверняка упала бы.

— Леночка... — прошептала она. — Господи, Леночка моя...

Значит, Елена Евгеньевна Мезенцева. Соня назвала это имя, и мир вокруг на мгновение изменился, став не осенним и мрачным, а радостным и ясным. Мать Лефевра наконец-то вернулась домой.

— Откуда это у вас? — спросила Анна Петровна, вглядываясь в рисунок и осторожно глядя лицо дочери. — Кто вы?

— Я от Лены, — сказала Соня, понимая, что сейчас ей придется много врать и чувствуя страшную неловкость, когда не знаешь, куда деться, но вынужден делать то, что должен. Анна Петровна посмотрела на нее, и Соня увидела, что старушка плачет.

— Она жива? — в этом вопросе была такая надежда, что у Сони сжалось сердце.

— Да, — откликнулась она и протянула конверт Анне Петровне. — Да, она жива. Я видела ее неделю назад.

Лицо старушки дрогнуло, сменяясь маской скорби и счастья. Ее давно потерянная дочь была жива, и целая жизнь прошла в ожидании этих слов... Отступив в квартиру, Анна Петровна растерянно пролепетала, не сводя взгляда с акварели:

— Да что же я... Вы проходите, проходите скорее. Как вас зовут?

— Соня.

— Пройдите, Сонечка, — повторила старушка. — Евгеша скоро придет...

Разувшись и нанизав пальто на крючок вешалки, Соня прошла за Анной Петровной в небольшой зал. Должно быть, квартира, где живут двое пожилых супругов, должна быть

именно такой: с неновой, но аккуратной мебелью, с фотографиями на стенах и полках, с огромным количеством книг и цветочными горшками на подоконнике. Вопреки ожиданиям, в зале пахло не затхлостью слежавшегося времени, а какими-то духами, невероятно изящными в своей старомодности. На одной из фотографий Соня узнала Хелену Лефевр — Лену Мезенцеву. Она сидела на скамье, сцепив руки в замок на коленях, и улыбалась человеку по другую сторону объектива. Это было непонятное светлое чувство возвращения домой после долгой разлуки; Соня шмыгнула носом и отвела взгляд от снимка.

Анна Петровна с трепетной нежностью вынула из конверта акварели — на одной из них она сама, молодая и веселая, была изображена с мужем, на другой была Бригитта — юная, легкая, очень похожая на мать, на третьей — Огюст-Эжен, серьезный и строгий. На последней Елена нарисовала себя и мужа. Анна Петровна долго рассматривала акварели, не замечая, что по лицу струятся слезы. Ее улыбка была такой, что Соня ощутила, как останавливается сердце.

— Леночка... — промолвила Анна Петровна и вынула из конверта письмо: большое, подробное, на нескольких листах. Соня считала непорядочным читать чужие письма, но с этим была вынуждена ознакомиться, чтобы составить легенду, которую должны узнать родители Хелены Лефевр. Анна Петровна быстро прочла письмо, потом перечитала его медленно, вдумчиво, и перечитала еще раз, отрываясь от мелких убористых строчек и глядя на лица людей на акварелях.

— Ее почерк... — растерянно промолвила Анна Петровна. — Ее стиль. Леночка хотела стать художницей, ее манеру не перепутаешь... Вы ее видели, Сонечка? Видели?

— Да, — кивнула Соня и быстро и многозначительно добавила: — Понимаете, я не имею права рассказывать вам детали. На самом деле меня тут вообще нет. Но Лена... она жива и здорова. У нее дети. И она каждый день вспоминает о вас. Каждый день...

Анна Петровна оробело качнула головой. Только сейчас Соня заметила, как трясутся руки старушки.

— Внешняя разведка, да? — спросила она. — Поэтому Леночке нельзя ни позвонить, ни написать?

Соня утвердительно кивнула.

— Если ее раскроют, то это подставит под удар нашу страну, — сказала она без выражения, старательно глядя в сторону. Анна Петровна понимающе вздохнула, и Соня поспешила добавить: — Я и так на грани провала. Но все-таки в мире должна быть справедливость, правда?

В замке заворочался ключ, и в квартиру вошли. Анна Петровна встрепенулась и, подхватив содержимое конверта, бросилась в прихожую. Соня старательно рассматривала свои руки, пытаясь не вслушиваться в негромкие голоса из прихожей и невольно ловя обрывки слов. Потом вдруг стало тихо, очень тихо, а потом кто-то вздохнул и спросил:

— Она там?

В зал вошел высокий чуть сутулый мужчина, которого язык не поворачивался назвать стариком — глядя на пожилого джентльмена, Соня подумала, что именно таким и будет Огюст-Эжен лет через пятьдесят. Робко поднявшись с кресла, она хотела было поздороваться, но Евгений Мезенцев твердо спросил:

— Она жива?

— Жива, — ответила Соня, пытаясь взять себя в руки и вернуть голосу спокойную уверенность. — Жива и здорова, я видела ее неделю назад...

Мезенцев провел ладонью по глазам, на мгновение утратив всю силу и выдержку и став просто несчастным человеком, который провел свою жизнь в ожидании и наконец дождался. Анна Петровна несмело взяла его за рукав рубашки.

— Евгеша, не надо, — проговорила она. — Мы ведь и не надеялись дожждаться. А Леночка жива, и внуки у нас есть. Не надо, Евгеша...

Старушка не выдержала и заплакала снова. Мезенцев вздохнул и обнял ее.

Потом, покинув квартиру и оставив Мезенцевых с их горем и счастьем, Соня так и не ощутила облегчения. Хелена Лефевр вернулась домой, а Соня застряла между мирами, и надежда на то, что она когда-нибудь окажется в Сузе и увидит Огюста-Эжена, была совсем слабой. Артефакт лежал в коробке и выглядел, как обычная старая ручка.

— Что же мне теперь делать? — спросила Соня. Расставшись с Мезенцевыми, она долго бродила по Васильевскому острову — дождь перестал, выглянуло солнце, и город мгновенно потерял всю свою осеннюю мрачность. Купив в ларьке кофе, Соня устроилась на лавочке и достала из сумки коробку с Пером.

— Мне надо вернуться, — негромко сказала она. Кругом были люди, но никто не обращал на Соню внимания, словно она до сих пор была в Сузе. — Мне надо вернуться и спасти Огюста-Эжена. Понимаешь?

Перо молчало. Картонный стаканчик обжигал пальцы.

И Соня поехала домой. Что еще ей оставалось делать?

Она провела три долгих месяца, улаживая скопившиеся дела и пытаясь как-то жить дальше. Пришлось засунуть надежду в самую глубину сознания и запереть дверь — но Соня все равно думала о Лефевре, и с каждым днем ей становилось все страшнее. Казалось, что Перо никогда не оживет. Открывая коробку с артефактом, Соня думала, что он умер.

Перо ожило в первый день весны — Соня сидела за одним из столиков на фудкорте торгового центра, кромсала пластмассовым ножом тугой кусок моментально остывшей пиццы и думала о том, что пора бы и перестать постоянно таскать с собой сумку с артефактом и драгоценностями Бригитты Лефевр. Вряд ли Перо еще даст о себе знать, а долгое ожидание слишком выматывает душу — лучше перестать ждать. Смутно похожий на покойного Рекигена блондин, сидевший за соседним столиком, рассматривал Соню, явно намереваясь подойти и познакомиться — Соня смерила его сердитым взглядом, и в это время в голове зазвучал знакомый голос:

«Соня, ты не передумала? Я готов».

Парень, который с искренним интересом рассматривал хмурую рыжеволосую девушку, увидел, что она нервно вскинула голову, словно ее окликнули. Сунув руку в сумку, девушка достала коробочку и, сбросив крышку, вытащила ручку и принялась что-то записывать на листе с рекламой нового бизнес-ланча. Блондин на мгновение отвлекся — смартфон завибрировал — а когда поднял голову, то девушка исчезла. Парень удивленно посмотрел по сторонам: ее нигде не было. Только что была здесь, а теперь пропала.

Он поднялся и подошел к столику, за которым сидела рыжая. На листке, прямо поверх изображения тарелки с супом, было написано:

«Соня Тимофеева пришла в себя в гостиной на первом этаже дома Лефевров...» Дальше убористый женский почерк сменился другим, угловатым и ломким:

«Ее встретил полумрак и пыльная тишина давно покинутого места».

Глава 11. Радуга (Финал)

Услышав крик. Лефевр отстраненно подумал, что кому-то, по всей видимости, очень плохо. Потом в него ударил поток ледяной воды, он окончательно пришел в себя и догадался, что это он и кричал.

Трудно не кричать, когда висишь на дыбе вниз головой.

Инквизитор третьего ранга, палач-новичок, которого Лефевр никогда не видел в допросной, опустил ведро и сказал кому-то в отдалении:

— Оклемался, ага.

Каждое движение — да что там, просто мысль о движении вызывала страшную боль во всем теле. Из носа сорвалась капля крови.

— Переверните меня, — негромко промолвил Лефевр. — А то сдохну прежде, чем дам показания.

Лефевром вдруг овладело замечательное равнодушие к собственной судьбе. Завидное здоровье не позволит умереть на дыбе вот так сразу, так что выбивать из него ответы на вопросы будут очень долго, но Лефевр знал, что, несмотря на дикую боль и отчаяние, он не сможет удовлетворить бывших коллег признательными показаниями.

Никто же не поверит, что ее высочество Алита отправилась в другую реальность. Значит, допрос продолжится, но Лефевр все равно не скажет ничего нового. И ему было все равно. Он надеялся, что Алита жива, что она вернулась домой, и эта надежда давала ему силы.

Его все-таки перевернули и еще раз облили из ведра. Лефевр отметил, что допрос ведется не по протоколу. Сотрудники министерств и ведомств не подлежат допросу третьей степени.

— Итак, — прозвучало откуда-то сзади, и в голосе была слышна крайняя степень нервного раздражения, словно говорившего мучила зубная боль или, прости Господи, геморрой. — Вы признаете, что убили его высочество Рекигена и ее высочество Алиту?

Во рту скопилась кровь. Лефевр сплюнул и усмехнулся. «Не думал, что мне придется оценивать профессионализм коллег с другой стороны», — подумал он и ответил:

— Признаю, что убил его высочество Рекигена. Что там признавать? Мое табельное рядом с телом. И пуля с личным номером у него в башке. Правда, он был мертв уже до этого, — Лефевр обнаружил, что сквозь равнодушие прорывается какая-то лихорадочная болтливость, и умолк.

Где-то сзади зашуршали бумагами. Боль медленно пульсировала во всем теле, но Лефевр начал к ней привыкать. Интересно, как его казнят? Усекновением головы?

— Почему стреляли?

— Потому что Рекиген был одержим, — Лефевр сплюнул снова и продолжал: — Вызовите любого мага для экспертизы. Принц личным заклинанием запустил Брызгу, убил не меньше двух дюжин... — левую часть спины пронзило взрывом боли, и Лефевр умолк.

— Вызывали, ага, — откликнулся палач, переводя один из рычагов пыточного станка в исходное положение. — Не глупей тебя-то.

— Заткнись, Клим, — посоветовал допросчик. — Где ее высочество Алита? Куда ты ее дел?

Лефевр грустно улыбнулся, вспомнив, как девушка растаяла в золотом мареве. Она

вернулась домой — Лефевру оставалось только надеяться, что чудовища родного мира не причинят ей вреда, что найдутся те, кто сможет защитить ее.

— Следующий вопрос, — произнес он, мельком подумав, что это, должно быть, жуткое зрелище: человек висит на дыбе, ухмыляется окровавленными губами и не собирается целовать сапог допросчиков, чтобы пытка прекратилась. Она ведь не прекратится, даже если Лефевр скажет чистую правду.

— Ах ты, сука! — воскликнул допросчик с бессильной яростью. — Крути, Клим!

И Клим крутил.

Потом сквозь кровавое марево Лефевр услышал знакомый голос — звонкий, возбужденный и яростный.

— Варварство! Варварство и дикость! — орал Гербрэнд Гуле. С трудом повернув голову, Лефевр увидел, что старый товарищ стоит перед столом допросчика и едва не хлещет этого угрюмого человека по носатой физиономии новейшим изданием уголовного кодекса. — Вы что творите? Сотрудники инквизиции не подлежат допросу третьей степени! Только увещательная беседа! Ума лишились?

Допросчик, судя по выражению его лица, готов был вцепиться в горло Гуле.

— Ты кто такой? — спросил он, сжимая и разжимая правый кулак. Гербрэнд подобрался, не собираясь пропускать удар слева, и сказал:

— Я адвокат господина министра! А ты кто такой?

— Он совершил преступление против короны, — допросчик не утрудил себя ответом.

— Государевы преступники лишены всех чинов и званий, и допрос ведется по всей форме.

— Где документы об этом за подписью его величества?

А вот тут допросчик замялся: похоже, к Ахонсо никто не обращался, решив проявить пресловутое и легендарное усердие не по разуму. Лефевр подумал, что в этом есть определенный смысл. Все бумажки можно подписать задним числом, а лезть к государю в момент его горя — все-таки троих сыновей потерял — вряд ли кто-то осмелится. Лучше принести ему на блюдечке голову мерзавца. А еще лучше — отдать этого мерзавца народу, который наверняка уже вышел на улицы, требуя разорвать на шмотья убийцу принцессы. В том, что Алита мертва, никто не сомневается.

— А у меня они есть! — торжествующе заявил Гуле и вынул из внутреннего кармана несколько сложенных листков. Развернув один из них, он прочел: — Мы, Господней милостью Ахонсо... приказываем вести допрос злонамеренного мага Огюста-Эжена Лефевра по форме номер один без применения дополнительных средств устрашения. Допрос обвиняемого допустимо проводить только в присутствии адвоката, — Гуле демонстративно раскланялся во все стороны и представился: — Гербрэнд Гуле, инквизитор первого ранга, к вашим услугам.

Допросчик смотрел на него с непередаваемым выражением лица. То ли он хотел врезать наглому Гуле так, чтобы тот упал и не поднялся, то ли боролся с желанием взять под козырек: человек, который сумел добиться аудиенции у государя по такому делу и в такой момент, был достоин всяческого уважения. Гуле небрежно бросил на стол бумаги — мелькнули гербы, печати и подпись его величества — и, обернувшись к палачу, холодно осведомился:

— Кого ждем, уважаемый? Снимайте обвиняемого.

Палач произвел некий жест, похожий одновременно на низкий поклон и танец

вприсядку, и немедленно принялся расстегивать наручники, державшие Лефевра на пыточном станке. Гуле тем временем не терялся. Он сгреб все бумаги со стола и, дав секретарю напутственного пинка, потребовал кофе. Пока секретарь бегал, а палач приводил Лефевра в более-менее пристойное состояние для продолжения допроса, Гуле развалился на стуле и принялся изучать протокол допроса.

Допросчик был вне себя. Похоже, дело Лефевра было для него шансом отличиться и подняться по ранговой лестнице, и то, что какой-то хрен с бугра настолько вольно вел себя в допросной, взбесило его не на шутку.

— Ладно, хорошо, — сказал он. — Пусть так. Обвиняемый признался в том, что совершил убийство его высочества Рекигена. Это первое преступление против короны. Обвиняемый отказывается сообщить правосудию, где находится ее высочество Алита. Следствие приходит к выводу, что ее высочество мертва. Возможно, убита вместе с мужем.

Гуле посмотрел на допросчика, как на полного идиота. Лефевр горестно усмехнулся и негромко сказал:

— Я ее любил. Я никогда не причинил бы ей вреда.

Теперь уже Гуле изменился в лице.

— Лучше помолчи, Огюст-Эжен, — посоветовал он. — Ни слова не говори в эту сторону.

— Почему это «не говори»? — торжествующе взвился допросчик. — Вот и мотивы! Расправа с принцем Рекигеном из ревности. И убийство ее высочества в состоянии помешательства.

Он выскочил из-за стола и принялся ходить по допросной, заложив руки за спину и, должно быть, воображая себя героем какого-нибудь бульварного романа, где отважный детектив разоблачает преступников, одной рукой прикуривая сигару, а другой обнимая девушку.

— Вы расправились с принцем и отправились с ее высочеством Алитой к себе домой, — сказал допросчик. Было видно, что он с большим удовольствием излагал бы свою теорию, если бы Лефевр висел на пыточном станке вниз головой, но уж чем богаты, тем и рады. — Магический фон дворца и вашего дома, замеренный лучшими экспертами столицы, говорит о том, что принцесса Алита была с вами и была жива. Потом эксперты, стоявшие в оцеплении, зафиксировали резкую вспышку магической активности, а когда вспышка угасла, то принцессы уже не было в доме. И вы пошли сдаваться.

Секретарь принес кофейник и чашки. Гуле налил кофе и передал чашку Лефевру. Допросчик недовольно повел бровью, но обошелся без комментариев.

— Следствие полагает, — продолжал он, — что ее высочество ответила отказом на ваши притязания. И вы убили ее, — допросчик помедлил, оценивая произведенный эффект, и продолжал: — С учетом того, что вы являетесь злонамеренным магом, я предположу, что именно вы навели морок на раненого принца, заставив его совершить все эти ужасные злодеяния. Это дало бы вам повод к расправе.

Лефевр посмотрел на него, как на идиота. Впрочем, это было скорее смешно, чем грустно, и люди в этих допросных сыпали и не такими завиральными идеями.

— Вам бы, господин допросчик, романы писать, — мрачно сказал Лефевр, отпивая безвкусный кофе. — Имели бы бешеную популярность. Я появился во дворце уже после того, как принц обезумел. Спросите ваших экспертов, пусть они скажут, как Рекиген использовал заклинания.

— Уже найдено сильное стороннее воздействие, — со знанием дела добавил Гуле и достал из кармана еще один листок. — Принцем Рекигеном водил некто гораздо сильнее злонамеренного мага Лефевра. Полюбуйтесь, вот все результаты.

Он швырнул листок допросчику — тот поймал бумагу, и его лицо стало каким-то жалким — и сказал:

— Это была одержимость вроде той, которой был подвержен приснопамятный Мороженщик. Милорд Лефевр выполнил свою работу.

Допросчик некоторое время расхаживал просто так, молча — потом он утратил всякую сдержанность и рявкнул:

— Ты убил принцессу, гнида! Где ее тело? Что ты с ней сделал?

Лефевр допил кофе и встал с лавки. Пол качнулся под ногами, окружающий мир затянуло серой пеленой наступающего обморока, но он сумел-таки устоять и, проговорив:

— Ее высочество жива. Но все подробности я расскажу государю — и только ему, — все же не выдержал форса и рухнул на пол допросной.

Разумеется, его не повели к Ахонсо вот так сразу. Лефевр провел ночь в тюрьме, и, несмотря на все усилия Гуле, его засунули в самую грязную камеру — постарался безымянный допросчик, который так и не счел нужным представиться. Когда Лефевра уводили, он вдруг ухмыльнулся и сказал:

— Ловко ты имущество переписал. Значит, планировал убийство и готовился. Может, бабенку твою тряхнуть? Мои ребята любят таких нежных и трепетных блондинок...

Лефевр и бровью не повел. Достать дочь председателя Куатто да на Фалетских островах, у которых были весьма натянутые отношения с Сузой — для этого у судебных были руки коротки. Допросчик понял, что его выстрел не поразил цели и приуныл.

Пока Лефевра допрашивали, столица готовилась к похоронам принцев. Всюду были черные траурные флаги, люди занавешивали окна и посыпали волосы темносиней краской хаула в знак неутешного горя. От Ахонсо не отходили врачи: страшная смерть сыновей стала для него мучительным потрясением, и все действительно опасались за жизнь государя. Тела принцев и их жен перенесли в дворцовый храм для отпевания, и, некоторое время спустя, туда же доставили гроб с телом Рекигена. Экспертная комиссия сочла, что принц к моменту преступления был мертв, то есть никак не несет ответственности за свои действия и имеет полное право на отпевание и погребение.

Тело ее высочества Алиты так и не было найдено. Народ волновался, и на улицах то и дело возникали мелкие стихийные митинги, которые полиция и не думала разгонять — искренне плачущие люди требовали наказать убийцу, если Алита мертва, или найти ее живой. Похоже, судьба народной принцессы волновала всех намного больше гибели принцев.

— Ангел наш. — постоянно повторяли в толпе. — Неужели улетел к Господу?

Если бы Лефевр слышал это, то наверняка ответил бы утвердительно: да, улетела. Покинула этот мир. Но он лежал на деревянной лавке в подземелье, слушал, как где-то монотонно капает вода, медленно, но верно усиливая головную боль своим размеренным падением, и думал о том, что Алита спасена — и это было важнее всего. Лефевр понимал, что никогда больше не увидит ее. Алита, Соня Тимофеева, вернулась домой и бесконечно счастлива этим возвращением. Разве может быть иначе? Там у нее друзья, привычный мир, люди, которые говорят с ней на одном языке, там все принадлежит ей, и она никогда не будет чувствовать себя несчастной чужачкой.

Будет ли Алита скучать по этому миру? Вряд ли. Лефевр был в этом уверен. И о нем, Лефевре, Алита наверняка забудет тоже. Он, в конце концов, был просто частью невероятного, авантюрного приключения, а приключение подошло к концу. В конце концов, что между ними было? Даже мимолетным романом не назвать... И Лефевр лежал на лавке, вслушивался в боль, щедро оставленную пыточным станком, и пытался смириться со своей потерей.

У него это почти получилось.

Ранним утром его вывели из камеры и, ни слова не говоря, повели в сторону допросной. Лефевр шел за молодым инквизитором нулевого ранга, заступившим на службу пару месяцев назад, думал о том, что его, возможно, отправят из допросной прямо на эшафот, и понимал, что ему все равно. Вчерашнее равнодушие к собственной судьбе вернулось, и Лефевр ощутил невольное облегчение.

Он сделал все, что мог. Будь, что будет.

В допросной его ждал Гуле — несмотря на раннее утро, он выглядел очень энергичным и уверенным в себе — и вчерашний допросчик. Судя по желчному выражению его лица, карьерный рост откладывался на неопределенный срок. Смерив Лефевра презрительным взглядом, он пододвинул к нему папку с бумагами по делу и процедил:

— Распишись, где галочка. Или палец приложи.

Лефевр предпочел промолчать. Бог с ним, пусть полагает напоследок. Он бегло прочел выписку из своего допроса и, взяв перо, поставил подпись на строчке своего имени. Допросчик придвинул к себе папку и хмуро осведомился:

— Жалобы на дурное обращение есть?

Лефевр не сдержал усмешки и ответил:

— Никак нет. Отдохнул, как на курорте.

Гуле протянул ему большой бумажный сверток и сказал:

— Государь назначил тебе личную аудиенцию. Вот, я принес тебе вещи, переоденься.

В свертке обнаружилась личная форма со споротым золотым шнуром. «Ага, все-таки лишили меня и чинов, и званий», — с каким-то нервным весельем подумал Лефевр. Допросчик собрал свои бумаги, напоследок смерил Лефевра и Гуле каким-то непонятым темным взглядом и покинул помещение.

— Я сделал все, что мог, Огюст-Эжен, — негромко признался Гуле, помогая Лефевру справиться с рукавами: правая рука плохо слушалась после общения с пыточным станком. — Теперь только если государь вмешается, потому что твои дела очень плохи. По официальной версии ты навел морок на принца и убил его. И убил Алиту, когда она тебе отказала.

— Да, этот хмырь вчера очень четко все изложил, — сказал Лефевр, застегивая пуговицы. — Гербренд, дружище, будь осторожен. А то рядом на виселице встанешь, за рьяное пособничество злонамеренному ведьмаку.

Гуле только отмахнулся.

— Не имеет значения, — произнес он. — Я всегда сражался за правду. Хорошо еще, государь согласился тебя выслушать. Этот тип намеревался выдирать из тебя правду клещами.

— Это уж точно, — согласился Лефевр. — У нас в допросных и не такие, как я, начинают говорить.

Потом Лефевра вывели из здания и засунули в черный экипаж, перевозящий преступников. В стенку экипажа тотчас же стукнулось что-то тяжелое, брошенное кем-то из

Зевак. Лефевр успел заметить, что возле выхода собралось несколько дюжин равнодушных горожан, жаждавших правосудия и готовых вершить его своими руками.

— Убивец! — заорала какая-то женщина, судя по говору, из простонародья. — Убивец проклятуший!

— Ведьмак поганый!

— Тварь!

Наверняка официальная версия еще вчера попала во все газеты. В стенку экипажа ударило еще что-то, и кучер поспешно хлестнул лошадей, не желая попасть под очередной гостинец. Зеваки заорали и заулюлюкали. Полицейские сделали вид, что ничего не происходит, но по их лицам было ясно, что они очень даже не против присоединиться к орущей толпе.

Лефевр вздохнул и откинулся на неудобную спинку сиденья. Теперь надо было просто ждать.

Государь снова встретил его в розарии, тихом и темном. Все розы, и отцветающие, и только выпустившие бутоны, были безжалостно срезаны. В оранжерею пришла зима. Коротким равнодушным жестом Ахонсо отпустил конвой, который привел Лефевра, и негромко проговорил:

— У меня мало времени, Огюст-Эжен. Садитесь.

Лефевр послушно опустился на соседнюю скамью. Ахонсо действительно выглядел очень плохо. Он сильно сдал, осунулся и почти ничем не напоминал владыку, который только позавчера принимал Лефевра в этом же месте. Тогдашний человек был государем, а нынешний — несчастным отцом, потерявшим детей.

— Примите мои соболезнования, государь, — искренне сказал Лефевр. — Мне действительно очень жаль.

— Напрасно я вас не послушал, — вздохнул Ахонсо. Его взгляд был пуст: государь в одно мгновение утратил смысл жизни. У него остались дети, осталась его страна и народ, но он словно забыл об этом. — Надо было просто взять и вывезти всех из дворца, а не объявлять готовность номер один. И вот кто-то сумел спастись, а кто-то... — он опустил голову и не закончил фразы.

— Мы оба сделали все, что могли, — произнес Лефевр. — Мы ведь не знали, что получится именно так. И не знали, откуда придет беда.

— На все воля Господа, — произнес Ахонсо. Подняв руку, он сорвал один из темных розовых листков и принялся задумчиво скручивать его в трубочку. В этом усталом жесте было столько одиночества и опустошения, что Лефевру захотелось закричать от боли. — Я читал отчеты экспертов, выслушал всех выживших свидетелей... Как умер Рекиген?

Стараясь щадить чувства государя, Лефевр рассказал о последних минутах жизни принца в максимально осторожных выражениях. Когда он умолк, Ахонсо устало выронил измятый листок и спросил:

— Рекиген действительно был одержим?

— Да, — ответил Лефевр. — Мне кажется, он осознавал все, что с ним происходит, и пытался сопротивляться, но не мог. Смерть стала для него избавлением и благом.

Ахонсо покачал головой.

— Я так и думал. Бедный мальчик...

Некоторое время они молчали, потом государь позвонил в колокольчик, и личный помощник сразу же прибежал с несколькими бокалами, наполненными разноцветными

жидкостями. После того, как Ахонсо принял лекарства и отпустил помощника, он спросил:

— А Алита? Она жива?

Лефевр утвердительно кивнул.

— Да, ваше величество. Она жива и здорова, с ней все в порядке. Но ее больше нет в Сузе, и она не вернется.

Тусклый взгляд Ахонсо на мгновение прояснился.

— Это хорошо, — сказал он. — Я рад, что она спаслась. Ты изыскал способ вернуть ее домой?

— Да, ваше величество.

Ахонсо нахмурился, что-то припоминая, а потом произнес длинную фразу на незнакомом языке, гулком и трескучем, и вопросительно взглянул на Лефевра. Тот только руками развел.

— Простите, государь. Не понимаю.

Губы Ахонсо дрогнули в печальной улыбке. Лицо осталось прежним — застывшей маской горя.

— Это слова на родном языке бабушки Криштины, — объяснил он. — Старая пословица ее настоящей родины. Когда Господь отнимает у нас любовь, он всегда дает нам надежду.

Лефевр вздохнул. Для него вся надежда иссякла в тот момент, когда угасло золотое сияние артефакта, и простенький глиняный шарик, мертвый и лишенный всех сил, упал на ковер и закатился под диван. Сердце неожиданно кольнуло толстой тупой иглой, и Лефевр подумал, что если хваленое здоровье подведет его, и он умрет прямо здесь, на скамье под розовым кустом, лишенным цветов, то это будет самым достойным финалом его горькой истории.

— У меня больше нет надежды, государь, — с неожиданной тоской признался Лефевр. — Все кончено. Она не вернется.

Ахонсо понимающе качнул головой.

— Не отрекайтесь так поспешно, Огюст-Эжен, — посоветовал он и вынул колокольчик.

— Суд над вами через два дня?

Вместе с личным помощником пришел и конвой — аудиенция подошла к концу. Лефевр поднялся и произнес:

— Да. Но это уже не имеет значения.

Государь вздохнул и задумчиво погладил латунный бок колокольчика.

— Вы сделали все, что было в ваших силах, Огюст-Эжен, — сказал Ахонсо и прикрыл глаза, давая понять, что устал и не нуждается в продолжении беседы, словах и заверениях. — Прощайте.

Южная часть Сузианского материка, несмотря на практически вечное лето, считалась медвежьим углом. Бедная каменистая почва не славилась урожаями, жители в массе своей тратили время на вендетту, и цивилизация добралась в эти края совсем недавно — нормальную канализацию и дороги здесь увидели только пять лет назад.

Но Лефевр считал это место настоящим курортом. Солнце, таинственные сапфировые глубины моря и относительное сочувствие обитателей здешних мест жалкой судьбе ссыльного — что еще нужно, чтобы скоротать один день, и еще один, и еще...

Теперь он жил при местной церкви, и тонкий белый шпиль колокольни, вонзавшийся в выцветшее небо, был первым, что видел Лефевр, просыпаясь. Приговор, вынесенный полгода

назад, включал в себя ежедневное присутствие на всех службах и еженедельное покаяние. Обитатели поселка довольно быстро привыкли к нескладной высокой фигуре государева преступника, который до начала службы сидел на паперти с молитвословом в руках, а потом стоял в самом дальнем углу церкви и последним подходил причаститься святых даров. Иногда Лефевру казалось, что ему сопереживали вполне искренне.

За эти полгода он почти каждый день вспоминал о финале своего судебного процесса и больше всего жалел Гербрэнда: когда судья вошел в зал, где яблоку негде было упасть от свидетелей и высокородных зевак, его товарищ выглядел совершенно растерянным и несчастным. Он действительно сделал все, что мог, пойдя против всей своей жизни ради призрачной возможности спасти друга — разрушил карьеру защитой злонамеренного ведьмака, потерял друзей — но это оказалось напрасным. Листы приговора в руках главного судьи были обвиты черной лентой.

Лефевр хотел было сказать что-нибудь утешительное, но не стал.

С улицы доносился шум: возле Дворца правосудия с самого утра собирались горожане, желая услышать приговор. Полицейское оцепление стояло возле ступеней только для вида — было ясно, что, случись какая заваруха, офицеры в высоких черных шлемах в конкретно этой ситуации ее с удовольствием поддержат. Особенно учитывая тот факт, что в свое принцесса Алита провела поправку к закону о полиции и подарила стражам порядка хорошо оплачиваемую пенсию. В воздухе плавали магические шары-слухачи — они передавали на площадь все, что говорилось в зале суда.

Судья распустил ленты на бумагах с приговором, и в зале воцарилась тишина. Люди на площади умолкли, боясь пропустить хоть слово.

— Человек, подлежащий суду, Огюст-Эжен Лефевр, злонамеренный маг, полностью признал свою вину в убийстве его высочества Рекигена бин Альбоа, — судья не просто читал: он, словно великий драматический актер, всеми силами старался придать каждому слову вес и важность. — Закон Сузы приговаривает его к смерти за тягчайшее преступление против короны.

Некоторое время еще было тихо, а потом люди снаружи разразились ревом и воплями. Лефевр слушал равнодушно. Он не ожидал ничего иного, прекрасно зная, что иногда благодарность родины за убийство одержимого преступника обладает весьма специфическим привкусом и ароматом. Гуле стоял рядом, сокрушенно опустив голову. По рядам зрителей в зале прошла легкая волна недоумевающих возгласов, но судья вскинул руку, и снова воцарилась тишина.

— Его величество Ахонсо сегодня не имеет возможности присутствовать на заседании, — продолжал судья. — Однако он прислал исчерпывающий рассказ о показаниях, данных ему обвиняемым. Мы все задаем себе вопрос: где ее высочество Алита?

Он сделал красивую трагическую паузу, и Лефевр подумал, что в судье действительно погиб великий актер. Возможно, он с юных лет мечтал о сцене, а родители заставили его учиться юриспруденции...

— Да! — заорал кто-то снаружи. — Где она?

В зале снова зашептались. Судейские чинуши — все, как один, долговязые, в алых мантиях и белых париках с невообразимым количеством локонов — заерзали на своих скамьях. Заседание затягивалось, и это им не нравилось. Гуле мрачно смотрел на бумаги по делу, лежавшие перед ним.

— Государь изволил сообщить суду следующее. Принц Рекиген был одержим

неизвестным духом, похожим на того, который терзал приснопамятного Мороженщика, — продолжал судья. — Он напал на ее высочество Алиту и с помощью злонамеренной магии нанес ей раны, несовместимые с жизнью. Милорд Лефевр, спасая принцессу, застрелил Рекигена и через туннель разрыв-камня перенес девушку в свой дом, желая спасти ее теми артефактами, которые имел в личном пользовании, и не допустить, чтобы дух, погубивший его высочество, переселился в принцессу.

Лефевр почувствовал, что у него в прямом смысле слова открылся рот от изумления. В зале и на улице воцарилась гробовая тишина. Судья поправил очки и вернулся к чтению.

— Ее высочество Алита умерла от ран, нанесенных одержимым супругом. Тело ее развеялось в прах под действием злонамеренной магии, — судья сглотнул, дотронулся до горла и продолжал: — Его величество Ахонсо властью и волей сузианского государя и владыки выносит по этому делу следующий приговор.

Угрюмо усмехнувшись, Лефевр подумал, что судьба наверняка заготовила для него очередную кривую гримасу. Например, государева преступника надо будет отдать на съедение львам. В самом деле, после такого поворота он готов был ожидать чего угодно.

— Признать обвиняемого Огюста-Эжена Лефевра виновным в убийстве его высочества Рекигена бин Альбоа. Признать обвиняемого невиновным в убийстве ее высочества Алиты Росса, баронессы Ковенской. С учетом того, что принц был одержим и вернулся в мир живых по воле сил, противных Господу нашему, особо отметить, что обвиняемый действовал в рамках инквизиционного протокола и уничтожал зло, как поклялся, принимая присягу.

Гуле вскинул голову и улыбнулся: лихо, весело, молодо. Надежда окрылила его.

— Его величество выносит следующее решение, — судья не выдержал, откашлялся в кулак: — Заменить смертную казнь на высылку к дальним рубежам Сузы сроком на год. На этот срок лишить обвиняемого всех чинов и званий и обязать вести жизнь смиренную и нищенскую с еженедельной исповедью и покаянием. Отправить...

Лефевр не мог вспомнить, что было потом. Вроде бы Гуле обнимал его, крича что-то радостное и насквозь нецензурное. Вроде бы кругом вопили и ликовали люди. Он не был уверен ни в чем, и почему-то это его радовало.

— Задумался, сын мой?

Встрепенувшись, Лефевр обнаружил, что и впрямь слишком глубоко погрузился в воспоминания. Служба закончилась, церковь опустела, и отец Витторио, маленький и энергичный, подошел к нему с томиком исповедных молитв.

— Да, отче, — признался он. — Задумался.

Отец Витторио улыбнулся. До положения в сан он прославился в качестве известного наемного убийцы, и если раньше на его клинке была выгравирована надпись «Каждый удар — смертелен», то сейчас он с прежним пылом и рвением нес кару еретикам в каждой проповеди. Каждое его слово, искреннее и горячее, было таким же смертельным для зла, как и удары, нанесенные им в мирской жизни.

— Присядем, — предложил он и, когда Лефевр послушно опустился на скамью, произнес: — Ты здесь уже полгода. Скоро срок ссылки истекает. Чем планируешь заниматься потом?

Лефевр неопределенно пожал плечами. Не то что бы он лишился привычки строить планы — просто ему действительно было все равно.

— Не знаю, — признался он. — Скорее всего, уеду из Сузы. Злонамеренные ведьмы и ведьмаки существуют не только здесь. А больше я ничего не умею, только охотиться на них.

Во взгляде отца Витторио мелькнуло нечто, похожее на уважение.

— Разумные мысли, — похвалил священник. — Ты слишком одиозная фигура для нашей бедной родины.

— О том и речь, — сдержанно улыбнулся Лефевр. Он прекрасно понимал, что именно планирует отец Витторио на его счет. Люди, умеющие профессионально управляться с оружием, всегда нужны в здешних краях бесконечной и бессмысленной мести.

— Как твоя тоска? — осведомился священник. Лефевр пожал плечами.

— Она неуголима.

Отец Витторио понимающе кивнул.

— Говорят, что если Господь отнимает у нас все, то взамен дарит надежду, — сказал он. — Уверен, ты уже слышал это раньше.

— Слышал.

— Иди, сын мой, — произнес священник. Он не утруждал долгими беседами ни Лефевра, ни себя. — Храни тебя Господь.

Обычно Лефевр проводил утро за уборкой храмового двора: несмотря на всю свою богобоязненность, местные жители не считали чем-то зазорным бросать под ноги огрызки, идя на службу, и сплевывать табак на плиты двора. Приведя двор в порядок, Лефевр отправлялся на паперть и сидел там до вечера, привычно открыв молитвослов на пятой странице. Отсюда, с белых плит храмового крыльца, согретых ласковым солнцем, было видно море, и Лефевр смотрел, как меняет цвет его таинственная глубина, как над соседними островами сгущаются тучи, а потом проливается дождь, и проступает радуга. За полгода это простое созерцание еще не успело ему надоесть. Вот и сейчас Лефевр настолько погрузился в свою незатейливую медитацию, что не услышал, как к нему обращаются. Только когда тонкая девичья рука опустилась на его плечо, он встрепенулся и обернулся.

— Добрый день, милорд, — Этель Куатто смотрела на Лефевра и улыбалась искренне и свободно. Никогда бы у нее не было такой улыбки, останься она в родительском доме. — А я вас зову, зову...

— Здравствуйте, Этель, — поднявшись со ступеней, Лефевр поклонился девушке и дотронулся до правого виска. — Как вас занесло в нашу даль?

Она очень изменилась. Если полгода назад это была хрупкая девочка, робкая и пугливая, словно дикое животное, то сейчас перед Лефевром стояла леди, которая нашла свое место в мире и твердо знает себе цену. Лефевр невольно обрадовался за нее.

— Як вам, — радостно призналась Этель. — У меня закончился первый курс медицинского дела, еду к родителям и решила завернуть сюда. Как вы, Огюст-Эжен?

Лефевр взвесил на руке молитвослов и сказал:

— Усердно раскаиваюсь в содеянном.

Вздыхнув, Этель поднялась на цыпочки и погладила его по плечу.

— Мне очень жаль, Огюст-Эжен. Мне действительно очень-очень жаль, — промолвила она и, запустив руку в недра своей кожаной сумки, вынула папку для бумаг. Выглядела папка весьма и весьма увесисто и солидно. — Давно пора вернуть это вам.

Лефевр непонимающе посмотрел на нее, и Этель снисходительно объяснила:

— Деньги ваши. Недвижимое и движимое имущество. Вы что, забыли?

Он усмехнулся и признался:

— А ведь и верно, Этель. Забыл.

— Тогда берите, — сказала Этель и сунула папку ему в руки. — Берите и знайте, что я всегда буду благодарить вас за то, что вы для меня сделали, — девушка вдруг отвела взгляд в сторону, словно пыталась скрыть набежавшие слезы, и, когда она заговорила, ее голос дрожал: — Вы создали меня, Огюст-Эжен. Вы сделали меня такой, какая я сейчас.

— И какая вы? — улыбнулся Лефевр. Положив папку на ступени — в ее сохранности можно было не сомневаться, местные никогда и ничего не крали — он предложил Этель руку, и они неторопливо побрели по дорожке, ведущей от храма к поселку и дальше, в порт. Почему-то Лефевр был уверен, что Этель не задержится здесь даже до обеда — поэтому надо просто проводить ее к кораблям.

— Я такая, какой всегда хотела быть, — промолвила девушка. — И это настоящее счастье.

Она рассказывала о своей учебе, о том, как упала в обморок, когда группа впервые пришла в анатомический театр, и о том, как сдала все экзамены на отлично — Лефевр слушал ее, в нужных местах кивал или задавал вопросы и с какой-то легкой грустью думал, что видит Этель в последний раз. Что ж, должно быть, это закон природы — люди приходят в жизни друг друга, идут вместе какое-то время, а потом расстаются. Хорошо, если выпадет возможность проститься.

— Будьте счастливы, Этель, — сказал Лефевр, когда они подошли к низенькому домику портовых касс. Корабль, идущий с полуострова на Большую землю, отходил через час, и кассирша угрюмо штамповала билеты, оценивающе глядя по сторонам. — Обещайте, что будете.

— Обещаю, — Этель посмотрела на него с недоумением и спросила: — Откуда вы знаете, что я уплываю именно сегодня? Вдруг я решила задержаться?

— Я злонамеренный ведьмак, — улыбнулся Лефевр и, помедлив, все-таки поцеловал Этель в щеку. Девушка смутилась, но не отстранилась. — Не забывайте об этом.

Потом, когда Этель купила билет и скрылась среди пассажиров, Лефевр встал на смотровой площадке и, глядя, как матросы готовят корабли к отплытию, а прибывшие в порт пассажиры медленно спускаются по сходням на твердую землю, подумал, что все это — порт, море, люди, вчерашняя двойная радуга — не имеют к нему никакого отношения. Они проходят мимо, не касаясь. Лефевр не знал, почему это так. И не хотел знать. Может быть, потому, что, отказавшись от веры и надежды, он сам вычеркнул себя из мира живых. Может быть, по какой-то иной причине.

Девушка в простом светло-зеленом платье, осторожно спускавшаяся по сходням корабля, некоторое время стояла, держась за перила ограждения — должно быть, привыкала к тому, что мир наконец-то обрел основательность и твердость. Ее огненно-рыжие волосы вольно трепал ветер.

«Смотри! — воскликнул глиняный шарик, давным-давно умерший, но неожиданно вновь получивший голос. — Смотри, вот же оно! Все сразу — море, дождь, радуга, ты и она. Вот оно!»

Лефевр смотрел. Рыжая девушка забросила сумку на плечо и, не обращая внимания на вездесущих портовых помогаев, которые предлагали донести вещи, проводить, заказать экипаж и еще уйму вещей, неторопливо двинулась в сторону выхода из порта, касс и смотровой площадки. Лефевр смотрел и понимал, что видит, но не верит.

«Вот оно! — глиняный шарик снова стал солнцем, звонким и поющим. — Вот оно! Вот!»

— Мне страшно, — признался Лефевр. — Я слишком долго ждал, и теперь мне страшно посмотреть и поверить.

Девушка шла прямо к нему. Если до этого она брела просто к единственному выходу из порта, то теперь она заметила Лефевра и узнала его. Рыжие волосы трепал ветер.

— Ты вернулась, — сказал Лефевр, когда Алита, снова забывшая свое имя, приблизилась к нему. — Ты вернулась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net